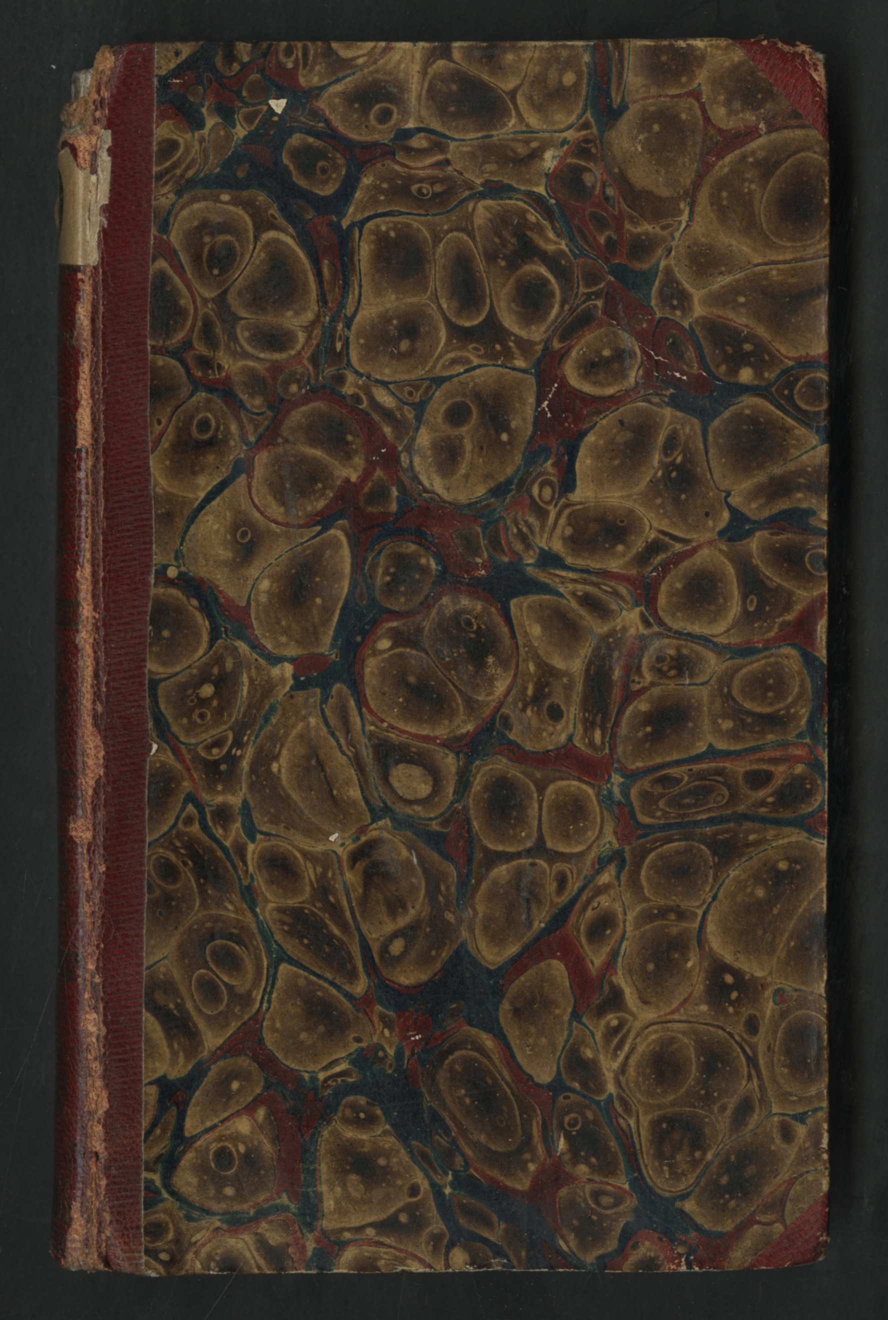
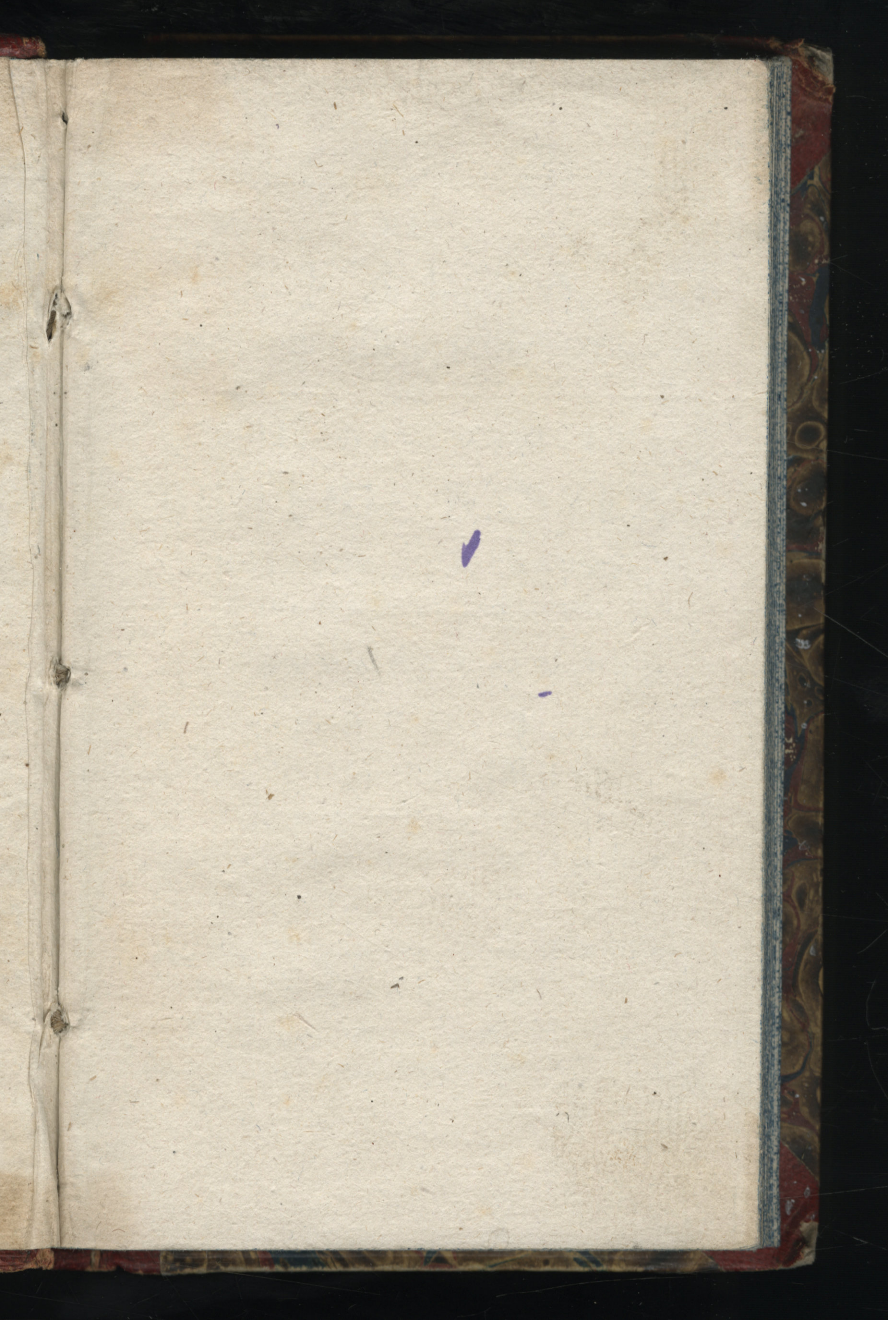




ЗАДИГЪ

или

СУДЬБА

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ

И

СВѢТЪ КАКОВЪ ЕСТЬ:

ВИДѢНІЕ БАБУКА

писанное имъ самимъ.

Сочиненіе Г. Волтера.

Къ онымъ прибавлена

ЕЛЕГІЯ

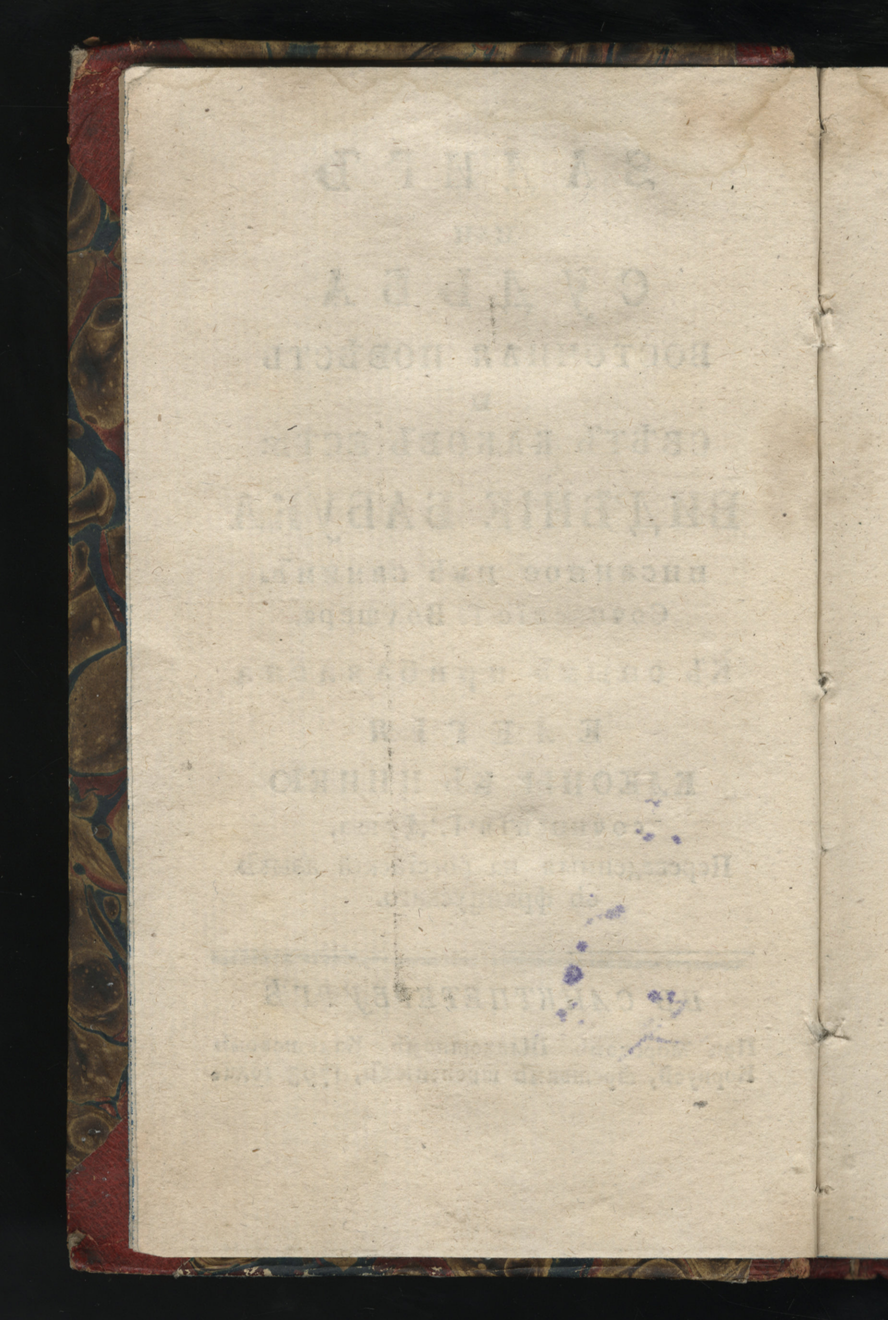
КЛЕОНЫ КЪ ЦИНЕЮ

сочиненія Г. Душа.

Переведенныя на россійскій языкъ съ францускаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При Морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, третьимъ тисненіемъ, 1795 года.



ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Славнаго Волтера сочиненія, для превосходнаго во оныхъ разума, хорошаго слога и нравоученія, съ похвалою отъ всѣхъ пріемлются, охотно читаются и на иностранные языки переводятся. Между оными повѣсти его тѣмъ пріятнѣе, что имѣя въ прочемъ сходство со обыкновенными любовными сказками, заключаютъ въ себѣ неравненно больше острыхъ мыслей, тонкой критики и разумныхъ наставленій. Задигова восточная повѣсть и видѣніе Бабука суть изъ числаа тѣхъ. Первая переведена уже одиножды на Россійскій языкъ и напечатана въ сочиненіяхъ 1759 года; но понеже оная печатана по частямъ въ разныхъ мѣсяцахъ, а сверхъ того много въ ней пропущено, что можетъ веселить и наставлять читателя; то вздумалось нѣкоторому охотнику перевесть оную вновь и издать особливою книжкою, придавъ къ ней видѣніе Бабука, которое отъ г. Волтера къ повѣсти Задига также присовокуплено, и къ нимъ прибавить Елегію Г. Душа, которая будучи изъ лучшихъ и новыхъ въ семъ родѣ сочиненій, уповательно читателямъ не непріятна будетъ.

)(

* * *

ПРИНОШЕНІЕ СУЛТАННѢ ШЕРАА ОТЪ САДИ

18 числа мѣсяца Шевала Гегиры 837 года

Прелесть очесъ, мученіе сердецъ, свѣтъ разума, я не цѣлую праха ногъ твоихъ, для того что ты никогда не ходишь, или что ходишь по коврамъ іранскимъ, или по розамъ. Подношу тебѣ переводъ книги нѣкотораго древняго мудреца, который, имѣя щастіе быть безъ дѣла, былъ щастливъ писать для забавы Задигову історію; книгу изъявляющую больше, нежели оная

❧ * ❧

изъявлять кажется. Прошу тебя прочти и будь ей судїею; ибо хотя жизнь твоя цвѣтомъ весны красуется, хотя всѣ веселости тебя ищутъ, хотя ты красавица, и природныя твои дарованїя умножаютъ красоту твою, хотя тебя хвалятъ съ вечера до утра, и что по всѣмъ симъ причинамъ имѣешь ты право быть обнаженною вовсе отъ здраваго разсудка; однакожъ одарена ты разумомъ превысокимъ, и вкусомъ пренѣжнымъ, и самъ я слыхалъ, что ты разсуждаешь лучше старыхъ Дервишей съ долгими бородами и со острыми шапками. Ты скромна безъ лукавства, добронравна безъ слабости, благодѣтельна съ выборомъ, лю-

✠ * ✠

бишь своихъ друзей, и убѣгаешь дѣлать себѣ непрїятелей. Разумъ твой не заимствуетъ себѣ украшенїя отъ злословїя; ты не говоришь и не дѣлаешь зла, не взирая на превеликую способность, которую бы ты къ тому имѣть могла. Словомъ, душа твоя казалась мнѣ всегда столь же чиста, сколь красота твоя превосходна. Ты наставлена въ нѣкоторыхъ началахъ и Философїи, по чему я думаю, что тебѣ больше, нежели другой, сочиненїе мудреца понравится.

Съ начала писано оное на древнемъ халдейскомъ языкѣ, коего ни ты ни я не разумѣемъ; перевели то по арапски, для забавы преславнаго Султана

❧ * ❧

Улугбека. Сїе было въ тѣ времена, когда Аравляне и Персїяне начинали писать тысячу и одну ночь, тысячу и одинъ день, и прочая. Улугбекъ жаловалъ лучше читать Задига, но Султанны лучше любили тысячу и однихъ. Какъ вы можете читать, говорилъ имъ премудрый Улугъ, сказки безъ разума и которыя въ себѣ ни чего не заключаютъ? Для того то мы ихъ и любимъ читать, отвѣтствовали Султанны.

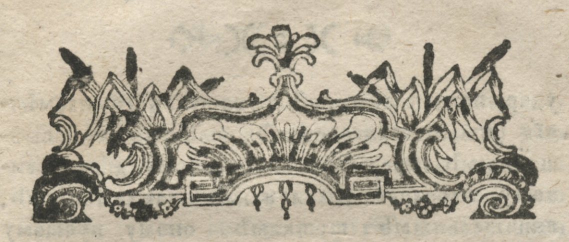
Я льщуся, что ты имъ не уподобишся, но будешь истинный Улугъ; да и уповаю, что когда тебѣ наскучатъ обыкновеннаго обхожденїя разговоры, которыя весьма походятъ на

✠ * ✠

тысячи и одни, выключая, что оныя еще меньше забавны, могу я найти минуту поговорить съ тобою о дѣлѣ. Ежели бы ты была Ѳалестра, во времена Скандера сына Филиппова, ежели бы ты была Царица Савская, во времена Солеймановы, то сіи бы Цари тебя видѣть поѣхали.

Молю силы небесныя, да будутъ утѣхи твои непрерывны, красота твоя неизмѣнна, и щастіе твое безконечно.

САДИ



ЗАДИГЪ
или
СУДЬБА
повѣсть восточная.

Глава шестьдесятъ четвертая.
Кривый.

Во времена Царя *Моабдара* былъ въ Вавилонѣ юноша именемъ *Задигъ*, одаренный благополучною природою, которая укрѣплена была добрымъ воспитанїемъ. Хотя богатъ и молодъ; однако зналъ онъ умѣрять свои страсти, никогда не притворствовалъ, ни чѣмъ надъ другими не превозносился, и умѣлъ снизходить человѣческимъ слабостямъ. Со удивленїемъ на него взирали, что имѣя острый разумъ,

удерживался онъ отъ ругательнаго насмѣянія онымъ разговорамъ безъ разума, смѣшеннымъ, прерываемымъ, оному дерзновенному злословію, глупымъ заключеніямъ, язвительнымъ шуткамъ, оному пустому звуку словъ, которыя почитались пріятнымъ собесѣдованіемъ въ Вавилонѣ. Онъ научился изъ первой книги *Зороастра*, что самолюбіе подобно заключающему въ себѣ вѣтры мѣху, изъ котораго вылетаютъ бури, когда его прокалываютъ. Паче всего *Задигъ* никогда не тщеславился ни презрѣніемъ, ни покореніемъ себѣ женщинъ. Онъ былъ щедръ, не боялся добро дѣлать и неблагодарнымъ, послѣдуя великому правилу *Зороастра: когда ты ѣшь, корми псовъ, хотя они тебя угрызть могутъ.* Онъ былъ столько премудръ, сколько быть премудрымъ можно; ибо искалъ онъ обхожденія съ премудрыми. Наставленъ въ наукахъ древнихъ Халдеевъ, разумѣлъ онъ физическія основанія естества, такъ какъ ихъ тогда разумѣли; а Метафизики зналъ столько, сколько во всѣхъ вѣкахъ знали, то есть очень мало. Не взирая на новую Философію своего времени былъ онъ твердо увѣренъ, что годъ состоитъ изъ 365 дней съ четвертью, и что солнце поставлено въ средо-

точіи міра; и когда начальные волхвы говорили ему съ гордымъ негодованіемъ, что онъ имѣетъ вредныя мнѣнія, и что должно того признавать врагомъ общества, кто вѣритъ, что солнце вкругъ самого себя обращается, и что годъ имѣетъ 12 мѣсяцовъ; то онъ молчалъ не показывая ни гнѣва ни презрѣнія.

Задигъ съ великимъ богатствомъ, слѣдственно и съ друзьями, въ полномъ здравіи, украшенный видомъ пріятнымъ, одаренный великимъ разумомъ, но скромностію умѣряемымъ, имѣя сердце искреннее и благородное, думалъ что онъ могъ быть щастливъ. Ему надлежало жениться на *Семирѣ*, которая по красотѣ, породѣ и богатству почиталась первою невѣстою въ Вавилонѣ. Онъ имѣлъ къ ней склонность твердую, основанную на добродѣтели, а *Семира* его любила страстно. Уже наступало вожделѣнное время ихъ сочетанія, когда прогуливаясь вмѣстѣ у воротъ вавилонскихъ, подъ тѣнію пальмовыхъ древесъ берега Евфрата украшающихъ, увидѣли они идущихъ къ себѣ людей саблями и стрѣлами вооруженныхъ. Были то согласники младаго *Оркана*, племянника одного Министра, которому ласкатели дяди его вложили въ мысль, что

ему все дѣлать позволено. Не было въ немъ ни одной изъ тѣхъ пріятностей и добродѣтелей, какія имѣлъ *Задигъ*, однако почитая себя превосходнѣйшимъ, приходилъ во отчаяніе, что *Задигъ* ему предпочтенъ. Сія зависть, влагаемая самолюбіемъ, произвела въ немъ мнѣніе, будто онъ смертельно влюбился въ *Семиру*. Онъ вздумалъ увести ее. Похитители ее ухватили, и въ неистовствѣ сего злодѣянія нечаянно поранили и пролили кровь красавицы, которая однимъ взоромъ могла бы умягчить и лютыхъ тигровъ горы Імауса. Вопль ея проницалъ небеса, она кричала: мой дражайшій супругъ! меня похищаютъ у того, кто мнѣ всего въ свѣтѣ любезнѣе. Она не брегла о собственной своей напасти, но жалѣла о своемъ дражайшемъ *Задигѣ*. *Задигъ* тогда защищалъ ее всею силою, которую подавали ему храбрость и любовь. Спомоществуемь токмо двумя невольниками, обратилъ онъ въ бѣгство похитителей, и привезъ окровавленную и безчувственную *Семиру* домой, которая открывъ глаза увидѣла своего избавителя. Она сказала ему: о *Задигъ*! я любила тебя какъ супруга, а теперь люблю, какъ сохранителя чести моей и живота. Нельзя вообразить, чтобъ чье сердце когда

было исполнено такимъ чувствіемъ, какъ *Семирино*; чтобъ когда прелестнѣе чьи либо уста выражали толь нѣжныя мысли, словами толь умильными, которыя влагаемы были горячимъ чувствіемъ великаго благодѣянія, и сладкимъ восхищеніемъ законныя любви. Рана ея была легкая, она весма скоро выздоровѣла. *Задигъ* былъ раненъ гораздо опаснѣе; стрѣла попавшая подлѣ глаза, сдѣлала ему глубокую рану. *Семира* токмо и молила боговъ о исцѣленіи своего любезнаго. Глаза ея были день и ночь орошаемы слезами, во ожиданіи съ нетерпѣливостію того времени, въ которое глаза *Задиговы* могли бы наслаждаться ея взорами; но приключившійся отъ той раны нарывъ приводилъ глазъ въ великую опасность. Послали въ Мемфисъ по славнаго врача *Гермеса*, который пріѣхалъ съ великою свитою. Онъ осмотрѣлъ больнаго, и объявилъ, что онъ глаза лишится; предсказалъ день и часъ, въ который сей печальный случай сбудется. Ежелибъ то былъ правый глазъ, говорилъ онъ, я бы вылѣчилъ; но раны лѣваго глаза неизцѣльны. Весь Вавилонъ, сожалѣя о нещастіи *Задига*, удивлялся глубокому знанію *Гермеса*. Два дни спустя нарывъ прорвался самъ собою. *Задигъ* выздоровѣлъ совершенно.

Гермес написалъ противъ сего книгу, въ которой доказывалъ, что ему не надлежало выздоровѣть. *Задигъ* ея не читалъ; а какъ скоро могъ выйти, то готовился посѣтить ту, въ которой онъ полагалъ надежду благополучія своей жизни, и для коей единственно желалъ имѣть глаза. *Семира* была въ деревнѣ уже три дни. Онъ услышалъ въ пути, что сія красавица объявя, что она имѣла крайнее омерзѣніе къ кривымъ, въ туже ночь вышла за мужъ за *Оркана*. Отъ сей вѣдомости упалъ онъ въ обморокъ. Печаль доводила его до дверей гроба. Онъ былъ очень долго болѣнъ; но разсудокъ напослѣдокъ преодолѣлъ горесть; самый сей безсовѣстный поступокъ послужилъ ему ко утѣшенію.

Понеже я испыталъ, говорилъ онъ, толь несносный нравъ воспитанной при дворѣ женщины; то надобно мнѣ жениться на граждаикѣ. Онъ выбралъ *Азору*, разумнѣйшую и благороднѣйшую изо всего города, на ней женился, и жилъ мѣсяцъ въ совершенномъ съ нею согласіи. Только примѣтилъ въ ней нѣсколько легкомыслія, и особливое свойство, что она всегда находила молодыхъ и прекрасныхъ мужчинъ самыми добродѣтелными, и самыми разумными.

Носъ.

Нѣкогда *Азора* возвратилась съ гульбища въ великомъ гнѣвѣ, и изъявляя крайнее негодованіе. Что тебѣ сдѣлалось, любезная жена? спросилъ *Задигъ*, кто тебя такъ огорчилъ? Ахъ! говорила она, тыбъ также разсердился, еслибъ видѣлъ позорище, которому я была свидѣтель. Я ѣздила для навѣщанія молодой вдовы *Козры*, которая третьяго дня построила гробницу молодому своему мужу близъ ручья орошающаго сію долину. Въ горькой своей печали обѣщалась она богамъ пребывать неотлучно при семъ гробѣ, доколѣ ручей течь тамъ не престанетъ, Очень изрядно, говорилъ *Задигъ*, вотъ почтенія достойная жена, которая нелестно любила своего мужа. Ахъ! перервала *Азора*, ежелибъ ты зналъ, въ чемъ она во время моего посѣщенія упражнялась. Въ чемъ же, прекрасная *Азора*? Она приказывала теченіе ручья отводить отъ гроба. Здѣсь *Азора* безъ милосердія начала бранить молодую вдову, и произносить толь жестокія укоризны, что такое неумѣренное оказаніе добродѣтели и честности *Задигу* не понравилось.

Онъ имѣлъ друга именемъ *Кадора*, изъ тѣхъ молодыхъ людей, въ коемъ жена его находила больше добродушія и достоинствъ, нежели въ другихъ. Онъ избралъ его своимъ повѣреннымъ, и постарался сколько можно вѣрность его сдѣлать неколеблемою чрезъ нарочитый подарокъ. *Азора* препроводя два дни у пріятельницы своей на загородномъ дворѣ, на третій день возвратилась домой. Служители во слезахъ объявили ей, что мужъ ея въ ту ночь скоропостижно скончался, что не смѣли ей принести сей горестной вѣдомости, и что недавно положили его во гробѣ отцовъ его, при концѣ сада. Она плакала, терзала на себѣ волосы, и клялась умереть. Тогожъ вечера *Кадоръ* испросилъ позволеніе къ ней пріити, и они плакали оба, наутріе плакали меньше, и обѣдали вмѣстѣ. *Кадоръ* ей открылся, что другъ его оставилъ ему большую часть своего имѣнія; а притомъ далъ ей знать, что онъ за щастіе почелъ бы, естьли бы могъ то раздѣлить съ нею. Госпожа плакала, тосковала, успокоилась. Ужинъ былъ гораздо долѣе нежели обѣдъ: разговаривали откровеннѣе. *Азора* выхваляла покойника, но не скрывалась, что имѣлъ онъ и недостатки, которыхъ въ

Кадорѣ не было. Въ половинѣ ужина *Кадоръ* жаловался что сдѣлалася у него превеликая боль въ селезенкѣ. Госпожа съ безпокойствомъ металась, и приносила всѣ благовонныя воды, коими она кропилась, не поможетъ ли изъ нихъ которая отъ боли въ селезенкѣ. Она крайне сожалѣла, что великаго *Гермеса* не было въ Вавилонѣ; не погнушалась осязать то мѣсто, гдѣ чувствовалъ *Кадоръ* столь несносную болѣзнь. Такъ ты часто страждешь сею жестокою болѣзнію? сказала она ему съ жалостію. Иногда доводитъ она меня до гроба, отвѣчалъ ей *Кадоръ*; и только есть одинъ способъ ко избавленію, когда приложу къ больному мѣсту отрѣзанный носъ у недавно умершаго человѣка. Вотъ какое странное лѣкарство, сказала *Азора*. Не страннѣе, отвѣчалъ онъ, мѣшечка господина *Арну* отъ падучей болѣзни (*). Сей доводъ, присоединенный къ великимъ достоинствамъ молодаго человѣка, наконецъ убѣдилъ госпожу. Неужьто, говорила она, Ангелъ *Азраилъ*

(*) Въ то время былъ Вавилонянинъ именемъ *Арну*, который объявилъ чрезъ вѣдомости. что падучую болѣзнь лѣчить умѣетъ повѣшеніемъ мѣшечка на шею.

не пропустить мужа моего чрезъ мостъ *Чинапаръ*, когда онъ пойдетъ изъ вчерашняго свѣта въ завтрешній, ежели носъ у него будетъ немного покороче во второй жизни, нежели былъ въ первой? И такъ взяла она бритву, и пошла ко гробу своего мужа, облила его слезами, и приступила, чтобъ отрѣзать носъ у *Задига*, котораго нашла она распростерта во гробѣ. *Задигъ* встаетъ держа носъ одною рукою, другою отводитъ бритву: государыня моя, сказалъ онъ ей, перестаньте бранить молодую вдову *Козру*; отрѣзать у меня носъ стоитъ того, чтобъ отвести въ сторону ручей.

Собака и лошадь.

Задигъ узналъ, что первой мѣсяцъ женидбы, какъ писано въ книгѣ *Зендъ*, есть мѣсяцъ меда, а другой мѣсяцъ пелыни. Нѣсколько времени спустя принужденъ онъ былъ со *Азорою* развестися; съ которою неможно было ему ужиться, и началъ искать щастія своего во испытаніи естества. Нѣтъ щастливѣе, говорилъ онъ, Философа,

который читаетъ великую книгу, предложенную отъ Бога глазамъ нашимъ. Открываемыя имъ истины, принадлежатъ собственно ему; онъ питаетъ и возвышаетъ тѣмъ духъ свой, жизнь свою провождаетъ въ тишинѣ и безъ мятежа, ничего не опасается отъ людей, и любезная его жена не придетъ отрѣзать ему носа.

Наполненъ сихъ мыслей, удалился онъ въ загородный свой домъ на берега Евфрата. Тамъ не упражнялся онъ во исчисленіи, сколько дюймовъ воды протечетъ въ секунду подъ сводами моста, ниже въ томъ, больше ли на одну кубическую линію дождя пало въ мѣсяцѣ мыши, нежели въ мѣсяцѣ овна. Не вымышлялъ онъ, какъ дѣлать шелкъ изъ паутины, ни фарфоръ изъ разбитыхъ бутылокъ; но прилѣжалъ болѣе ко изслѣдованію свойствъ животныхъ и растѣній, въ чемъ онъ скоро пріобрѣлъ такое проницаніе, что открывалъ превеликое разнствіе тамъ, гдѣ другіе люди кромѣ совершеннаго сходства ничего не видятъ.

Нѣкогда гуляя близъ небольшаго лѣса, увидѣлъ онъ бѣгущаго къ себѣ царицына евнуха, послѣдуемаго множествомъ служителей, которые казались быть въ великомъ смущеніи, и бѣгали туда и сюда, какъ

люди заблудившіеся и ищущіе утраченное ими нѣчто драгоцѣнное. Молодецъ! говорилъ ему главный евнухъ, не видалъ ли ты царицыной собаки? *Задигъ* отвѣчалъ со учтивостію: конечно это сучка. Подлинно такъ, сказалъ евнухъ. Она невеличка, продолжалъ *Задигъ*, недавно ощенилась, хромаетъ лѣвою переднею ногою, а уши у нея очень долгія. Такъ по етому ты ее видѣлъ, говорилъ евнухъ запыхаясь. Нѣтъ, отвѣчалъ *Задигъ*, я ея никогда не видалъ и никогда не зналъ, что есть у Царицы сучка. Въ тожъ время случилось, что самая лучшая лошадь изъ царской конюшни вырвалась изъ рукъ конюха, и ушла въ поля вавилонскія. Великій Ловчій и прочіе служители бѣгали за нею съ такимъ же безпокойствомъ какъ и первый евнухъ за сучкою. Великій Ловчій оборотясь къ *Задигу* спрашивалъ его, не видалъ ли ты царской лошади? *Задигъ* отвѣчалъ: не та ли лошадь, которая очень борзо скачетъ? Вышиною она въ пять футовъ, копыта у ней очень малы, хвостъ длиною въ три фута съ половиною, бляхи у удила золотыя, а подковы серебряныя. Кудажъ она побѣжала? Гдѣжъ она? спрашивалъ великій Ловчій. Я ея не видалъ, отвѣчалъ *Задигъ*, и никогда о ней не слыхалъ.

Великій Ловчій и главный евнухъ не сомнѣвались чтобъ *Задигъ* не укралъ царской лошади и царицыной сучки, они велѣли его отвести предъ собраніе великаго *Дестергама*, гдѣ осудили его высѣчь кнутомъ, и вѣчно сослать въ ссылку. Лишъ только приговоръ заключили, нашлась лошадь и сучка. Судьи видѣли себя въ горестной необходимости отмѣнить приговоръ; однако осудили *Задига* заплатить пени 400 унцій золота за то, что онъ заперся, будто не видалъ того, что дѣйствительно видѣлъ. Надлежало тотчасъ пеню заплатить, а послѣ дозволено *Задигу* битьчеломъ, буде онъ не доволенъ, въ совѣтѣ великаго *Дестергама*; гдѣ говорилъ онъ слѣдующее:

Звѣзды правосудія, бездны ученія, зерцала истины, подобные тягостію свинцу, твердостію желѣзу, блистаніемъ алмазу, и имѣющіе великое сходство съ золотомъ, понеже мнѣ позволено говорить предъ симъ свѣтлѣйшимъ сословіемъ, по клянусь вамъ *Орозмадомъ*, что я никогда не видалъ ни почтенной царицыной сучки, ни освященнаго коня Царя Царей. Вотъ какъ дѣло было: я прогуливался близъ небольшаго лѣса, гдѣ потомъ встрѣтился съ

достопочитаемымъ евнухомъ и презнаменитымъ великимъ Ловчимъ. Я видѣлъ на пескѣ слѣды животнаго, и легко могъ узнать, что то былъ слѣдъ собачки. Неглубокія и длинныя бороздки видимыя на песчаныхъ бугоркахъ между слѣдовъ лапьихъ, приводили меня къ догадкѣ, что то была сучка, у которой висѣли соски, слѣдовательно она недавно ощенилась. По другимъ тропкамъ, отмѣннымъ отъ прежнихъ, которыя по сторонамъ лапьихъ слѣдовъ на поверхности песка означались, дознался я, что она имѣла уши очень долгія. Примѣтяжъ, что песокъ одною лапою меньше взрытъ, нежели другими тремя, заключилъ я, что сучка пресвѣтлѣйшей нашей Царицы нѣсколько прихрамывала, ежели смѣю такъ выговорить.

Теперь о лошади Царя Царей донесу: во время прогуливанія моего по дорогамъ сего лѣса, увидѣлъ я слѣды подкованной лошади. Оныя были всѣ во одинакомъ разстояніи: вотъ, сказалъ я, лошадь, которая порядочно скачетъ. Пыль съ деревъ, въ узкой дорогѣ, широтою не болѣе семи футовъ, была немного обита, направѣ и налѣвѣ въ трехъ футахъ съ половиною отъ средины дороги. У лошади, сказалъ я, хвостъ въ три

сѣ половиною фута, которая, махаясь на право и на лѣво, отрясла сію пыль. Подѣ деревьями, которыя вѣ верху на пять футовѣ вышиною сплелись на подобіе покрытой дороги, увидѣлѣ я сѣ вѣтвей недавно упадшія листья; по чему я догадывался, что та лошадь онымѣ касалась, и по тому была она вышиною вѣ пять футовѣ. Что надлежитѣ до удила, конечно, думалѣ я, что оно было золотое, потому что бляхами того потерлась она о камень, который я призналѣ пробнымѣ и самѣ дѣлалѣ надѣ онымѣ опытѣ. Напослѣдокѣ заключилѣ я по знакамѣ, которые она подковами своими оставила на камняхѣ другаго рода, что подковы у нея были серебряныя.

Всѣ судьи удивлялись глубокому знанію и острому разуму *Задигопу;* слухѣ дошелѣ до Царя и Царицы, только что и говорили о *Задигѣ*, не токмо вѣ переднихѣ, но и во внутреннихѣ покояхѣ, и вѣ самомѣ кабинетѣ. А хотя многіе волхвы присуждали его сжечь, яко чародѣя, однако Царь приказалѣ возвратить ему взысканныя сѣ него 400 унцій золота. Секретарь, стряпчіе, приставы пришли кѣ нему, и принесли 400 унцій золота, изѣ которыхѣ они на канцелярскіе росходы удержали только

398 унцій, а служители ихъ просили подарка.

Задигъ, видя сколь опасно иногда быть излишно знающимъ, заклялся при первомъ случаѣ никому не говорить о томъ, что видѣлъ.

Сей случай скоро послѣдовалъ. Важный колодникъ ушелъ; онъ прошелъ мимо оконъ его дома. Спрашивали *Задига*, онъ ничего не отвѣтствовалъ; но обличили его, что онъ въ то время смотрѣлъ въ окно. За сіе преступленіе осудили съ него взыскать 500 унцій золота, и онъ благодарилъ судей за милостивое рѣшеніе, по обыкновенію вавилонскому. Боже мой! говорилъ онъ самъ себѣ, какъ бѣдственно прогуливаться въ лѣсу, гдѣ царицына сучка и царская лошадь пробѣжали! какъ опасно смотрѣть въ окно! и какъ трудно быть щастливымъ въ сей жизни!

Завистникъ.

Задигъ, по приключившихся напастяхъ отъ щастія, вознамѣрился искать утѣшенія въ Философіи и дружбѣ. Въ предмѣстіи Вавилона имѣлъ онъ домъ убранный

по вкусу, куда собралъ всѣ художества, и всѣ увеселенія приличныя честному человѣку. По утрамъ книгохранительница его была открыта для ученыхъ, а по вечерамъ столъ для гостей. Но онъ скоро узналъ, сколь опасны ученые люди. Сдѣлался превеликой споръ о одномъ *Зороастровѣ* преданіи, которымъ запрещено ѣсть грифа. На что запрещать ѣсть грифа, говорили одни, когда сего животнаго нѣтъ на свѣтѣ? Конечно оное есть, говорили другіе, понеже *Зороастръ* запрещаетъ его ѣсть. *Задигъ*, желая ихъ согласить, говорилъ имъ: ежели есть грифы, не станемъ ихъ ѣсть; а ежели ихъ нѣтъ, то и по неволѣ ихъ ѣсть не будемъ и чрезъ то всѣ сохранимъ *Зороастрову* заповѣдь.

Нѣкто ученый, сочинившій 13 книгъ о свойствахъ грифа и имѣвшій притомъ великое знаніе въ наукѣ о духахъ, немедлѣнно донесъ на *Задига* верховному волхву, именемъ *Вебору*, самому глупому и самому суевѣрному изъ Халдеевъ. Сей человѣкъ осудилъ бы *Задига* посадить на колъ для вящщей славы солнца, и прочиталъ бы съ большимъ умилѣніемъ *Зороастровъ* молитвенникъ; но другъ *Кадоръ* пришелъ къ *Вебору*, и говорилъ: да живутъ солнце и грифы!

берегитесь казнить *Задига*; онъ святъ, у него есть грифы на скотномъ дворѣ, однако онъ ихъ не ѣстъ; а доноситель его еретикъ, понеже онъ утверждаетъ, что у кроликовъ ноги съ раздвоенными копытами, и потому называетъ ихъ чистыми. Инъ изрядно, сказалъ *Веборъ*, потряхивая плѣшивою своею головою, надобно *Задига* посадить на колъ за худыя мысли о грифахъ, а другаго за худыя рѣчи о кроликахъ. *Кадоръ* утишилъ сїе дѣло посредствомъ честной дѣвицы, которая отъ него родила, и которая имѣла великую силу въ собранїи волхвовъ. Ни кого на колъ не посадили; за что многїе волхвы негодовали; и предвѣщали паденїе Вавилону. *Задигъ* возопилъ, гдѣжъ щастїе! отъ всѣхъ я гонимь на семъ свѣтѣ, даже до тварей, которыя и не существуютъ. Онъ проклиналъ ученыхъ, и вознамѣрился проводить время въ собесѣдованїи съ добрыми прїятелями. Онъ созывалъ самыхъ честныхъ людей изъ всего Вавилона, и самыхъ прекрасныхъ женщинъ, давалъ хорошїя ужины, не рѣдко препровождаемыя музыкою и увеселяемыя забавными разговорами, въ которыхъ онъ никогда не старался показать свой разумъ; ибо сїе есть самое надѣжное средство онаго не имѣть, и испортить прїятнѣйшую бесѣду,

Ни выборъ друзей, ни богатые его пиры не происходили отъ тщеславія, потому что всегда хотѣлъ онъ быть въ самой вещи, а не казаться, и чрезъ то привлекъ къ себѣ истинное почтеніе, хотя онаго и не требовалъ.

Насупротивъ дома его жилъ *Аримазъ*, человѣкъ, котораго злая душа на грубое его лице изливалась. Онъ былъ снѣдаемь желчію, и надутъ гордостію; былъ разумѣнъ, но человѣкъ несносный. Не имѣя въ свѣтѣ удачи, мстилъ оному за то злословіемъ. Со всѣмъ своимъ богатствомъ едва могъ онъ дозываться къ себѣ и льстецовъ. Стукъ въѣзжающихъ каретъ по вечерамъ къ *Задигу* его безпокоилъ, а слухъ похвалы его раздражалъ и больше. Онъ прихаживалъ иногда къ *Задигову* столу незванный, прерывалъ часто веселость собранія такъ, какъ Гарпіи, по баснословію, повреждаютъ кушанія своимъ прикосновеніемъ. Вздумалось ему нѣкогда для одной госпожи сдѣлать пиръ; а она не ѣздя къ нему, пріѣхала ужинать къ *Задигу*. Въ другой разъ случилось быть имъ при Дворѣ, подошелъ къ нимъ Министръ, и позвалъ *Задига* къ себѣ ужинать, а *Аримаза* не пригласилъ. Иногда самая непримиримая вражда не важнѣе сего

имѣетъ основанїе. Сей человѣкъ, котораго въ Вавилонѣ называли *Завистникомъ*, умыслилъ погубить *Задига* за то, что его называли *щастливымъ*. Случай къ дѣланїю зла сто разъ на день сыщется, а къ добродѣянїю одинъ разъ въ годъ, какъ говоритъ *Зороастръ*.

Завистникъ пришелъ къ *Задигу* прогуливающемуся въ саду съ двумя прїятелями и одною госпожею, которой онъ иногда говорилъ о любви безъ всякаго однакожъ намѣренїя кромѣ какъ только, чтобъ говорить о любви, а общїй разговоръ былъ о войнѣ, которую Царь имѣлъ противу своего подданнаго гирканскаго Князя, и недавно благополучно окончалъ. *Задигъ*, оказавшїй въ сїю краткую войну свою храбрость, хвалилъ много Царя, а больше госпожу. Онъ вынулъ записную книжку, и написалъ въ ней четыре стиха, кои онъ тогдаже и сдѣлалъ, и далъ прочесть сей красавицѣ. Друзья его просили, чтобъ онъ и имъ показалъ. Скромность, или паче благоразумїемъ управляемое самолюбїе отъ того его удержало. Онъ зналъ, что въ скорости сдѣланные стихи бываютъ хороши только для тѣхъ, которымъ они въ честь сдѣланы. Онъ перервалъ на двое листокъ,

на которомъ писалъ, и бросилъ обѣ половинки въ розовой кустъ, гдѣ ихъ напрасно искали. Пошелъ маленькой дожжикъ, они возвратились въ покои. Завистникъ, оставшийся въ саду, до тѣхъ поръ искалъ, пока половину листка нашелъ. Листокъ такъ разодрался, что каждая половина стиха, который составлялъ цѣлую строку, имѣла не токмо разумъ, но и была правильнымъ стихомъ меншей мѣры; но по нѣкоторому и того еще страннѣйшему случаю сіи маленкіе стишки составили разумъ въ великое поношеніе Царю, какъ слѣдуетъ:

Злодѣйствы многими
На царствѣ утвердясь
Покою съ тишиной
Одинъ сей страшенъ врагъ.

Завистникъ былъ щастливъ первый разъ во всю свою жизнь. Онъ имѣлъ во своихъ рукахъ, чѣмъ могъ погубить добродѣтельнаго и любви достойнаго человѣка. Наполненъ сею безчеловѣчною радостію, ухитрилъ такъ, что сія писанная собственною рукою *Задига* сатира дошла до Царя. Посадили его въ темницу, двухъ его друзей и госпожу. Тотчасъ его осудили, не принявъ никакого оправданія. Когда ему объявили приговоръ, завистникъ попался ему

на встрѣчу, и сказалъ громко, что стихи его негодны. *Задигу* то ни мало не было досадно, потому что онъ никогда не хотѣлъ почитаемъ быть хорошимъ стихотворцемъ; но былъ онъ неутѣшенъ видя себя осужденна, яко злодѣя, во оскорбленїи величества, и заключенныхъ въ темницу красавицу и двухъ своихъ друзей за злодѣянїе, котораго они не сдѣлали. Ему не позволено было говорить, потому что листокъ его говорилъ. Таковъ былъ законъ въ Вавилонѣ. Повели его на казнь сквозь великое множество любопытныхъ, изъ которыхъ никто не смѣлъ о немъ сожалѣть, и которые метались наперерывъ, чтобъ примѣчать изъ его лица, съ бодростїю ли онъ идетъ на смерть. Родственники его печалились токмо для того, что имъ въ наслѣдство ничего не оставалось. Три части имѣнїя взяты были на Царя, а четвертая отдана завистнику.

Въ то время, когда онъ прїуготовлялся къ смерти, царской попугай слетѣлъ съ балкона и сѣлъ въ *Задиговомъ* саду на розовый кустъ. Туда вѣтромъ принесло съ близъ стоящаго дерева персикъ: оный упалъ на другую половинку бумажки, на которой писаны были стихи, и бумажка

къ персику прильнула. Птица подняла персикъ и листочекъ, и принесла на колѣни Государю. Любопытный Царь читалъ слова, которыя никакого разума не имѣли, но казались быть окончанїемъ стиховъ. Онъ любилъ стихотворство: всегда можно чего нибудь надѣятся отъ Государей, которые любятъ стихотворство. Сїе приключенїе заставило его размышлять. Царица вспомнѣла о томъ, что написано было на *Задиговомъ* листочкѣ, и велѣла оный принести. Сложили обѣ половинки, которыя точно сошлись, и прочли стихи, каковы написалъ *Задигъ*.

Злодѣйствы многими свѣтъ зрился возмущеннымъ,
На царствѣ утвердясь Царь всѣ тѣ истребитъ;
Покою съ тишиной вездѣ возстановленнымъ,
Одинъ сей страшенъ врагъ любовь, что брань творитъ.

Царь тотчасъ повелѣлъ представить предъ себя *Задига*, и изъ темницы освободить друзей его, и госпожу. *Задигъ* палъ предъ Царемъ и Царицею на землю. Онъ просилъ у нихъ съ рабскою покорностїю прощенїя, что не хорошо сдѣлалъ стихи,

говорилъ съ такою пріятностію и разумомъ, что Царь и Царица восхотѣли опять его видѣть; онъ пришелъ опять, и понравился еще больше. Все завистниково имѣніе, за ложный доносъ, отдали *Задигу*; но онъ возвратилъ ему все, и завистникъ радовался токмо о томъ, что не потерялъ имѣнія. Любовь царская къ *Задигу* день отъ дня умножалась. Онъ сдѣлался участникомъ во всѣхъ царскихъ забавахъ, и совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ. Съ того времени Царица начала показывать къ нему особливое снисхожденіе, которое могло произвесть опасныя слѣдствія для нея, для Царя ея супруга, для *Задига* и для всего государства. *Задигъ* началъ вѣрить, что не столь трудно быть щастливымъ.

Великодушные.

Наступило время великаго праздника, который торжествовали чрезъ пять лѣтъ. Былъ обычай у Вавилонянъ объявлять торжественно на исходѣ пятаго года такова изъ гражданъ, который сдѣлалъ самое великодушное дѣло. Были судіями, вельможи

и волхвы. Главный Сатрапъ, котораго попеченію вверенъ городъ, обьявлялъ самыя знатныя дѣла случившіяся во время его градоначальства. Потомъ давали голоса, и Царь рѣшилъ. Къ сему празднику собирались со всѣхъ концевъ земли. Побѣдитель получалъ изъ монаршихъ рукъ золотый кубокъ украшенный дорогими камнями, причемъ Царь говорилъ слѣдующее: *пріими цѣну великодушія, да даруютъ мнѣ боги много подобныхъ тебѣ подданныхъ.*

Въ сей достопамятный день Царь явился на престолѣ, окруженный велможами, первенствующими волхвами, посланниками отъ всѣхъ народовъ, которые къ симъ играмъ собирались, гдѣ славу приобрѣтали ни легкость коней, ниже крѣпость тѣла, но добродѣтель. Первый Сатрапъ объявлялъ громогласно дѣла достойныя полученія сего неоцѣненнаго дара. Онъ не упомянулъ о великодушіи *Задига*, возвратившаго все имѣніе завистнику; сіе дѣйствіе не показалось ему достойнымъ внесенія въ число заслуживающихъ даръ.

Онъ представилъ сперва судію, который въ судѣ по великому иску, обвиня праваго ошибкою, за которую его и ко отвѣту позвать нелзя было, отдалъ обижен-

тому все свое имѣнїе, которое равно было претерпѣнному гражданиномъ убытку.

Потомъ представилъ молодаго человѣка, который былъ смертельно влюбленъ въ дѣвицу, и хотѣлъ на ней жениться, но уступилъ ея другу, который отъ любви къ ней лежалъ при смерти, а уступая дѣвицу далъ ей и приданое.

Напослѣдокъ предъявилъ воина, показавшаго въ Гирканской войнѣ еще большїй примѣръ великодушїя. Непрїятельскїе воины отнимали у него полюбовницу, и онъ ея оборонялъ; сказали ему, что другїе Гирканцы не въ дальнемъ разстоянїи берутъ его мать. Онъ, заливаясь слезами, оставилъ полюбовницу, и побѣжалъ для избавленїя матери; потомъ возвратился къ полюбовницѣ, и нашелъ ее издыхающую; онъ хотѣлъ самъ себя убить, но мать говорила ему, что она только въ немъ одномъ надежду полагаетъ, и онъ имѣлъ столько крѣпости, чтобъ сносить горестную жизнь.

Судьи склонялись въ пользу сего воина, но Царь началъ говорить и сказалъ: правда, что дѣла его и прочихъ велики, но оныя меня не удивляютъ. Вчерась *Задигъ* учинилъ дѣло, которое меня удивило: я

нѣсколько дней Министръ и возлюбленникъ мой *Кребъ* впалъ у меня въ немилость. Негодовалъ я на него съ жестокостїю, и всѣ мои придворные увѣряли меня, что я весма милосердъ. Всѣ наперерывъ злословили *Кореба*. Я спрашивалъ *Задигова* о томъ мнѣнїя; онъ осмѣлился говорить о немъ доброе. Признаюсь, что я находилъ въ нашихъ исторїяхъ примѣры, что платили своимъ имѣнїемъ обиду, что уступали полюбовницъ, и что предпочитали полюбовницѣ мать; но никогда не читывалъ я, чтобъ придворный говорилъ въ защищенїе впадшему въ немилость Министру, и въ то самое время, когда Государь на него гнѣвался. Я дамъ каждому по 20000 червонныхъ, которыхъ великодушныя дѣла вы объявили, но кубокъ отдаю *Задигу*.

Всемилостивѣйшїй Государь! говорилъ *Задигъ*, ваше Величество достойны получить кубокъ, вы сдѣлали неслыханное дѣло, потому что будучи Государемъ, не разгнѣвались на раба вашего, который отважился противурѣчить страсти вашей. Удивлялись Царю и *Задигу*. Судья отдавшїй свое имѣнїе, полюбовникъ уступившїй любовницу другу, воинъ предпочетшїй спасенїе матери спасенїю любовницы, получили

подарки отъ Государя, и имена ихъ вписаны были въ книгу великодушныхъ; а *Задигъ* получилъ кубокъ. Царь приобрѣлъ славу добраго Государя, которую онъ сохранилъ не долго. Сей день посвященъ былъ должайшимъ празднованіямъ, нежели повелѣвали уставы. Память сего сохраняется доселѣ во Азіи. *Задигъ* говорилъ: вотъ на конецъ я щастливъ; но онъ обманулся.

Министръ.

Царь лишился своего перваго Министра. Онъ избралъ *Задига* въ сіе достоинство. Всѣ вавилонскія красавицы похвалили сей выборъ; ибо съ начала государства не было толь молодаго Министра. Всѣ придворные были недовольны; а у завистливаго пошла кровь горломъ. *Задигъ*, поблагодаря Царя и Царицу, пошелъ благодарить попугая: прекрасная птица, сказалъ онъ ему, ты спасла мою жизнь, и ты меня сдѣлала первымъ Министромъ: сучка и лошадь ихъ Величествъ много мнѣ здѣлали зла, а ты мнѣ сдѣлала много добра. Вотъ отъ чего зависитъ иногда судьба человѣковъ; но, при-

молвилъ онъ, толь необыкновенное щастїе можетъ быть скоро исчезнетъ. Попугай отвѣчалъ: да. Слово сїе поразило *Задига*; но какъ онъ былъ добрый Физикъ, и не почиталъ попугаевъ за Пророковъ, то скоро успокоился, и началъ отправлять свою должность какъ умѣлъ.

Всѣ почувствовали священную власть законовъ, но никто не почувствовалъ тягости его чина. Голосы въ Диванѣ были свободные, каждый визирь могъ объявлять свое мнѣнїе, и *Задигъ* за то не гнѣвался. Когда онъ судилъ какое дѣло, то не онъ судилъ, но законы; но когда законы чрезъ мѣру были строги, то онъ умѣрялъ оныя своимъ человѣколюбїемъ; а когда законы были недостаточны, тогда онъ дѣлалъ своею премудростїю новые, которые всякъ почелъ бы *Зороастровыми*. Всѣ народы отъ него имѣютъ сїе великое правило, что лучше оправдать виннаго, нежели осудить невиннаго. Онъ вѣрилъ, что законы сдѣланы столькожъ для помощи, сколько для страха гражданамъ. Главное его дарованїе было умѣть изыскивать истинну, которую всѣ люди стараются помрачить. Съ первыхъ дней своего вступленїя въ должность показалъ онъ сїе великое дарованїе на самомъ дѣлѣ.

Нѣкто знатный вавилонскій купецъ умеръ во Індіи. Онъ завѣщалъ, чтобъ два его сына опредѣля сестрѣ приданое, раздѣлили имѣніе по равну; сверхъ того отказалъ тритцать тысячь червонныхъ тому, который докажетъ, что больше его любитъ. Большой братъ сдѣлалъ ему богатую гробницу, меньшой прибавилъ сестрѣ изъ своей части приданаго. Всѣ говорили, что большой братъ любитъ больше отца, а меньшой сестру; и такъ большому принадлежитъ тридцать тысячь червонныхъ.

Задигъ призвалъ ихъ, одного послѣ другаго, къ себѣ. Старшему сказалъ: отецъ твой не умеръ, онъ отъ болѣзни свободился и возвратится въ Вавилонъ. Слава Богу, отвѣчалъ молодый человѣкъ, только гробница стала мнѣ очень дорого! *Задигъ* тожъ сказалъ послѣ и меньшому. Слава богу, отвѣчалъ онъ, я отдамъ все отцу, что имѣю; но желалъ бы я только, чтобъ онъ оставилъ сестрѣ, что я ей отдалъ. Тебѣ ничего отдавать не надобно, сказалъ *Задигъ*, да ты еще получишь и тритцать тысячь червонныхъ для того, что ты отца своего больше любишь.

Нѣкоторая богатая дѣвица дала слово двумъ волхвамъ выйти за нихъ за мужъ, и,

получая отъ одного и другаго нѣсколько мѣсяцовъ наставленіе, обеременѣла. Они хотѣли оба на ней жениться. Я выйду за того за-мужъ, сказала она, который привелъ меня въ состояніе дать обществу гражданина. Сіе доброе дѣло происходитъ отъ меня, говорилъ одинъ. Нѣтъ, я тому причина, говорилъ другой. Изрядно, отвѣчала она, я признаваю изъ васъ того отцемъ младенцу, который лучшее можетъ дать ему воспитаніе. Она родила сына; оба волхва берутся его воспитывать. Дѣло дошло до *Задига*, онъ призвалъ обоихъ волхвовъ. Чему ты станешь учить твоего питомца? спросилъ онъ у перваго. Я научу его, говорилъ учитель, осми частямъ слова, Діалектикѣ, Астрологіи, Демономаніи; покажу ему, что есть существо и что случай, что отдѣленное и что соединенное, что монады и что предуставленное согласіе. А я, говорилъ другой, буду стараться сдѣлать его честнымъ человѣкомъ и достойнымъ дружества. *Задигъ сказалъ: отецъ ли ты его, или нѣтъ, однако женись на его матери.*

Споры и просители.

Такимъ образомъ онъ ежедневно остроту своего разума и доброту души показывалъ; ему удивлялись, однакожъ и любили. Почитали его за наищастливѣйшаго человѣка въ свѣтѣ; все государство наполнялось слухомъ его имени, и всѣ женщины кидали на него любовные взоры. Всѣ граждане прославляли его правосудїе, ученые почитали его своимъ пророкомъ, сами волхвы признавались, что онъ больше зналъ первенствующаго волхва стараго *Вебора*. Уже и не думали судить его за грифовъ; но всѣ вѣрили только тому, что онъ вѣроятнымъ почиталъ.

Былъ превеликой раздоръ въ Вавилонѣ, продолжавшїйся тысячу пять сотъ лѣтъ, отъ котораго все государство раздѣлилось на двѣ упорныя секты. Одна содержала, что надлежало вступать во храмъ Митры лѣвою ногою; другая имѣла сїе обыкновенїе въ крайнемъ омерзѣнїи, и вступала во храмъ всегда правою ногою. Ожидали праздника, который торжествуемъ былъ въ честь священнаго огня, желая узнать, ко-

торой сторонѣ будетъ благосклоненъ *Задигъ*. Весь свѣтъ имѣлъ устремленные глаза на обѣ ноги *Задиговы*: весь городъ былъ въ безпокойствѣ и между надеждою и страхомъ. *Задигъ* вшелъ во храмъ, вскоча обѣими ногами вдругъ; а потомъ доказалъ преизрядною рѣчью, что Богъ неба и земли не зритъ на лица, не дѣлаетъ различія между лѣвою и правою ногою. Завистникъ и его жена увѣряли, что въ рѣчи его мало было фигуръ, что не довольно скакали у него горы и холмы. Рѣчь его суха и не замысловата, говорили они, не видно здѣсь ни убѣгающаго моря, ни падающихъ звѣздъ, ни яко воскъ тающаго солнца: онъ не знаетъ хорошаго восточнаго слога. *Задигъ* былъ доволенъ слогомъ здраваго разума. Всѣ взяли его сторону, не для того, что разсуждалъ здраво, не для того, что былъ человѣкъ прекрасный, но для того, что былъ первый Министръ.

Столь же удачливо рѣшилъ онъ великой споръ между бѣлыми и черными волхвами. Бѣлые почитали злочестіемъ обращаться во время приношенія молитвы Богу на зимній востокъ; черныежъ увѣряли, что Богу мерзостны молитвы обращающихся на лѣтній западъ. *Задигъ* позволилъ оборачиваться кто куда хочетъ.

И такъ онъ нашелъ средство отправлять по утрамъ общїя и особенныя дѣла; прочее время дня упражнялся во украшенїи Вавилона. Онъ приказывалъ представлять трагедїи, на которыхъ плакали, и комедїи, на которыхъ смѣялись. Сїе отъ давнихъ временъ вышло изъ обыкновенїя, но онъ то возобновилъ; ибо зналъ въ томъ силу. Онъ не казался въ художествахъ знающимъ больше людей того званїя. Награждалъ ихъ благодѣянїями и отмѣною, и не завидовалъ втай ихъ дарованїямъ. По вечерамъ увеселялъ много Царя, а больше Царицу. Царь говорилъ, великой Министръ! Царица говорила, любезный Министръ! и оба согласно говорили, кудабъ было жаль, ежелибъ его повѣсили.

Никогда человѣкъ въ великомъ чинѣ не былъ столько принужденъ выслушивать женщинъ. Большая часть къ нему прiѣзжали просить о дѣлахъ, которыхъ онѣ не имѣли, а чтобъ, естьли можно, имѣть съ нимъ самимъ дѣло. Завистникова жена предстала въ числѣ первыхъ; клялась ему *Нитрою, Зенда Вестою* и священнымъ огнемъ, что она проклинала поступокъ своего мужа. Наконецъ открылась ему, что мужъ ея ревнивъ, золъ; объявила, что боги въ наказанїе

лишили его неоцѣненнаго дѣйствїя сего священнаго огня, которымъ однимъ человѣкъ уподобляется безсмертнымъ. При концѣ своего разговора уронила подвязку. *Задигъ*, по обыкновенной своей учтивости, ее поднялъ, но не подвязалъ ногу госпожи; а сїя малая ошибка, ежели то ошибка, была причиною величайшихъ злоключенїй. *Задигъ* о томъ не думалъ, а завистникова жена думала о томъ много.

Великое число госпожъ каждый день къ *Задигу* прїѣзжали. Тайныя вавилонскїя лѣтописи увѣряютъ, что онъ одинъ разъ впалъ въ слабость, но съ крайнимъ удивленїемъ увидѣлъ, что въ любовныхъ забавахъ не чувствовалъ онъ услажденїя, и бывъ съ любовницею задумывался. Та, которую онъ, и самъ не зная какъ то пришло, почтилъ своимъ покровительствомъ, была придворная дѣвица Царицы *Астарты*. Сїя страстная Вавилонянка говорила сама себѣ во утѣшенїе: конечно сей человѣкъ имѣетъ превеликое множество въ головѣ дѣлъ, длятого что онъ упражняяся и въ любви, о томъ думаетъ. Вырвалось у *Задига* въ самую минуту, когда многїе не говорятъ ни слова, или произносятъ иногда смѣшенно нѣсколько словъ, что онъ вскричалъ вдругъ, *Царица*.

Вавилонянка думала, что онъ опомнѣлся, и говорилъ ей, *Царица моя.* Но *Задигъ* пребывая непрестанно въ задумчивости, выговорилъ имя *Астарты.* Госпожа, которая въ сихъ щастливыхъ обстоятельствахъ толковала все себѣ въ пользу, думала, что слова его значатъ, ты прекраснѣе Царицы Астарты: она вышла изъ *Задигова* сераля съ хорошими подарками. Расказала свое приключенїе завистницѣ, которая ей была искренняя прїятельница. Сїя крайне огорчилась такимъ предпочтенїемъ: онъ не удостоилъ меня, говорила, чтобъ подвязать ему подвязку, которой я больше носить не буду. А! А! сказала щастливая завистницѣ, такъ ты носишь такїяжъ подвязки какъ Царица! конечно ты ихъ покупаешь у той же мастерицы? Завистница задумалась, ничего не отвѣчала, и пошла совѣтовать съ мужемъ своимъ завистникомъ.

Между тѣмъ *Задигъ* примѣчалъ, что онъ всегда задумывался, когда выслушивалъ просителей, и когда судилъ; не зналъ чему то приписать, и сїе только одно причинило ему скуку.

Онъ видѣлъ сонъ: казалось ему, будьто онъ лежитъ на сухой травѣ, и въ ней нѣсколько было травы колкой, которая его

безпокоила, и будьто потомъ спалъ покойно на розовой постѣлѣ, изъ которой выползла змѣя и острымъ и ядовитымъ своимъ жаломъ его уязвила въ сердце. Увы! говорилъ онъ, долго я лежалъ на сухой и колкой травѣ, а теперь на розовой постѣлѣ; но кто будетъ змѣя?

Ревность.

Нещастіе *Задигово* произошло отъ самаго его щастія, а паче отъ достоинства. Всякой день имѣлъ онъ свиданіе съ Царемъ и *Астартою* его свѣтлѣйшею супругою. Сладость его разговоровъ усугубляема была онымъ желаніемъ нравиться, что есть тожъ самое въ разсужденіи разума, что уборы въ разсужденіи красоты; младость его и пріятности заразили по малу сердце *Астартино*, чего она съ начала не познавала. Страсть ея возрастала въ нѣдрахъ непорочности. *Астарта* отдавалась безъ опасенія и страха удовольствію слушать и видѣть человѣка любезнаго ея супругу, любезнаго и всему государству; непрестанно хвалила его Царю; говорила о немъ со сво-

ими женщинами, которыя похвалы его еще болѣе увеличивали. Все способствовало ко углубленїю въ сердцѣ ея раны, которой она не чувствовала. Она давала подарки *Задигу*, въ которыхъ любовь имѣла больше участїя, нежели она думала; чая, что говорила съ нимъ, какъ Царица довольная его службою, выражала иногда слова свои, какъ страстная женщина.

Астарта была прекраснѣе той *Семиры*, которая толь ненавидѣла кривыхъ, и той другой жены, которая хотѣла отрѣзать носъ своему мужу. Ласковое обхожденїе *Астарты*, нѣжные ея разговоры, при которыхъ она краснѣла, взоры, которые желала она отвращать, и которые со взглядами его встрѣчались, воспламенили незапно въ сердцѣ *Задигопомъ* огонь, отъ котораго онъ приходилъ во изумленїе. Онъ боролся, призывалъ въ помощь философїю, которая ему всегда помогала; получилъ онъ отъ нея нѣкоторый свѣтъ, но не получилъ ни малѣйшаго облегченїя. Должность, благодарность, оскорбленїе величества, представлялись глазамъ его богами мстителями; онъ боролся, побѣждалъ; но сїя побѣда, которую надобно было получать ежеминутно, извлекала у него воздыханїя и слезы. Онъ больше не

смѣлъ разговариват съ Царицею съ сею пріятною вольностію, которая для нихъ обѣихъ столь была сладостна; глаза его покрывались мракомъ, разговоры его были принужденные и безпорядочные: онъ потуплялъ глаза; но когда взоры свои нечаянно обращалъ на *Астарту*, тогда встрѣчались они съ глазами Царицы омоченными слезами, изъ которыхъ вылетали пламенныя заразы; они будьто бы говорили другъ другу: мы любимся и боимся любиться; сгараемъ оба огнемъ, который проклинаемъ.

Задигъ выходилъ отъ нея смущенъ, горестенъ, имѣя сердце отягченное бременемъ, отъ котораго изнемогалъ. При такомъ сильномъ волнованіи страстей, не могъ онъ скрыть тайны сея отъ друга своего *Кадора*, на подобіе человѣка, который снося долговременно съ терпѣніемъ жестокую болѣзнь, напослѣдокъ изъявляетъ страданіе свое воплемъ, который у него усугубленіемъ мученія исторгается; и хладнымъ потомъ по челу ліющимся.

Кадоръ сказалъ ему: я уже проникъ твои мысли, которыя бы ты и самъ отъ себя скрыть хотѣлъ. Страсть имѣетъ неложные признаки. Подумай, любезный *Задигъ*, когда я уже узнать могъ, что въ сердцѣ

твоемъ происходитъ, то можетъ ли не дознаться Царь о такомъ дѣлѣ, которое ему толь близко, и для него толь оскорбительно. У него нѣтъ другаго порока кромѣ наижесточайшей ревности. Ты сопротивляешся своей страсти бо́лшею силою, нежели Царица, потому, что ты философъ, и потому, что ты *Задигъ*. *Астарта* есть женьщина; она даетъ свободу глазамъ своимъ тѣмъ съ бо́льшимъ неопасенїемъ, что не познаваетъ еще своей слабости; къ нещастїю полагаясь на свою невинность, пренебрегаетъ потребныя осторожности. Я буду въ безпрестанномъ о ней трепѣтѣ, доколѣ она будетъ себя почитать безвинною. Естьлибъ вы согласились, то бы всѣхъ обмануть могли: раждающаяся и преодолѣваемая страсть всегда видима, а удовлетворенная любовь умѣетъ скрыться. *Задигъ* ужаснулся слыша предложенїе, чтобъ измѣнить Царю своему благодѣтелю, и никогда онъ не былъ столь вѣренъ своему Государю, какъ въ то время, когда былъ предъ нимъ виновенъ невольнымъ преступленїемъ. Между тѣмъ Царица воспоминала толь часто имя *Задигово*, толь краснѣла воспоминая его; иногда она была торопліва, иногда смущенна, когда говорила

съ нимъ въ присутствіи Царя; а когда онъ выходилъ, то оставалась въ толь глубокой задумчивости, что Царь на конецъ возъимѣлъ подозрѣніе. Онъ вѣрилъ всему, что видѣлъ, и воображалъ все, чего не видалъ. Онъ примѣтилъ особливо, что бабуши супруги его были голубыя, и что бабуши *Задигоны* были голубыяжъ; что у Царицы ленты были желтыя, и что у *Задига* была шапка желтаяжъ. Все то были страшные признаки для ревниваго Государя: подозрѣнія обратились въ истинну во огорченныхъ его мысляхъ.

Всѣ Царскіе невольники суть толикіежъ назиратели ихъ сердецъ. Тотчасъ узнали, что *Астарта* была влюблена, а *Моабдаръ* ревновалъ. Завистникъ, подобно твердому камню, никогда не смягчается, или ядовитому животному, которое всегда сохраняетъ ядъ свой. Завистникъ присовѣтовалъ завистницѣ послать Царю свою подвязку, которая похожа была на Царицыну, а къ большему еще нещастію подвязка была голубая. Царь обратилъ всѣ свои мысли ко отмщенію. Онъ положилъ ночью умертвить Царицу отравою, а *Задигу* сдѣлать поутру казнь веревкою. Дано было повелѣніе неумолимому евнуху, служителю его

мщенія. Въ то время случилось быть въ царской комнатѣ карлѣ, которой былъ нѣмъ, однако не былъ глухъ. Никогда его не опасались, онъ былъ свидѣтелемъ самымъ великимъ тайностямъ, какъ домашнее животное. Сей нѣмой карла былъ весьма вѣренъ Царицѣ и *Задигу*. Онъ услышалъ со удивленіемъ и ужасомъ данное повелѣніе о ихъ смерти. Но какъ предупредить сей безчеловѣчный указъ, по которому чрезъ нѣсколько часовъ надлежало быть исполненію? Онъ писать не умѣлъ, но умѣлъ рисовать, а особливо изображать сходственно подобіе вещей. Проводилъ онъ часть ночи начертаніемъ того, о чемъ хотѣлъ увѣдомить Царицу. Рисунокъ его представлялъ во углу картины Царя дышущаго яростію, дающаго повелѣніе своему евнуху; голубую петлю и сосудъ на столѣ съ голубыми подвязками и съ желтыми лентами; Царицу посредѣ картины умирающую на рукахъ своихъ женьщинъ, а *Задига* удавленнаго при ея ногахъ. Въ горизонтѣ видимо было восходящее солнце, для показанія, что къ совершенію сей ужасной казни назначено время утренней зари. По окончаніи своей работы бросился онъ ко одной *Астартиной* женьщинѣ, разбудилъ ее, и далъ ей знать,

чтобъ она рисунокъ сей тотчасъ отдала Царицѣ. Между тѣмъ въ полночь стучатъ у дверей *Задиговыхъ*, будятъ его, вручаютъ ему писмо отъ Царицы; онъ сомнѣвается, не сновидѣнїемъ ли сїе ему представляется, распечатываетъ писмо трепѣщущею рукою. Въ какое онъ пришелъ удивленїе, и кто можетъ изъяснить страхъ и отчаянїе, которыя его поразили, когда онъ читалъ сїи слова: *убѣгай въ самую сїю минуту, тебя хотятъ лишить жизни; убѣгай Задигъ, я тебѣ повелѣваю именемъ нашей любви, и моихъ желтыхъ лентъ. Я безвинна, но вижу, что умру, какъ преступница.*

Задигъ почти былъ безгласенъ. Онъ послалъ по *Кадора*, и ничего не говоря отдалъ ему писмо. *Кадоръ* принудилъ его повиноваться повелѣнїю, и немедлѣнно ѣхать въ Мемѳисъ. Ежели ты отважишся итти къ Царицѣ, говорилъ онъ, то ускоришь ея смерть; ежели будешь говорить Царю, тѣмъ се не избавишь. Я принимаю на себя отвратить ея судьбу; а ты послѣдуй своей. Я разсѣю слухъ, что ты поѣхалъ во Індїю, скоро къ тебѣ самъ буду, и привезу извѣстїе, что послѣдуетъ въ Вавилонѣ.

Кадоръ въ тужъ минуту велѣлъ подвести къ потаеннымъ воротамъ двухъ самыхъ легкихъ верблюдовъ, посадилъ *Задига*, котораго надлежало нести на рукахъ, и который былъ при послѣднемъ издыханіи. Онъ препровождаемь былъ токмо однимъ служителемъ, и вскорѣ *Кадоръ*, объятый удивленіемъ и печалію, потерялъ изъ виду своего друга.

Сей знатный бѣглецъ, пріѣхавъ на нѣкоторый холмъ, съ котораго видимь Вавилонъ, обратилъ очи свои на чертоги Царицыны, и палъ въ обморокъ. Чувства его возвратились для пролитія токмо горькихъ слезъ, и желанія смерти. Наконецъ наполненъ размышленіемъ о плачевной судьбѣ наилюбезнѣйшей изъ всѣхъ женъ, и первой Царицы въ свѣтѣ, вспомнѣлъ самъ о себѣ, и вскричалъ: что есть жизнь человѣческая? О добродѣтель! къ чему ты мнѣ послужила? двѣ жены недостойнымъ образомъ меня обманули, третія безвинная и прекраснѣйшая обоихъ умретъ! Сколько я ни дѣлалъ добра, все превращалось для меня во источникъ погибели. Я возведенъ былъ на верхъ величества для единаго низверженія во ужасную пропасть злощастія. Ежелибъ я былъ золъ, какъ другіе, былъ

бы щастливъ какъ они. Угнѣтаемъ сими горестными размышленїями, имѣя глаза отягченныя покровомъ печали, смертную блѣдность на лицѣ, и духъ погруженный во мрачное отчаянїе, продолжалъ путь свой ко Египту.

Битая женщина.

Задигъ направлялъ путь свой по звѣздамъ. Созвѣздїе Орїона и свѣтлая звѣзда Сирїусъ руководствовали ему къ канопскому полюсу. Онъ удивлялся симъ великимъ свѣтящимся шарамъ, которые глазамъ нашимъ слабыми искрами кажутся, когда земля, которая самою вещїю есть малая точка въ естествѣ, представляется самолюбїю нашему толь огромною, и толь преизящною. Ему воображались тогда люди, каковы они въ самомъ дѣлѣ, то есть насѣкомыми, пожирающими другъ друга на маломъ шарѣ гнуснаго бренїя. Сїе истинное изображенїе служило по видимому ко облегченїю его нещастїя, представляя ничтожество собственнаго бытїя его и Вавилона. Духъ его возносился даже до безконечности, обозрѣвалъ, обнажася отъ тлѣнныхъ чувствъ, неподвижную стройность мїроздания; но при-

шедъ въ себя, и обращаяся ко своему сердцу, думалъ онъ, что *Астарта* можетъ быть за него умерщвлена. Міръ исчезалъ въ его глазахъ, и не увидѣлъ онъ во всемъ естествѣ никого кромѣ умирающей *Астарты* и нещастнаго *Задига*. Преданный перемѣнымъ размышленіямъ великаго любомудрія и тяжкія печали, приближался къ египетскимъ границамъ; и уже вѣрный его служитель находился въ первомъ городкѣ, и искалъ ему жилища. *Задигъ* прогуливался близъ сада, который былъ при концѣ сего городка, увидѣлъ онъ недалеко отъ большей дороги женщину съ растрепанными волосами, призывающую небо и землю въ помощь, и гонящагося за нею въ великой ярости мужчину. Уже онъ ее настигъ; она обнимала его колѣни. Сей человѣкъ бранилъ ее и поражалъ ударами. *Задигъ* заключилъ изъ свирѣпости Египтянина и изъ прошенія женщины, что одинъ былъ ревнивый мужъ, а другая невѣрная жена; но какъ онъ разсмотрѣлъ сію женщину, которая была чрезвычайной красоты, и много походила на нещастливую *Астарту*, то почувствовалъ къ ней жалость, а ненависть къ Египтянину. Помоги мнѣ, кричала она *Задигу* со слезами, избавь меня изъ рукъ сего без-

человѣчнаго, спаси мою жизнь. На сей вопль Задигъ побѣжалъ и бросился между сею и симъ варваромъ. Онъ нѣсколько разумѣлъ по египетски, и сказалъ ему: ежели ты имѣешь сколь конибудь человѣчества, то почитай красоту, и снизходи слабости. Можешь ли ты такъ поступать немилосердо съ лучшимъ произведенїемъ естества, которое лежитъ у ногъ твоихъ, и въ защищенїе ничего кромѣ слезъ не имѣетъ. Ахъ! Ахъ! говорилъ ему сей разъяренный, по сему ты также ее любишь? и тебя то мнѣ наказать должно. Выговоря сїи слова, оставляетъ женщину, которую онъ держалъ за волосы, и взявъ копье хочетъ поразить чужестранца. Задигъ былъ въ равнодушїи и безъ горячности, легко уклонился отъ удара сего неистоваго, ухватилъ за копье близъ желѣза; одинъ хочетъ высвободить, другой вырвать, копье въ рукахъ ихъ ломается; Египтянинъ вынимаетъ свой мечь, Задигъ вооружается своимъ. Наступаютъ одинъ на другаго, тотъ наносилъ сто ударовъ безъ дѣйствїя, сей защищается искусствомъ. Женщина между тѣмъ, сидя на травѣ, оправляетъ уборъ на головѣ, и смотритъ на нихъ. Египтянинъ былъ сильняе своего соперника, а Задигъ былъ проворнѣе.

Онъ бился какъ человѣкъ управляющій разумомъ руку, а тотъ какъ внѣ себя, котораго движенія слѣпой гнѣвъ располагалъ на удачу. *Задигъ* бросается на него и его обезоруживаетъ; и когда Египтянинъ, пришедъ въ большую ярость, хочетъ броситься на него, тогда онъ его схватываетъ, утѣсняетъ, и повергая его на землю, устремляетъ мечь свой ему въ грудь, но даруетъ ему жизнь. Египтянинъ въ безпамятствѣ вынимаетъ кинжалъ, и уязвляетъ имъ *Задига* въ самое то время, когда побѣдитель ему прощалъ. *Задигъ*, не стерпя недостойнаго сего поступка, пронзаетъ ему мечемъ грудь. Египтянинъ вскричалъ и умеръ. *Задигъ* подошедъ тогда къ женщинѣ, сказалъ ей со учтивостію: я принужденъ былъ его убить, я за васъ отмстилъ, вы избавлены отъ жестокосерднѣйшаго человѣка, каковаго я никогда не видалъ: чего вы теперь отъ меня требуете государыня моя? Чтобъ ты погибъ злодѣй, отвѣчала она, чтобъ ты погибъ; ты убилъ моего любовника, я бы хотѣла вырвать у тебя сердце. Подлинно, государыня моя, вы имѣли любовникомъ чуднаго человѣка, отвѣчалъ *Задигъ*; онъ билъ васъ изо всей силы, и меня хотѣлъ лишить жизни за то, что вы при-

звали меня въ помощь. Я бы хотѣла, чтобъ онъ и теперь меня билъ, отвѣчала госпожа, умножая свой вопль; я того была достойна, я подала ему причину къ ревности. Ахъ! когдабъ онъ и теперь меня билъ, а ты бы былъ на его мѣстѣ. Удивленный больше *Задигъ*, и больше разъяренный, нежели когда онъ былъ во своей жизни, сказалъ ей: сколь вы ни великая красавица, однако стоите того, чтобъ и я васъ также побилъ, столь вы сумозброды; однако не хочу взять на себя того труда. Потомъ сѣлъ онъ на верблюда, и поѣхалъ къ городу. Едва онъ нѣсколько шаговъ отъѣхалъ, принужденъ обратиться на шумъ, происходящій отъ четырехъ вавилонскхъ гонцовъ. Они скакали во всю конскую пору. Одинъ изъ нихъ видя сїю женщину закричалъ: вотъ она, она очень походитъ на то лице, которое намъ описали. Они не смотрѣли на убитаго, а взяли тотчасъ госпожу. Она непрестанно кричала *Задигу*: помоги мнѣ еще, великодушный чужестранецъ, прошу прощенїя въ моей къ тебѣ досадѣ: помоги мнѣ, а я твоя до смерти; но желанїе биться еще за нее миновалось у *Задига*. Полно, говорилъ онъ, вы больше меня не обманете. Къ томужъ

онъ былъ раненъ, кровь его текла, и потому онъ самъ нужду имѣлъ въ помощи; а четыре Вавилоняне, которые, какъ думать можно, были посланы отъ Царя *Моабдара*, приводили его въ страхъ. Онъ поспѣшалъ къ городу, недоумѣваяся, для чего сіи четыре Вавилонскіе гонцы взяли Египтянку; но болѣе еще удивлялся чудному нраву сея женщины.

Невольничество.

При въѣздѣ во египетской городокъ увидѣлъ себя окруженна народомъ, всѣ кричали: вотъ онъ, которой увезъ прекрасную *Миссуфу*, и убилъ *Клетофиса*. Господа, говорилъ *Задигъ*, боже меня сохрани, чтобъ я хотѣлъ увести вашу прекрасную *Миссуфу*, она несноснаго нрава. Чтожъ о *Клетофисѣ*, я его не убилъ, но только отъ него оборонился. Онъ хотѣлъ меня убить за то, что я съ покорностію просилъ у него помилованія прекрасной *Миссуфѣ*, которую онъ безчеловѣчно билъ. Я чужестранецъ и ищу убѣжища во Египтѣ. Возможно ли, чтобъ я, требуя вашего

покровительства, могъ увозить вашихъ женъ, и убивать мужчинъ.

Египтяне были въ тѣ времена правосудны и человѣколюбивы. Народъ повелъ *Задига* въ Магистратъ. Тутъ начали перевязывать ему рану, а потомъ допрашивали его и слугу порознь, дабы лучше узнать истину. Нашли, что *Задигъ* не убiйца, однако былъ повиненъ человѣческой крови. Законы осуждали его въ рабство. Въ пользу жителей, продали обоихъ его верблюдовъ, и раздѣлили все золото, которое при немъ было, а самого, такъ какъ и его спутника, вывели на площадь для продажи. Аравiйской купецъ, именемъ *Сетокъ*, торговалъ ихъ; и слуга, какъ способнѣйшiй къ понесенiю трудовъ, проданъ былъ гораздо дороже своего господина. Уже не дѣлали и сравненiя симъ двумъ человѣкамъ; и такъ *Задигъ* сталъ подчиненный своему слугѣ невольникъ. Сковали ихъ по ногу, и въ такомъ состоянiи слѣдовали они въ домъ Аравлянина. *Задигъ* въ пути утѣшалъ своего слугу, ободряя его къ терпѣнiю; но по обыкновенiю своему разсуждалъ онъ о жизни человѣческой. Вижу, говорилъ онъ, что злая моя судьба и до тебя простирается. Все для меня преобращалось до сего

времени страннымъ образомъ. Былъ я осужденъ ко взысканїю пени за то, что видѣлъ пробѣжавшую сучку, едва не посадили меня на колъ за грифа, выведенъ былъ на смертную казнь за то, что сдѣлалъ стихи въ похвалу Царя, едва ушелъ отъ пѣтли за то, что у Царицы были желтыя ленты; а теперь вотъ я и невольникъ за то, что нѣкто бѣшеный билъ свою полюбовницу. Пойдемъ, не унывай, все сїе можетъ миноваться. Аравитскимъ купцамъ не льзя быть безъ невольниковъ, такъ для чегоже мнѣ не быть такимъ какъ и другому, потому что я такой же человѣкъ какъ и другїе? Неужли сей купецъ жестокосердъ; надобно чтобъ онъ хорошо содержалъ своихъ невольниковъ, ежели желаетъ отъ нихъ службы. Такъ онъ разговаривалъ; а внутрь своего сердца помышлялъ о судьбѣ вавилонской Царицы.

Купецъ *Сетокъ*, два дни спустя, отправился въ пустую Аравїю со своими невольниками и верблюдами. Родъ его обиталъ недалеко отъ пустыни Хоривъ. Путь былъ дальнїй и трудный. *Сетокъ* во время путешествїя давалъ преимущество слугѣ предъ господиномъ, для того что первый умѣлъ лучше навьючивать верблюдовъ. Въ

двухъ дняхъ пути отъ Хорива палъ одинъ верблюдъ: разложили вьюкъ его на плеча невольникамъ; *Задигу* также часть досталась. *Сетокъ* смѣялся смотря на своихъ невольниковъ, что они шли сгорбясь. *Задигъ* осмѣлился изъяснить ему того причину; и показалъ ему правила равновѣсія. Удивленный купецъ началъ смотрѣть на него другими глазами. *Задигъ* примѣтя, что произвелъ въ немъ любопытство, умножилъ оное, изъясняя ему многія вещи принадлѣжащія до купечества; тягость металловъ и другихъ вещей равной величины: свойства различныхъ обществу человѣческому полезныхъ животныхъ, и способъ какъ безполезныя животныя дѣлать полезными: однимъ словомъ, *Сетокъ* почелъ его мудрецомъ. Онъ далъ ему преимущество предъ его товарищемъ, о которомъ прежде столь много думалъ, содержалъ его изрядно, и не имѣлъ причины въ томъ раскаиваться,

По прибытіи во свое отечество *Сетокъ* началъ требовать у нѣкотораго Жида пяти сотъ унцій серебра, которое онъ ему далъ при двухъ свидѣтеляхъ: но тѣ два свидѣтеля померли, и потому Жидъ не могши быть изобличенъ, хотѣлъ завла-

дѣть купцовыми деньгами, благодаря Бога, что имѣлъ случай обмануть Аравлянина. Сетокъ открылъ печаль свою *Задигу*, который сдѣлался его совѣтникомъ. Въ какомъ мѣстѣ, спросилъ *Задигъ*, давалъ ты свои пять сотъ унцїй сему невѣрному? На широкомъ камнѣ, отвѣчалъ купецъ, который лежитъ подлѣ горы Хорива. Какого сложенїя твой должникъ? сказалъ *Задигъ*. Плутскаго, отвѣчалъ *Сетокъ*. Но я спрашиваю, каковъ сей человѣкъ? скоръ или тихъ, хитръ или неостороженъ. Самой худой плательщикъ, и очень скоръ, сказалъ *Сетокъ*. Изрядно, говорилъ *Задигъ*, позвольте за себя итти мнѣ въ судъ, и говорилъ судьѣ: подушка престола правосудїя, я требую съ сего человѣка именемъ моего господина пяти сотъ унцїй серебра, котораго онъ ему возвратить не хочетъ. Есть ли у тебя свидѣтели? спросилъ судья. Нѣтъ, они померли; но остался широкой камень, на которомъ деньги считали; и ежели прикажете принести сюда тотъ камень, то я уповаю, что онъ подастъ надлежащее свидѣтельство. Мы съ Жидомъ во ожиданїи камня останемся здѣсь. Я поставлю оный сюда на иждивенїи *Сетока* моего господина. Очень изрядно, отвѣчалъ

судья, и началЪ отправлять другія дѣла.

При концѣ присутствія: чтожЪ, говорилЪ судья *Задигу*, камень твой еще не бывалЪ? ЖидЪ со смѣхомЪ отвѣчалЪ: ежели вы пробудете здѣсь и до завтрея, то не дождетесь камня. ОнЪ далѣе шести миль отсюда, и надобно 15 человѣкЪ, чтобЪ его сЪ мѣста тронуть. Изволите слышать, вскричалЪ *Задигъ*, я вамЪ доносилЪ, что камень подастЪ мнѣ надлежащее свидѣтельство; понеже сей человѣкЪ знаетЪ, гдѣ онЪ и лежитЪ, слѣдственно онЪ признается, что на немЪ денги считаны. ЖидЪ смялся и принужденЪ былЪ во всемЪ признаться. Судья приказалЪ привязать его кЪ камню, и не давать ему ни пить ни ѣсть, доколѣ не возвратитЪ пяти сотЪ унцій, которыя тотчасЪ были заплачены; невольникЪ *Задигъ* и камень прославились во Аравіи.

Костеръ.

Обрадованный *Сетокъ* сдѣлалъ изъ своего невольника истиннаго себѣ друга. Онъ безъ него не могъ жить, какъ и вавилонской Царь, и *Задигъ* былъ щастливъ, что у *Сетока* жены не было. Онъ нашелъ во своемъ господинѣ природу склонную къ добру, любленіе правды и здравый разсудокъ. Прискорбно ему было, видя, что онъ обожалъ небесное воинство, то есть солнце, луну и звѣзды, по древнему аравійскому обычаю. Иногда говорилъ онъ ему о томъ, но съ великою осторожностію. Напослѣдокъ сказалъ ему, что то были тѣла подобныя другимъ, которыя не стоили его почитанія больше дерева и камня. Но говорилъ *Сетокъ*, оныя суть вѣчнующія существа, отъ которыхъ мы всѣ наши пользы получаемъ: они оживляютъ естество, уставляютъ времена года, къ томужъ такъ отъ насъ удалены, что не можно ихъ не почитать. Вы получаете больше пользы, отвѣтствовалъ *Задигъ*, отъ водъ Чермнаго моря, которыя носятъ товары ваши во Індїю. Длячегожъ бы

оное не могло быть столь же древнее, какъ и звѣзды? и буде вы обожаете все отдаленное отъ васъ, то должно вамъ обожать землю гангаридскую, которая лежитъ край свѣта. Нѣтъ, говорилъ *Сетокъ*, да звѣзды столь блистательны, что я ихъ не могу не обожать. По наступленіи вечера *Задигъ* зажегъ премножество свѣчъ въ шатрѣ, гдѣ имъ надлежало съ *Сетокомъ* ужинать. Какъ скоро благодѣтель его появился, то бросился *Задигъ* на колѣни предъ зажженными свѣчами, и говорилъ имъ: о вѣчныя и блистающія свѣтила! будьте мнѣ всегда милосерды. Выговоря сіи слова сѣлъ онъ за столъ не взглянувъ на *Сетока*. Что ты дѣлаешь? спрашивалъ удивленный *Сетокъ*, Я тожъ дѣлаю, что и вы, говорилъ *Задигъ*. Я молюся симъ свѣчамъ, оставляя моего и ихъ творца. *Сетокъ* понялъ глубокой разумъ сихъ словъ. Премудрость невольника коснулась души его. Съ того времени престалъ онъ обожать твари, а началъ покланяться вѣчному существу, отъ котораго оныя созданы.

Въ то время былъ во Аравіи безчеловѣчный обычай, произшедшій въ началѣ отъ Скиѳовъ, а потомъ уставленный во Індіи властію Брахмановъ, который угро-

жалъ разлитіемъ своимъ по всему востоку. Когда женатый человѣкъ умретъ, а любимая жена его захочетъ быть святою, то сожигалась она всенародно на тѣлѣ своего мужа. Сіе великолѣпное торжество называлось *костеръ вдовства*. Родъ, въ которомъ больше сжигалося женъ, находился въ бо́льшемъ почтеніи. Нѣкто изъ *Сетокова* рода умеръ. Вдова его, именуемая *Алмона*, которая была чрезвычайно набожна, назначила день и часъ, въ который броситься во огонь при гласѣ трубъ и бубновъ. *Задигъ* предлагалъ *Сетоку*, сколь противно безчеловѣчное сіе обыкновеніе пользѣ человѣческаго рода, что попускается сожигаться ежедневно молодымъ вдовамъ, которыя бы могли обществу раждать дѣтей, или по крайней мѣрѣ воспитывать преждерожденныхъ. Онъ старался его уговорить, чтобъ, ежели можно, сіе варварское обыкновеніе уничтожить. *Сетокъ* отвѣчалъ: тому уже больше тысячи лѣтъ, что женщины правомъ самосожженія пользуются. Кто изъ насъ дерзнетъ отмѣнить уставъ посвященный временемъ? Есть ли что почтительнѣе древняго заблужденія? Разсудокъ гораздо древнѣе, отвѣчалъ *Задигъ*; поговори со старѣйши-

нами каждаго колѣна, а я пойду уговаривать молодую вдову.

Онъ къ ней былъ допущенъ, и подольстяся похвалами красоты ея, сказалъ, сколь жалко предавать огню толико прелестей; но притомъ хвалилъ ея твердость и великодушїе. Конечно вы чрезвычайно любили своего мужа, говорилъ онъ ей. Я? никакъ, отвѣчала вдова. Онъ былъ неукротимаго нрава, ревнивый и несносный человѣкъ, но я непремѣнно положила броситься на его костеръ. Конечно, говорилъ *Задигъ*, есть великое удовольствїе въ произвольномъ самосожженїи. Ахъ! сїе ужасно человѣчеству, говорила госпожа: но быть такъ; я набожна, слава моя пропадетъ, и весь свѣтъ будетъ мнѣ ругаться, ежели я не сожгусь. *Задигъ* доказавъ ей, что она сожигается для другихъ, и изъ единаго тщеславїя, говорилъ ей такимъ образомъ, что она полюбила нѣсколько жизнь, и довелъ до того, что оказалась она благосклонною ко увѣщевающему. Что бы вы сдѣлали, говорилъ онъ ей напослѣдокъ, ежелибъ тщеславїе не принуждало васъ сожещися? Увы! сказала она, я думаю, чтобъ стала васъ просить на мнѣ жениться.

Задигъ, имѣя наполненныя мысли *Астартою*, отговорился пристойно отъ сего предложенія; но тотчасъ пошелъ онъ къ старѣйшинамъ, расказалъ имъ что происходило, и совѣтовалъ сдѣлать законъ, по которомубъ запрещено было вдовамъ сожигаться прежде нежели онѣ съ молодымъ человѣкомъ наединѣ цѣлой часъ пробудутъ. Съ того времени никакая женщина во Аравіи болѣе не сожигалась. Одному *Задигу* были одолжены уничтоженіемъ во одинъ день толь звѣрскаго обыкновенія, которое пребывало многіе вѣки. По сему сталъ онъ благодѣтелемъ Аравіи.

Ужинъ.

Сетокъ, немогущій разлучиться съ человѣкомъ, въ которомъ обитала премудрость, взялъ его съ собою на большую балзорскую ярманку, куда великое множество купцовъ со всей обитаемой земли собиралось. Сладкимъ удовольствіемъ было для *Задига*, увидѣть толикое множество людей со многихъ странъ во одно мѣсто сошедшихся. Міръ представлялся ему

однимъ великимъ сѣмействомъ, которое собралось въ Балзору. На другой день случилось ему быть за столомъ съ Египтяниномъ, Індѣйцомъ, Гангаридомъ, Китайцомъ, Грекомъ, Цельтомъ и многими чужестранцами, которые въ частыхъ своихъ путешествіяхъ ко аравійскому заливу столько научились по арапски, что могли разумѣть другъ друга. Египтянинъ былъ въ великомъ гнѣвѣ. Какое мерзское государство Балзора! говорилъ онъ; не хотятъ меня ссудить тысячью унцій золота подъ закладъ самой лучшей вещи въ свѣтѣ. Что то за вещь? спросилъ *Сетокъ*, за которую не хотятъ дать вамъ сего числа золота? Тѣло тетки моей, отвѣчалъ Египтянинъ. Она была лучшая женщина всего Египта. Она послѣдовала мнѣ повсюду, и умерла въ путешествіи. Я изъ нее сдѣлалъ самую лучшую мумію, какой у насъ быть можно. Въ своей землѣ положа ее въ закладъ, взялъ бы я, что хотѣлъ. Весма непонятно, что мнѣ не хотятъ здѣсь подъ такой несомнительной закладъ дать взаймы тысячи унцій золота. Сердясь такъ, принимался ѣсть вареную курицу. Но Індѣецъ, схватя его за руку, вскричалъ съ прискорбностію: ахъ! что ты дѣлаешь! Хочу ѣсть

курицу, отвѣчалъ Египтянинъ. Берегись, сказалъ Гангаридъ; можетъ быть душа покойной твоей тетки перешла въ тѣло сей курицы, а я не думаю, чтобъ ты отважился ѣсть свою тетку. Варить курицъ для снѣденія неоспоримо противуестественный грѣхъ. Что ты хочешь съ твоимъ противуестественнымъ грѣхомъ и съ твоими курицами, началъ опять сердитый Египтянинъ? мы молимся быкамъ, однако ихъ ѣдимъ. Вы молитеся быкамъ! возможно ли тому статься? говорилъ Гангаридъ. Очень возможно, отвѣчалъ другой; уже тому сто тридцать тысячь лѣтъ, какъ у насъ то во употребленіи, и ни кто изъ насъ въ томъ не споритъ. Ахъ! сто тридцать тысячь лѣтъ! сказалъ Індѣецъ; сей щетъ нѣсколько увеличенъ. Нѣтъ больше 80 тысячь лѣтъ, какъ Індія населена; а сіе безспорно, что мы васъ старѣе; Брама намъ запретилъ ѣсть быковъ прежде нежели вы начали имъ молиться, и ихъ жарить. Вотъ какая диковинка вашъ Брама! будьто его можно сравнить со Аписомъ, сказалъ Египтянинъ; и что бы такое доброе сдѣлалъ вашъ Брама? Браминъ отвѣчалъ: онъ научилъ людей читать и писать, и показалъ всѣмъ шахматную игру. Его

неправда, сказалъ сидѣвшей подлѣ его Халдей, всѣми сими великими благодѣяніями одолжены мы рыбѣ Оаннесу, и потому одна она достойна богопочитанія. Весь свѣтъ тебѣ скажетъ, что ето было существо божественное, имѣвшее позлащенный хвостъ и прекрасную человѣческую голову. Сія рыба выходила изъ воды на три часа въ день для проповѣди вселенной. Она имѣла много дѣтей, которые были Царями, какъ всякому извѣстно. Я ношу образъ ея при себѣ, и почитаю его какъ должно. Говядину можно ѣсть, сколько кто хочетъ; но безъ сомнѣнія великое есть злочестіе варить рыбу. Притомъ же оба вы не столь древняго и благороднаго происхожденія, чтобъ могли мнѣ въ чемъ либо противуречить. Египетской народъ считаетъ токмо сто тридцать тысячь лѣтъ, Індѣйцы похваляются только осмьдесятью тысящами, а мы имѣемъ календари за четыре тысячи вѣковъ. Вѣрьте мнѣ, и признайтесь въ вашемъ заблужденіи; я вамъ каждому подарю по хорошему образу Оаннеса.

По томъ Китаецъ началъ говорить. Я много почитаю Египтянъ, Халдѣевъ, Грековъ, Цельтовъ, Браму, быка Аписа,

прекрасную рыбу Оаннеса, но можетъ быть, что Ли (*) или Тїенъ стоитъ быковъ и рыбъ. Я ничего не скажу о землѣ моей, она такъ велика, какъ Египетъ, Халдея и Індїя совокупно; я не спорю о древности, лишъ бы быть щастливу, а древнимъ быть невеликая важность; но ежели говорить о календаряхъ, то я скажу, что вся Азїя слѣдуетъ нашимъ, и что мы уже имѣли весьма хорошїе календари прежде нежели Халдеи ариѳметику знали.

Вы всѣ великїе невѣжи, сколько васъ ни есть, вскричалъ Грекъ; развѣ вы не знаете, что *Хаосъ* есть всему отецъ, и что образъ и вещество привели свѣтъ въ такое состоянїе, въ какомъ онъ теперь находится. Грекъ говорилъ долго; но наконецъ перервалъ его рѣчь Целтъ, который во время спору ихъ много пилъ, и вздумалъ о себѣ, что онъ премудрѣе всѣхъ, и сказалъ съ бранью, что одинъ Тевтатъ и дубовой клей были достойны, чтобъ о нихъ говорить; что у него всегда есть въ

(*) Слова китайскїе, которые прямое знаменованїе имѣютъ: Ли, естественный свѣтъ, разумъ; а Тїенъ, небо, также и Бога.

карманѣ клей; что предки его Скифы одни были добрые люди на свѣтѣ; что хотя правда они иногда ѣли и людей, однакожъ сїе не препятствуетъ должному почтенїю къ его единоземцамъ; и что, однимъ словомъ, ежели кто худо скажетъ о Тевтатѣ, съ тѣмъ онъ перевѣдается. Ссора тогда загорѣлась, и *Сетокъ* думалъ, что тотчасъ полетитъ столъ, и они въ кровь передерутся. *Задигъ* молчалъ во время ихъ спора, наконецъ всталъ, и приступя къ Целту, который больше всѣхъ сердился, сказалъ ему, что онъ правъ, и просилъ у него клея; Грека похвалилъ онъ за краснорѣчїе, и тѣмъ горячность ихъ утишилъ. Не много говорилъ онъ съ Китайцемъ, по тому что онъ всѣхъ былъ умѣреннѣе. Напослѣдокъ говорилъ онъ всѣмъ вообще: друзья мои! вы ссоритесь ни за что, потому что вы всѣ одного мнѣнїя. На сїе слово всѣ они вдругъ закричали. Не правда ли, говорилъ онъ Целту, что ты не клей обожаешь, но создателя клея и дуба? Подлинно такъ, отвѣчалъ Целтъ. А ты господинъ Египтянинъ, всеконечно почитаешь въ быкѣ сотворившаго быковъ? Такъ, отвѣчалъ Египтянинъ. Рыба Оаннесъ, продолжалъ онъ, должна уступить творцу моря

и рыбъ. Безспорно, сказалъ Халдей. Iндѣецъ и Китаецъ, примолвилъ онъ, признаютъ также какъ и вы, первоначальнаго творца. Я не хорошо понялъ удивительныя разсужденія предлагаемыя Грекомъ, однакожъ я увѣренъ, что признаваетъ онъ также высочайшее существо, отъ котораго образъ и вещество зависитъ. Грекъ сказалъ что *Задигъ* точно попалъ на его мысль. И такъ вы всѣ одного мнѣнія, говорилъ *Задигъ*, и ссориться вамъ не о чемъ. Всѣ начали его обнимать. *Сетокъ*, продавъ свои товары дорогою цѣною, поѣхалъ съ другомъ своимъ обратно въ домъ свой. По возвращеніи услышалъ *Задигъ*, что во время отсутствія осудили его сжечь малымъ огнемъ.

Свиданія.

Во время путешествія *Задигова* въ Балзору, жрецы звѣздъ вознамѣрились ему отмстить. Дорогіе камни и уборы молодыхъ вдовъ сожигаемыхъ ими на кострѣ, по правамъ принадлежали имъ. Сіе было послѣднее дѣло, за которое осудили *Задига*

на сожженіе. Они его обвиняли, что онъ имѣетъ заблуждшія мысли о небесныхъ свѣтилахъ; свидѣтельствовали, утверждая клятвою, что сами слышали выговаривающаго *Задига*, будто звѣзды не скрываются въ море. Сіе ужасное богохуленіе привело въ трепетъ судей. Они хотѣли раздирать на себѣ одежду, услыша сіи злочестіемъ наполненныя слова; и конечно бы разодрали, ежелибъ *Задигу* было чемъ заплатить; но въ безмѣрной своей горести удовольствовались токмо осужденіемъ его на сожженіе малымъ огнемъ. Отчаянный *Сетокъ* старался всуе умягчить судей, и скоро принужденъ былъ молчать. Молодая вдова *Алмона*, полюбившая жизнь, которою она одолжена была *Задигу*, вознамѣрилась спасти его отъ *Костра*, котораго злоупотребленіе онъ ей доказалъ. Она безпрестанно думала, какъ бы сіе предпріятіе въ дѣйство произвесть, никому о томъ не сказывая. Совершеніе казни *Задиговой* назначено было на другой день. Осталось ей для его избавленія только одна ночь. Вотъ какъ она то произвела, какъ женщина человѣколюбивая и разумная.

Она окурилась благовоніями, умножила красоту свою богатымъ и щеголь-

скимъ нарядомъ, и пошла просить тайнаго доступа къ главному жрецу звѣздъ. Представъ она къ сему достопочитаемому старцу, начала говорить слѣдующее: старшїй сынъ великаго медвѣдя, братъ тельца, племянникъ большаго пса (сїи были титлы сего главнаго жреца), я пришла вамъ открыть мою совѣсть. Ужасный грѣхъ, что я не сожглась на кострѣ любезнаго своего мужа, приводитъ меня въ трепетъ; и подлинно, чего я жалѣла? тлѣннаго тѣла, которое уже со всемъ изсохло. Говоря сїе, вынула она изъ долгихъ шелковыхъ рукавовъ обнаженныя руки, кои были прелестнаго вида и чрезвычайной бѣлизны. Сами видите, сказала она, сколь мало сїе стоитъ. Жрецъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ, что онѣ стоятъ много: глаза его то изъявляли, и уста подтверждали. Онъ клялся, что во всю свою жизнь не видывалъ толь прекрасныхъ рукъ. Увы! вскричала она, можетъ быть, что руки не такъ худы, какъ прочее тѣло; но вы согласитесь, что грудь моя не стоила того, чтобъ думать о ея сохраненїи. Тогда открыла наипрелестнѣйшую грудь, лучшее произведенїе естества. Розовый шипокъ положенный на яблокѣ слоновой кости, былъ бы въ срав-

нени̂и ея груди, какъ буковое сандальною краскою выкрашенное дерево, и агнцы наичистѣе омытые показались бы сѣрыми. Сі̂я грудь, большîе черные ея глаза, блистающîе утомленно нѣжнымъ пламенемъ, щоки оживляемыя багряностîю смѣшенною съ чистѣйшею бѣлизною млека, румяныя уста, заключающîя въ себѣ два ряда прекраснаго жемчуга аравîйскаго моря, все сîе совокупно увѣрило старика, что онъ былъ въ двашцать лѣтъ. Заикаясь объявлялъ онъ ей свою любовь. *Алмона*, видя его воспламененна, просила помилованîя *Задигу*. Увы! сказалъ онъ, прекрасная, хотя я для васъ его и прощу, однако того не довольно, а надобно чтобъ и три товарища мои то подписали. Подпишите лишь вы, сказала *Алмона*. Охотно, говорилъ жрецъ, но съ договоромъ, чтобъ благосклонности твои были наградою моего снисходительства. Вы показываете мнѣ много чести, говорила *Алмона*; не погнушайтеся только прîити по закатѣ солнца ко мнѣ въ домъ, когда свѣтлая звѣзда *Шеатъ* взойдетъ на горизонтъ. Вы найдете меня на розовой софѣ, и будете веселиться съ вашею услужницею, какъ вамъ угодно. Потомъ вышла она, взявъ съ собою подписанный листъ,

оставя старика наполненнаго любовїю и недовѣренїемъ на свои силы. Остатокъ дня проводилъ онъ во умыванїи. Онъ принялъ питье составленное изъ цейлонской корицы и драгоцѣнныхъ тидорскихъ и тернатскихъ травъ, съ нетерпѣливостїю ожидая звѣзды *Шеата.*

Между тѣмъ прекрасная *Алмона* пошла къ другому жрецу. Тотъ увѣрялъ ея, что солнце, луна и всѣ свѣтила небесныя имѣютъ слабое блистанїе въ разсужденїи ея красоты. Она просила равной милости, какъ и у перваго жреца; которая ей и обѣщана за такую же цѣну. Она попустила себя побѣдить, и назначила время второму жрецу, при восхожденїи звѣзды *Алгениба.* Оттуда ходила она къ третьему и четвертому жрецамъ, брала со всѣхъ подписанїя, и назначала имъ время отъ звѣзды до звѣзды. Потомъ позвала къ себѣ судей подъ видомъ важнаго дѣла. Судьи пришли, она имъ показала четыре имена, и объявила за какую цѣну жрецы продали прощенїе *Задигу.* Каждый изъ жрецовъ пришелъ въ назначенное время, каждый удивился увидя своихъ товарищей, а больше еще увидя судей, предъ которыми стыдъ ихъ открылся. *Задигъ* избавился. *Сетокъ*

столь былЪ доволенЪ хитростїю *Алмоны*, что онЪ на ней женился. *ЗадигЪ*, благодаря поверженїемЪ себя кЪ ногамЪ прекрасной своей избавительницы, отЪехалЪ. *СетокЪ* и онЪ разстались со слезами, клянясь вечною дружбою, и обещаясь, чтобЪ первому изЪ нихЪ, кто будетЪ на вышней степени щастїя, сделать другаго тому участникомЪ.

ЗадигЪ путешествовалЪ кЪ стране сирской, думая непрестанно о нещастливой *Астарте*, и непрестанно разсуждая о судьбе, которая устремилась его гнать. Что, говорилЪ онЪ, четыреста унцїй золота за то, что виделЪ я пробежавшую сучку! осужденЪ былЪ на смерть за четыре нескладные стиха сделанные вЪ похвалу Государя! близЪ петли я былЪ, что у Царицы бабуши одного цвета сЪ моею шапкою! приведенЪ вЪ рабство за избавленїе женщины отЪ побоевЪ! а на конецЪ осужденЪ былЪ на сожженїе за то, что спасЪ жизнь всехЪ молодыхЪ вдовЪ во Аравїи!

РазбойникЪ.

Когда, по прибытїи на границы разделяющїя Каменистую Аравїю отЪ Сирїи,

проѣзжалъ онъ нѣкоторой крѣпкой замокъ, въ то время выскочили изъ онаго вооруженные Аравитяне, окружаютъ его, кричатъ ему: все что у тебя есть, наше, а самъ ты принадлежишь нашему господину. *Задигъ* вмѣсто отвѣта вынулъ свой мечь, храбрый его слуга сдѣлалъ тоже. Они повергли мертвыми первыхъ Аравлянъ, которые на нихъ напали. Число умножалось. *Задигъ* и слуга его не потеряли бодрости, но положили погибнуть сражаяся. Два человѣка обороняются противу великаго множества: такая битва не могла быть долговременна. Господинъ замка, именемъ *Арбогадъ*, увидя изъ окна чудную храбрость *Задигопу*, возъимѣлъ къ нему почтеніе. Онъ съ поспѣшностію выбѣжалъ, и разогнавъ своихъ людей, освободилъ двухъ путешественниковъ. Все проходящее по моей землѣ принадлежитъ мнѣ, говорилъ онъ, равно какъ и пріобрѣтаемое мною на чужой землѣ, но великая твоя храбрость побуждаетъ меня исключить тебя изъ общаго закона. Онъ повелъ ихъ къ себѣ въ замокъ, и приказалъ своимъ людямъ поступать съ ними благопристойно; а ввечеру *Арбогадъ* посадилъ *Задига* съ собою ужинать.

Господинъ замка былъ изъ тѣхъ Аравитянъ, которыхъ называютъ разбойниками, однакожъ дѣлывалъ онъ иногда и добрыя дѣла между множествомъ худыхъ. Онъ грабилъ съ великою жадностїю, и раздавалъ съ такоюжъ щедростїю. Неустрашимь въ бою, ласковъ во обхожденїи, пїяка за столомъ, и веселъ въ пьянствѣ, а паче всего полнъ откровенности. *Задигъ* ему весьма понравился, разговоры ихъ продолжили ужинъ. Наконецъ *Арбогадъ* говорилъ *Задигу:* я тебѣ совѣтую вступить въ мою службу, и быть по мнѣ первымъ: ты не можешь сдѣлать ничего лучшаго, сїе ремесло не худо, и ты можешь быть со временемъ тожъ, что я. Смѣю ли я васъ спросить, говорилъ *Задигъ*, давно ли вы упражняетесь въ семъ благородномъ ремеслѣ? Съ самыхъ отроческихъ лѣтъ, отвѣчалъ *Арбогадъ*. Я служилъ у нѣкотораго разумнаго Аравлянина, состоянїе мое было мнѣ несносно; я приходилъ въ отчаянїе видя, что на цѣлой землѣ, которая принадлежитъ равно всѣмъ человѣкамъ, судьба не опредѣлила для меня части. Я открылъ печаль свою одному старому Аравитянину, который мнѣ сказалъ: сынъ мой, не отчаявайся: нѣкогда песчаное зерно сокру-

шалось, что оно лежитъ забвенію преданною пылинкою въ пустынѣ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ песчинка сдѣлалась алмазомъ, который нынѣ есть наилучшимъ украшеніемъ короны Індѣйскаго Царя. Сіи слова глубоко въ мысль мою впечатлѣлись. Я былъ песчаное зерно, и принялъ намѣреніе сдѣлаться алмазомъ. Начало къ тому положилъ я кражею двухъ лошадей; потомъ прибралъ къ себѣ товарищей, сталъ въ состояніи разбивать малые караваны; и такъ выходилъ я помалу изъ неравенства, которое съ начала было между людьми и мною. Я получилъ свою часть въ богатствахъ сего свѣта, да и награждены мнѣ были прежніе недостатки съ лихвою; я сталъ быть въ великомъ почтеніи; сдѣлался владѣтельнымъ разбойникомъ. Такимъ образомъ приобрѣлъ я и сей замокъ. Сирской Сатрапъ хотѣлъ оный у меня отнять; но я былъ уже богатъ, и потому опасаться было нечего; я далъ денегъ Сатрапу, чѣмъ не токмо сохранилъ для себя замокъ, но и распространилъ свое владѣніе. Онъ наименовалъ меня казначеемъ собираемыхъ податей, кои Каменистая Аравія Царю Царей платила. Я исправлялъ должность свою какъ пріемщикъ, а отнюдь не такъ, какъ отдатчикъ.

Великой вавилонской Дестергамъ прислалъ сюда, именемъ Царя *Моабдара*, одного изъ незнатныхъ Сатраповъ, чтобъ меня задавить. Въ прибытие сего человѣка съ указомъ, былъ уже я о всемъ увѣдомленъ, велѣлъ я задавить четырехъ человѣкъ, которые съ нимъ для задавленія меня пріѣхали. Послѣ сего спрашивалъ я его: сколько бы ему принесло прибыли мое задавленіе. Онъ отвѣчалъ, что подарокъ тотъ былъ бы около трехъ сотъ червонныхъ золотыхъ. Я доказалъ ему очевидно, что со мною остаться прибыльнѣе. Я сдѣлалъ его по себѣ первымъ. Онъ теперь самый лучшій и богатѣйшій изъ всѣхъ моихъ служителей. Ежели ты мнѣ повѣришь, то таковъ же будешь. Никогда не было удобнѣйшаго для воровства случая, какъ съ того времени, когда *Моабдаръ* убитъ, и когда Вавилонъ въ смятеніи. *Моабдаръ* убитъ? вскричалъ *Задигъ*; а съ Царицею *Астартою* что сдѣлалось? Я ничего не знаю, отвѣчалъ *Арбогадъ*, знаю только, что *Моабдаръ* сошелъ съ ума, что онъ убитъ, что въ Вавилонѣ рѣжутся, что все государство разоряется, что много еще добра промыслить можно, и что я уже на свою

долю досталъ довольно. Но Царица, говорилъ *Задигъ*, помилуйте, не знаешель, что сдѣлалось съ Царицею? Мнѣ сказывали о какомъ-то гирканскомъ Князѣ, отвѣчалъ онъ, она, думать надобно, теперь въ числѣ его наложницъ, ежели не убили ее во время смятенія; но я больше охотникъ до добычъ, нежели до вѣдомостей. Въ набѣгахъ своихъ бралъ я много женщинъ, но ни одной у себя не оставлялъ: хорошихъ продаю я дорого, не спрашивая, кто онѣ таковы. Невольникомъ не по чинамъ покупаютъ, на дурную и Царицу не будетъ купца: можетъ быть что я продалъ *Астарту*, можетъ быть она мертва, о томъ мнѣ очень мало нужды; да и тебѣ, кажется, столько же о томъ печали, какъ и мнѣ. При сихъ разговорахъ пилъ онъ такъ проворно, говорилъ такой вздоръ, что *Задигъ* не могъ получить ни малѣйшаго свѣденія. Онъ сидѣлъ во изумленіи, отягченъ горестію, недвижимъ. *Арбогадъ* не переставалъ пить, расказывалъ сказки, твердилъ непрестанно, что онъ щастливѣе всѣхъ людей, увѣщавалъ *Задига* сдѣлаться также щастливымъ, напослѣдокъ задремалъ, и пошелъ спать сномъ покойнымъ. *Задигъ* препроводилъ ночь въ великомъ

безпокойствіи. Что! говорилъ онъ, Царь лишился ума? онъ убитъ? Не можно о немъ не сожалѣть. Государство разрушается, а сей разбойникъ щастливъ. О щастіе! о судьба! грабитель щастливъ, а наидостойнѣйшее любви во всей твари можетъ быть погибло безчеловѣчнымъ образомъ, или живетъ въ такомъ состояніи, которое несноснѣе самой смерти. О *Астарта!* что съ тобою сдѣлалось?

Едва наступило утро, вопрошалъ онъ всѣхъ, кто ему въ замкѣ ни встрѣчался; но всѣ были въ дѣлѣ, никто ему не отвѣтствовалъ; ту ночь получены новыя добычи, которыя тогда дѣлили. Въ таковыхъ суетахъ и замѣшательствѣ могъ онъ получить по крайней мѣрѣ позволеніе отъѣхать, чѣмъ онъ ни мало не мѣшкавъ воспользовался, и отправился въ путь, углубленный наиболѣе въ горестныя свои размышленія.

Задигъ шествовалъ смущенъ, горестенъ, имѣя умъ наполненный мыслями о нещастной *Астартѣ*, о вавилонскомъ Царѣ, о своемъ вѣрномъ *Кадорѣ*, о щастливомъ разбойникѣ *Арбогадѣ*, о оной толь своенравной женщинѣ, которую Вавилоняне взяли на египетскихъ границахъ, напослѣдокъ

о всѣхъ злоключеніяхъ, и о всѣхъ претерпѣнныхъ имъ нещастіяхъ.

Рыбакъ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ *Арбогадопа* за́мка остановился *Задигъ* на берегу небольшей рѣчки, оплакивая непрестанно свою участь, и почитая себя примѣромъ злополучія. Увидѣлъ онъ на берегу лежащаго рыбака, держащаго съ нуждою утомленною рукою свои сѣти, и возведшаго глаза на небо. Подлинно я самый нещастливый человѣкъ въ свѣтѣ, говорилъ рыбакъ. Былъ я, по увѣренію всѣхъ, самый знатный въ Вавилонѣ купецъ сметанныхъ сыровъ, но меня разорили; имѣлъ наипрекраснѣйшую жену, но она мнѣ измѣнила, Остался у меня одинъ только домикъ; но и тотъ разграбили и разрыли. Загнанный въ шалашъ, имѣю одну надежду на рыбную ловлю, но не могу поимать ни одной рыбы. О сѣти! не брошу я васъ больше въ воду, а брошуся самъ. Выговаривая сіи слова, встаетъ онъ, идетъ какъ человѣкъ готовый самымъ дѣломъ то исполнить, и тѣмъ прекратить свою жизнь.

Что я вижу? говорилъ самъ себѣ *Задигъ*: по сему есть столь же нещастливые люди, какъ и я. Поспѣшность ко спасенїю жизни рыбака столь же была скора, какъ сїе размышленїе: бѣжитъ къ нему, удерживаетъ, и вопрошаетъ его съ видомъ жалостнымъ и утѣшительнымъ. Говорятъ, что нещастїе сноснѣе, когда видимъ другихъ нещастливыхъ. Но по *Зороастру* происходитъ сїе не отъ злости, но отъ нужды. Тогда чувствуетъ человѣкъ себя влекома къ нещастному, какъ къ подобному себѣ; удовольствїежъ щастливаго человѣка досаждаетъ нещастному; но двое безщастныхъ подобны двумъ слабымъ древамъ, кои одно другому служа взаимною подпорою, могутъ удобнѣе противустоять бурѣ. Длячего ты изнемогаешь отъ нещастїя? спросилъ *Задигъ* рыбака. Длятого, отвѣчалъ онъ, что я не вижу ни малой помощи. Я былъ знатнѣйшїй человѣкъ въ деревнѣ называемой Дерлбакъ, лежащей близъ Вавилона. При помощи жены моей дѣлалъ я самыя лучшїя сметанныя сыры во всемъ государствѣ. Царица *Астарта* и славный Министръ *Задигъ* были до нихъ великїе охотники. Я поставилъ имъ шесть сотъ сыровъ. Нѣкогда пошелъ я въ городъ для полученїя за

нихъ заплаты, но по прибытіи въ Вавилонъ услышалъ, что Царица и *Задигъ* скрылись. Я побѣжалъ къ господину *Задигу*, котораго я никогда не видалъ, а увидѣлъ съ царскимъ указомъ служителей великаго *Дестергама*, разграбляющихъ его домъ. Я побѣжалъ на Царицыну кухню. Нѣкоторые повара сказали мнѣ, что она умерла, а другіе сказали, что она посажена въ темницу, а иные думали, что она спаслася бѣгствомъ; но всѣ единогласно увѣряли меня, что за сыры мнѣ не заплатятъ. Взявъ свою жену пошелъ я къ господину *Оркану*, для котораго также я сыры дѣлалъ; мы просили его въ такой напасти о покровительствѣ. Онъ жену мою принялъ во свое покровительство, а мнѣ въ томъ отказалъ. Она была гораздо бѣлѣе своихъ сметанныхъ сыровъ произведшихъ мои злополучія, и цвѣтъ тирской багряницы не былъ превосходнѣе оживляющаго сію бѣлизну румянца. По сей причинѣ *Орканъ* ее удержалъ у себя, а меня выгналъ. Я писалъ къ своей любезной женѣ писмо, какъ человѣкъ отчаянный. Она сказала подателю: а! я знаю того человѣка, который ко мнѣ пишетъ, я о немъ слыхала, сказываютъ, что онъ дѣлаетъ хорошія сметанныя сыры; пускай онъ ихъ принесетъ, и пускай ему заплатятъ.

Въ такомъ моемъ нещастіи вознамѣрился я искать защищенія въ судѣ. Осталось у меня шесть унцій золота, двѣ унціи надлежало дать человѣку знающему приказныя дѣла, который бы далъ мнѣ наставленіе, двѣ стряпчему, который бы взялся ходить за дѣломъ, двѣ секретарю. Все то я сдѣлалъ, однако судъ мой еще не начался; а я издержалъ уже больше денегъ, нежели сыры и жена моя стоили. Возвратился я въ деревню съ намѣреніемъ продать домъ для полученія жены.

Домъ мой стоилъ шестидесяти унцій золота; но какъ увидѣли меня въ бѣдности и въ необходимости продать домъ, то первый купецъ давалъ мнѣ тридцать унцій, другой двадцать, третій десять. Я уже хотѣлъ торгъ заключить и за ту цѣну, въ такомъ я былъ ослѣпленіи! но нѣкакой гирканской Князь шелъ тогда въ Вавилонъ, и разорялъ все на своемъ пути; домъ мой былъ разграбленъ, а потомъ сожженъ.

Такимъ образомъ, лишася денегъ, жены и дома, удалился я въ сіе мѣсто, гдѣ вы меня теперь видите. Я искалъ себѣ пропитанія рыбнымъ промысломъ; но рыбы мнѣ также какъ и люди насмѣхаются, ничего не могу изловить, умираю съ

голоду, и безъ тебя, свѣтлѣйшїй утѣшитель, скончалъ бы я въ сей рѣкѣ жизнь свою.

Рыбаку не льзя было по порядку и не прерывая повѣсть свою расказать, ибо *Задигъ*, въ горести и внѣ себя, ежеминутно спрашивалъ у него: какъ! ты ничего не знаешь о Царицѣ *Астартѣ*? Нѣтъ Государь, отвѣтствовалъ рыбакъ; я знаю только то, что Царица и *Задигъ* не заплатили мнѣ за сметанныя сыры, что *Орканъ* отнялъ у меня жену, и что я остался безъ всякой помощи. Я надѣюсь, говорилъ *Задигъ*, что не вовсе твои деньги пропали; я слыхалъ о *Задигѣ*, что онъ человѣкъ честный, и ежели возвратится въ Вавилонъ, какъ онъ надѣется, то дастъ тебѣ больше нежели долженъ. Что касается до твоей жены, которая кажется женщина не очень честная, совѣтую тебѣ ее не искать. Вѣрь мнѣ, поди въ Вавилонъ, я буду тамъ прежде, потому что я на лошади, а ты пѣшкомъ; явися къ преизящному *Кадору*, скажи ему, что ты видѣлъ его друга, дожидайся меня у него. Поди, можетъ быть нещастїе твое минетъ.

О многомощный *Орозмадъ!* продолжалъ онъ, ты употребляешь меня ко утѣшенїю

сего человѣка; когожъ пошлешь утѣшить меня? Говоря такъ, далъ онъ рыбаку половину всѣхъ денегъ, которыя онъ вывезъ изъ Аравïи. Рыбакъ, во изумленïи и радости, лобызалъ ноги друга *Кадорова*, и говорилъ: ты Ангелъ избавитель.

Между тѣмъ *Задигъ* всегда довѣдывался, и проливалъ слезы. Какъ государь! вскричалъ рыбакъ, неужели и вы также нещастливы, будучи столько благодѣтеленъ? Сто разъ нещастливѣе тебя, отвѣчалъ *Задигъ*. Но какъ сему статься, говорилъ простосердечный рыбакъ, чтобъ дающïй былъ въ горестнѣйшемъ состоянïи, нежели принимающïй. Сïе для того, что твое великое нещастïе есть нужда, отвѣчалъ *Задигъ*, а мое нещастïе происходитъ отъ горести сердечной. Неужли *Орканъ* и у тебя жену отнялъ? сказалъ рыбакъ. Сïе слово привело *Задигу* на мысль всѣ его приключенïя. Онъ повторялъ исчисленïе всѣмъ своимъ нещастïямъ, начиная отъ царицыной сучки, даже до прибытïя къ разбойнику *Арбогаду*. Ахъ! сказалъ онъ рыбаку, *Орканъ* достоинъ наказанïя, но такïе люди обыкновенно суть любимцы щастïя. Какъ бы то ни было, поди къ господину *Кадору*, и ожидай меня. Они

разставались, рыбакъ пошелъ благодаря свою судбину, а *Задигъ* поскакалъ, жалуясь на свою.

Василискъ.

Выѣхавъ на прекрасный лугъ, увидѣлъ онъ множество женщинъ, которыя нѣчего искали съ великимъ прилѣжанïемъ. Онъ осмѣлился приступить къ одной изъ нихъ, и у ней спросить, что можетъ ли онъ имѣть щастïе помогать имъ въ исканïи. Берегитеся, отвѣчала ему *Сирïянка*, искомому нами никто прикоснуться не можетъ, кромѣ женщинъ. Это очень чудно, говорилъ *Задигъ*; смѣю ли у васъ спросить, чтобъ то было такое, чему кромѣ женщинъ прикасаться не позволено? Это василискъ, государь, сказала она. Василискъ, государыня! а для чего вы изволите искать василиска? Для нашего господина и обладателя *Огула*, котораго замокъ видите на берегу сея рѣки по конецъ луга. Мы его всенижайшïя невольницы, господинъ *Огулъ* боленъ, лѣкарь приказалъ ему съѣсть вареннаго въ розовой водѣ василиска; а какъ сïе животное очень рѣдко

и никому кромѣ женщинъ не дается, то господинъ *Огулъ* обѣщалъ взять себѣ ту въ законную жену, которая изъ насъ принесетъ ему василиска. Пожалуйте не мѣшайте мнѣ искать: вы видите чего мнѣ стоить будетъ, ежели которая изъ подругъ моихъ въ томъ меня предупредитъ.

Задигъ оставилъ сїю Сирїянку и прочихъ искать василиска, а самъ слѣдовалъ лугомъ. Прїѣхавъ на берегъ небольшаго ручья, нашелъ онъ госпожу, которая на травѣ лежала и не искала ничего. Станъ ея казался величественъ, лице было закрыто покрываломъ. Она сидѣла наклонясь къ ручью, тяжкїе вздохи изъ груди ея исходили, она держала въ одной рукѣ прутикъ, коимъ изображала буквы на песчаномъ берегу ручья. *Задигъ* полюбопытствовалъ посмотрѣть, что сїя госпожа писала; подходитъ и видитъ букву З, потомъ А, удивляется, потомъ изобразилось Д. Онъ воспрепеталъ съ радости. Удивленїе его было неописаино, когда увидѣлъ послѣднїя двѣ буквы своего имени. Онъ нѣсколько времени пребылъ безгласенъ, потомъ расторгаетъ молчанїе и говоритъ голосомъ прерывающимся: о великодушная госпожа! отпустите странному пришельцу, отпустите

нещастливому, когда осмѣлюсь васъ спросить, по какому непонятному приключенїю вижу я здѣсь имя *Задига* начертанное вашею дражайшею рукою? На сей голосъ, на сїи слова, госпожа поднимаетъ трепещущею рукою покрывало, смотритъ на *Задига*, отъ жалости, удивленїя и радости вскрикиваетъ, и, ослабѣвъ подъ бременемъ всѣхъ сихъ разныхъ чувствованїй, коими душа ея была угнѣтаема, падаетъ безгласна ему въ объятїя. Была то сама *Астарта*, была то вавилонская Царица, та самая, кою обожалъ *Задигъ*, и за что онъ себя обвинялъ: была то сїя, которую *Задигъ* толь много оплакивалъ, и о судьбѣ которыя въ толикомъ былъ страхѣ. Нѣсколько времени пребылъ онъ безчувственъ, потомъ, вперяя взоры свои на глаза *Астарты*, кои открывались со утомленїемъ смѣшеннымъ со стыдомъ и любовїю: о безсмертныя силы! возопилъ, властители судьбы слабыхъ человѣковъ, неужели вы мнѣ отдаете *Астарту*? Въ какое время, въ какомъ мѣстѣ, въ какомъ состоянїи ея обрѣтаю! Онъ повергается на колѣни предъ *Астартою*, прилагаетъ чело свое къ праху ея ногъ. Царица вавилонская его возставляетъ, сажаетъ подлѣ себя на

берегу ручья, многократно отираетъ свои глаза, изъ которыхъ теченіе слезъ непрестанно обновляется, стократно начинаетъ рѣчь, которая хлипаніемъ прерывается. Она вопрошаетъ его, какимъ незапнымъ случаемъ они находятся вмѣстѣ; и паки вдругъ новыми вопросами отвѣты его упреждаетъ. Начинаетъ повѣсть своихъ злоключеній, и вдругъ хочетъ знать о *Задиговыхъ*. На послѣдокъ, когда смущенныя ихъ души мало успокоились, *Задигъ* расказалъ кратко, какимъ образомъ сталъ онъ на семъ лугѣ. Но о нещастная и достопочитаемая Царица! какимъ случаемъ вы находитесь въ семъ удаленномъ мѣстѣ, во одеждѣ невольницы, и въ сотовариществѣ другихъ невольницъ, ищущихъ василиска для свареніи въ розовой водѣ, по предписанію лѣкаря?

Между тѣмъ какъ онѣ ищутъ своего василиска, сказала прекрасная *Астарта*, я вамъ раскажу все, что я пострадала, и все что я забываю съ того времени, какъ я васъ увидѣла. Извѣстно тебѣ, что Царю, моему супругу, не понравилось, что ты былъ любезнѣе всѣхъ человѣкъ, и что для того онъ принялъ намѣреніе во одну ночь тебя задавить, а меня отравить ядомъ. Ты

знаешь какимъ чуднымъ образомъ нѣмой карла далъ мнѣ знать о повелѣнiи его превысочайшаго величества.

Едва вѣрный *Кадоръ* принудилъ васъ послушать меня и отъѣхать, осмѣлился онъ прiити ко мнѣ въ самую полночь тайными дверьми, онъ взялъ меня, и проводилъ во храмъ *Орозмада*, гдѣ волхвъ, братъ его, заключилъ меня въ большой истуканъ, который утвержденъ былъ на самомъ основанiи храма, и верьхомъ своимъ досязалъ сводовъ. Я пребывала тамъ на подобiе погребенной, однако услугами жреца ни въ чемъ недостатка не имѣла. Между тѣмъ на разсвѣтѣ дня аптекарь его величества вшелъ въ мою комнату, съ сосудомъ наполненнымъ яда, составленнаго изъ бѣлой и черной чемерицы, изъ опiи, изъ дурмана и изъ волчьяго кореня; другой служитель пошелъ къ вамъ съ шелковою петлею голубаго цвѣта; но никого не нашли. *Кадоръ*, чтобъ лучше обмануть Царя, учинилъ на насъ доносъ, въ которомъ объявилъ, что ты уѣхалъ во Iндiю, а я въ Мемфисъ; послали за мною и за тобою погоню.

Посланные за мною гонцы меня не знали; я почти ни предъ кѣмъ не открывала своего лица, кромѣ тебя, но и то въ при-

сутствіи и по повеленію моего супруга. Они искали меня по данному имъ о мнѣ описанію. Равная станомъ со мною, а красотою можетъ быть меня превосходившая женщина, предстала ихъ глазамъ, на египетскихъ границахъ; она имѣла волосы растрепаны, и казалась быть ушлицею. Они почли ея Царицею вавилонскою, и привезли къ *Моабдару*. Сія ошибка съ начала привела Царя въ жестокую ярость, но, по ближайшемъ разсмотрѣніи женщины, нашелъ ее прекрасною и успокоился. Она называлась *Миссуфъ*. Послѣ узнала я, что сіе имя значитъ на египетскомъ языкѣ, своенравная красавица. Она и въ самомъ дѣлѣ была такова; но бывъ столь же хитра, сколь и своенравна, понравилась *Моабдару*. Она овладѣла имъ такъ, что онъ объявилъ ее своею супругою. Тогда нравъ ея со всѣмъ открылся; она попустилась безъ страха во всѣ безумства странныхъ пожеланій своихъ. Хотѣла принудить главнаго волхва, который былъ старъ, дряхлъ и въ подагрѣ, предъ собою плясать; и когда онъ ея въ томъ ослушался, начала его гнать безъ милосердія. Она приказала великому конюшему изпечь для нея сладкой пирогъ. Сколько ни представлялъ ей конюшей, что онъ не

пирожникъ, однако повиненъ былъ пирогъ печь; а за то, что пирогъ подгорѣлъ, послали его въ ссылку. Она выпросила чинъ великаго конюшаго своему карлу, а чинъ Канцлера пажу. Такимъ образомъ правила она Вавилономъ. Всѣ о мнѣ жалѣли. Царь, бывшій довольно честнымъ человѣкомъ до того времени, доколѣ не велѣлъ меня отравить ядомъ, а тебя задавить, будьто бы всѣ свои добродѣтели утопилъ въ странной своей любви ко своенравной красавицѣ. Онъ пришелъ во храмъ въ великой день священнаго огня. Я видѣла его приносящаго молитвы за *Миссуфу*, при ногахъ истукана, въ которомъ я заключена была. Я возвысила свой голосъ и громогласно ему сказала: *Боги отметаютъ мольбы Царя сдѣлавшагося мучителемъ, который хотѣлъ умертвить разумную жену, для сочетанія съ неистовою*. Сіи слова поразили *Моабдара* такъ, что онъ во умѣ помѣшался. Учиненное отъ меня изреченіе, и мучительство *Миссуфы*, были довольны къ лишенію его разума; и подлинно по нѣсколькихъ дняхъ онъ совершенно обезумѣлъ.

Неистовство его, которое казалось быть Божіимъ наказаніемъ, было знакомъ къ возмущенію. Бунтъ начался, всѣ побѣжали ко оружію. Вавилонъ, толь долговре-

менно погрязавшій во сластолюбіи и праздности, сталЪ позорищемЪ кровопролитнаго междоусобія. Меня вывели изЪ истукана, и поставили главою одной партіи. *Кадор*Ъ бросился вЪ Мемфис, для возвращенія твоего вЪ ВавилонЪ. Гирканской Князь, получа слухЪ о бѣдственныхЪ сихЪ произшествіяхЪ, возвратился со своимЪ войскомЪ, и составилЪ третію партію вЪ Халдеѣ. ОнЪ напалЪ на Царя, который отЪ него убѣгалЪ со своею сумозбродною Египтянкою.

*Моабдар*Ъ умерЪ пронзенный вЪ бою оружіемЪ; *Миссуфа* впала вЪ руки побѣдителя; злощастіе мое восхотѣло, чтобЪ я и сама взята была Гирканцами, и приведена предЪ Князя вЪ тожЪ самое время, когда привели и *Миссуфу*. Лестно для тебя безЪ сомнѣнія, что Князю показалась я прекраснѣе Египтянки; но огорчительно будетЪ слышать, что онЪ меня назначилЪ во свою сераль. ОнЪ безЪ закрытія сказалЪ, что по окончаніи предпріемлемаго имЪ похода возвратится ко мнѣ. Представь себѣ мою горесть: союзЪ мой сЪ *Моабдаром*Ъ уже былЪ разрушенЪ, я могла бы быть *Задигова*, но впала во оковы варвара. Я ему отвѣчала сЪ гордостію приличною моему сану и моимЪ благороднымЪ мыслямЪ. Я всегда

слыхала, что природа особамъ моего состоянія даетъ видъ величества, которыя однимъ словомъ и однимъ взглядомъ приводятъ въ глубокое почтеніе дерзнувшихъ иногда преступить оное. Я говорила какъ Царица, но со мною поступали какъ съ невольницею. Гирканецъ не удостоивъ меня ни словомъ, сказалъ черному своему евнуху, что я бѣшеная, однакожъ ему нравлюсь. Онъ поручилъ меня его попеченію, повелѣвая давать мнѣ пищу и питіе любимыхъ ему женъ, дабы тѣмъ способствовать къ полученію лучшаго цвѣта, и сдѣлать достойнѣе его благосклонности, къ тому дню, въ который ему меня почтить угодно будетъ. Я говорила ему, что сама себя умерщвлю; а онъ отвѣчалъ со смѣхомъ, что за то люди сами себя не убиваютъ, и что онъ къ такимъ разговорамъ уже привыкъ. И такъ онъ оставилъ меня, посадя какъ попугая въ клѣтку. Какое состояніе для первой Царицы въ свѣтѣ, а еще больше для сердца принадлежащаго *Задигу*!

При сихъ словахъ упалъ онъ на ея колѣни, и орошалъ ихъ слезами. *Астарта* подняла его съ видомъ любовнымъ, и продолжала такъ: я видѣла себя во власти варвара, и соперницею сумозбродной женщины,

съ которою я вмѣстѣ была заключена. Она расказала мнѣ свое египетское приключенїе. Я заключила по сдѣланному ею о тебѣ описанїю, по времени, по верблюду, на которомъ ты ѣхалъ, и по всѣмъ обстоятельствамъ, что то надобно быть *Задигу*, который за нее бился. Не сомнѣваясь, что ты былъ въ Мемфисѣ, приняла я намѣренїе туда же удалиться. Прекрасная *Миссуфа*, говорила я ей, вы меня гораздо веселонравнѣе, и потому можете больше увеселить Гирканскаго Князя, нежели я, способствуйте мнѣ спастись отсюда бѣгствомъ: вы будете здѣсь одна господствовать, избавяся отъ соперницы, а меня сдѣлаете щастливою. *Миссуфа* на то согласилась, и такъ я ушла со одною египетскою невольницею.

Уже я была близъ Аравїи, когда нѣкто славной разбойникъ, именемъ *Арбогадъ*, меня взялъ, и продалъ купцамъ, которые привезли меня въ сей замокъ, гдѣ живетъ господинъ *Огулъ*. Онъ купилъ меня не зная кто я. Онъ человѣкъ весьма сластолюбивый, который только старается хорошо ѣсть и пить, и который вѣритъ, что богъ его для того и произвелъ на свѣтъ, чтобъ только сидѣть за столомъ. Онъ чрезмѣрно

толстъ, отъ чего почти всегда задыхается. Лѣкарь его, къ которому онъ нѣсколько имѣетъ повѣренности, когда его желудокъ хорошо варитъ, господствуетъ надъ нимъ самодержавно, когда онъ объѣстся. Онъ увѣрилъ его, что онъ вылѣчится вареньмъ въ розовой водѣ василискомъ. Господинъ *Огулъ* обѣщалъ жениться на той изъ своихъ невольницъ, которая ему принесетъ василиска. Ты видишь, что я оставляю ихъ стараться о приобрѣтенiи сей чести, яже никогда не имѣла столь мало охоты ко исканiю василиска, какъ со времени, когда стало небесамъ угодно, что тебя паки увидѣла.

Тогда *Астарта* и *Задигъ* говорили другъ другу все, что долговременно въ принужденiи бывшiя чувствiя, и все, что нещастiе и любовь влагали въ благороднѣйшiя и страстнѣйшiя ихъ сердца; а духи господствующiе надъ любовiю доносили слова ихъ до сферы Венериной.

Женщины возвратились ко *Огулу*, не нашедъ ничего. *Задигъ* предсталъ предъ его, и говорилъ ему сiи слова: да снидетъ безсмертное здравiе съ небесъ, и да сохранитъ всѣ дни жизни вашей! Я врачъ, я прiѣхалъ къ вамъ по слуху о вашей болѣзни,

и привезЪ вамЪ свареннаго вЪ розовой водѣ василиска, не для того, чтобЪ выйти за васЪ за мужЪ, а прошу только свободы молодой невольницѣ Вавилонянкѣ, кою вы отЪ нѣкотораго времени у себя имѣете; я согласуюсь остаться на ея мѣсто вЪ неволѣ, ежели не буду имѣть щастія вылѣчить великолѣпнаго господина *Огула*.

Предложеніе было принято. *Астарта* отправилась вЪ ВавилонЪ со служителемЪ *Задиговымъ*, обѣщая кЪ нему прислать неукоснительно гонца для увѣдомленія о всемЪ, что тамЪ произойдетЪ. Прощаніе ихЪ было таковожЪ жалостно, какЪ и свиданіе. Время свиданія, и время разлученія, суть два великіе случая вЪ жизни, какЪ говоритЪ великая книга *ЗендЪ*. *ЗадигЪ* любилЪ Царицу столько, какЪ ей о томЪ клялся; а Царица любила *Задига* больше, нежели ему выговаривала.

Послѣ того *ЗадигЪ* говорилЪ *Огулу*: Государь! василиска моего не ѣдятЪ, вся польза его вЪ томЪ состоитЪ, чтобЪ войти ему вЪ васЪ порами. Я вложилЪ его вЪ небольшой, крѣпко надутой и покрытой тонкою кожею мѣхЪ. ВамЪ надобно бросать сей мѣхЪ всею силою, и мнѣ кЪ вамЪ его отбрасывать, повторяя то часто,

и наблюдая нѣсколько дней умѣренность въ пищѣ и питіи: вы увидите дѣйствіе моего искусства. *Огулъ* въ первый день со всѣмъ задыхался, и думалъ что умретъ отъ утомленія; во второй меньше усталъ и лучше спалъ; въ недѣлю получилъ онъ всю силу, здоровье, легкость и веселость своихъ цвѣтущихъ лѣтъ. Вы играли мячемъ, и были воздержны въ пищѣ и питіи, сказалъ ему *Задигъ*; знайте, что нѣтъ въ естествѣ василиска, а чтобъ быть всегда здорову, надлежитъ имѣть воздержаніе и всегдашнее тѣлодвиженіе; а умѣть сохранить здравіе при невоздержаніи, есть толь же пустая наука, какъ и исканіе философскаго камня, предвѣщательная Астрологія и Богословія волхвовъ.

Прежній *Огулопъ* лѣкарь увидѣвъ сколь опасенъ сей человѣкъ для врачебной науки, согласился со аптекаремъ, послать *Задига* для исканія василисковъ на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ, бывъ всегда наказанъ за доброе дѣло, едва не погибъ за излѣченіе господина, котораго болѣзнь состояла во обжирствѣ. Позвали его на богатой обѣдъ, на которомъ въ другой перемѣнѣ приготовлена была для него отрава; но за перьвою перемѣною пріѣхалъ къ нему

гонецъ отъ прекрасной *Астарты*; онъ всталъ изъ за стола и поѣхалъ. Кто любимъ прекрасною женщиною, говоритъ великїй *Зороастръ*, тотъ можетъ всегда отъ бѣды избавиться въ семъ свѣтѣ.

Битвы.

Царица принята была въ Вавилонѣ съ такимъ восхищенїемъ, какое обыкновенно чувствуютъ къ прекрасной и нещастїе претерпѣвшей Государынѣ. Вавилонъ тогда казался быть спокойнѣе. Гирканской Князь убитъ былъ на сраженїи. Побѣдившїе Вавилоняне обьявили, чтобъ *Астартѣ* быть супругою тому, кого изберутъ Царемъ. Не хотѣли чтобъ перьвое мѣсто въ свѣтѣ, то есть супруга *Астарты*, и Царя вавилонскаго, зависѣло отъ пронырствъ и ухищренїя. Учинили присягу признать Царемъ самаго храбраго, и самаго премудраго. Пространная площадь, окруженная великолѣпными амфиѳеатрами, была въ нѣсколькихъ миляхъ за городомъ приготовлена. Ратоборцамъ надлежало тамъ предстать въ полномъ оружїи. Для каждаго изъ нихъ позади амфиѳеатра

приготовленЪ былЪ особой покой, и никому ихЪ не было позволено ни знать ни видѣть. Опредѣлено имЪ биться на копьяхЪ четыре раза. Тѣ кои бы были щастливы побѣдить четырехЪ рыцарей, долженствовали потомЪ биться одинЪ противЪ другаго, и который останется послѣднiй, тотЪ будетЪ провозглашенЪ во играхЪ побѣдителемЪ. По четырехЪ дняхЪ надлежало ему возвратиться вЪ томЪ же оружiи, и истолковать загадки предложенныя отЪ волхвовЪ. Ежели онЪ не истолкуетЪ загадокЪ, то не будетЪ ЦаремЪ, и тогда надлежало паки начать сраженiя, доколѣ сыщется человѣкЪ могущiй быть побѣдителемЪ во обоихЪ сихЪ подвигахЪ; ибо необходимо было положено имѣть ЦаремЪ храбрѣйшаго и премудрѣйшаго. Царица между тѣмЪ долженствовала тогда имѣть крѣпкую стражу: позволено ей было только присутствовать при играхЪ, но сЪ покровеннымЪ лицемЪ, крайнежЪ запрещалось ей говорить сЪ кѣмЪ-либо изЪ кандидатовЪ, дабы никому особливаго снизхожденiя, или неправосудiя, показано не было.

О семЪ то *Астарта* увѣдомила своего возлюбленнаго, твердо надѣяся, что онЪ для нея больше всѣхЪ покажетЪ храбрости

и разума. Онъ поѣхалъ, и молился Венерѣ укрѣпить его мужество, и просвѣтить разумъ. Прибылъ на берегъ Ефрата въ вечеру предъ симъ великимъ днемъ. Онъ объявилъ свою надпись съ прочими подвижниками, скрывая свое лице и имя, какъ то уставы предписывали, и пошелъ для отдохновенія въ покой доставшійся ему по жребію. Отъ друга его *Кадора*, возвратившагося въ Вавилонъ по тщетномъ его исканіи во Египтѣ, принесли въ его покой полную броню, которую ему Царица прислала; онъ же прислалъ къ нему отъ нея преизряднаго персидскаго коня. *Задигъ* по симъ дарамъ узналъ *Астарту*. Храбрость его и любовь получили новыя силы и новую надежду.

На-утріе, по прибытіи Царицы на уготованное мѣсто подъ балдахинъ украшенный драгоцѣннымъ каменіемъ, и по вмѣщеніи во амфиѳатрахъ всѣхъ госпожъ и всѣхъ государственныхъ чиновъ вавилонскихъ, подвижники на площади предстали. Каждый изъ нихъ положилъ свою надпись при ногахъ великаго волхва. Надписи разобрали по жребію. *Задигу* досталось быть послѣднимъ. Перьво выѣхавшій былъ богатой господинъ, именемъ *Итобадъ*, самолюбивый,

робкій, непроворный и неразумный. Отъ домашнихъ своихъ былъ онъ увѣренъ, что такой человѣкъ, какъ онъ, долженъ быть Царемъ. Онъ отвѣчалъ имъ: такой человѣкъ, какъ я, долженъ царствовать. И такъ его съ ногъ до головы вооружили. Онъ имѣлъ на себѣ броню златую украшенную зеленою финифтью, перо зеленое, копье перевязанное зелеными лентами. Тотчасъ увидѣли, по управленію его конемъ, что такому человѣку, какъ онъ, небеса не опредѣлили вавилонскаго скипетра. Первый рыцарь выѣхавшій противъ него, выбилъ его изъ сѣдла; отъ втораго упалъ онъ на лошадиныя крестцы ногами въ верхъ, и распростертыми руками. *Ітобадъ* оправился, но толь съ худыми ухватками, что весь амфиѳеатръ засмѣялся. Третій не почелъ его достойнымъ чтобъ употребить свое копье, но подъѣхавъ взялъ его за правую ногу, и обернувъ кругомъ бросилъ на песокъ. Щитоносцы игръ подбѣжали къ нему со смѣхомъ, и паки посадили его на коня. Четвертой противоборецъ беретъ его за лѣвую ногу, и свергаетъ его на другую сторону. Проводили его съ насмѣхательнымъ воплемъ въ покой назначенной ему для препровожденія ночи по силѣ устава, и онъ, идучи съ нуждою, говорилъ: какое приключеніе такому человѣку, какъ я!

Другїе рыцари лучше свою должность исполнили; были изъ нихъ, которые побѣждали сряду по два противоборца, иные побѣждали и до трехъ; одинъ Князь *Отамъ* побѣдилъ четырехъ. Потомъ *Задигъ* вступилъ въ бой, и выбилъ изъ сѣдла четырехъ рыцарей, одного за другимъ, со всевозможною приятностїю. Осталось видѣть, кто будетъ побѣдителемъ, *Отамъ* или *Задигъ*. Первой имѣлъ броню голубую съ золотомъ, съ такимъ же перомъ, а *Задигова* была бѣлая. Всѣ желанїя раздѣлились между рыцаремъ голубымъ и рыцаремъ бѣлымъ. Царица, у которой сердце трепетало, возсылала мольбы къ небесамъ о бѣломъ цвѣтѣ.

Два противоборца разъѣзжали съ такою легкостїю, наносили другъ другу толь красиво копейные удары, сидѣли въ сѣдлахъ толь твердо, что весь народъ, выключая Царицу, желалъ имѣть двухъ Царей въ Вавилонѣ. Наконецъ кони ихъ устаютъ, и копья ломаются. Тогда *Задигъ* употребляетъ сїю хитрость: онъ заѣзжаетъ позади голубаго Князя, бросается на крестцы его коня, схватываетъ его поперегъ тѣла, повергаетъ на землю, садится въ сѣдло на его мѣсто, и разъѣзжаетъ вкругъ простертаго на площади *Отама*. Весь амфиѳеатръ

возопилЪ: побѣдилЪ бѣлой рыцарь. *Отамъ* встаетЪ во гнѣвѣ, вынимаетЪ свой мечЪ; *Задигъ* бросается сЪ коня сЪ мечемЪ вЪ рукѣ. Тогда оба на позорищѣ возобновляютЪ битву, вЪ которой сила и искуство перемѣнно торжествуютЪ. Перья со шлемовЪ, гвоздья и кольца сЪ броней падаютЪ по сторонамЪ отЪ повторяемыхЪ ударовЪ. Они колятся и рубятся, на право, на лѣво, по головѣ, вЪ грудь; отступаютЪ, приступаютЪ, примѣряются, сближаются, схватываются, извиваются какЪ змѣи, нападаютЪ какЪ львы, огнь непрестанно вылетаетЪ отЪ ударовЪ, которыми они другЪ друга поражаютЪ. На конецЪ *Задигъ* останавливается, отступаетЪ притворно, и собравЪ всѣ свои силы нападаетЪ на *Отама*, повергаетЪ его на землю, обезоруживаетЪ, и *Отамъ* вопіетЪ: о бѣлой рыцарь! тебѣ опредѣлено царствовать вЪ Вавилонѣ. Царица была отЪ радости внѣ себя. Отвели рыцаря голубаго и рыцаря бѣлаго, каждаго вЪ назначенный ему покой, такЪ какЪ и всѣхЪ прочихЪ, по предписанію устава. Нѣмые пришли для ихЪ услугЪ, и принесли имЪ пищу. Можно догадываться, не достался ли для услугЪ *Задигу* нѣмой ЦарицынЪ карла. На послѣдокЪ оставили ихЪ однихЪ покоиться

сномъ до утра; время, которое назначено побѣдителю для принесенія надписи великому волхву, для ея сличенія, и для объявленія себя.

Задигъ хотя влюбленъ, но спалъ крѣпко: столько онъ утружденъ былъ. *Итобадъ*, находившійся подлѣ его, не спалъ; онъ всталъ ночью, вшелъ въ его покой, взялъ бѣлую броню *Задигову* съ ею надписью, и положилъ свою броню зеленую въ то мѣсто. На разсвѣтѣ пошелъ онъ бодро къ великому волхву, и, съ гордою осанкою, объявилъ, что такой человѣкъ, какъ онъ, есть побѣдитель. Сего не ожидали; однако всенародно о немъ провозгласили прежде нежели *Задигъ* проснулся. Удивленная *Астарта*, съ сердцемъ наполненнымъ отчаянія, возвратилась въ Вавилонъ. Весь амфиѳеатръ былъ уже почти пустъ, когда *Задигъ* проснулся. Онъ искалъ своей брони, и не нашедъ кромѣ сей зеленой, принужденъ былъ оную на себя наложить, за неимѣніемъ при себѣ ничего другаго. Во удивленіи и гнѣвѣ, вооружается съ негодованіемъ, и выходитъ въ семъ уборѣ.

Оставшійся народъ на амфиѳеатрѣ и на площади принялъ его съ воплемъ ругательнымъ, окружаютъ его, въ глаза насмѣхаются. Никогда человѣкъ не претерпѣлъ

толь смертельнаго поношенія. Выходитъ изъ терпѣнія, прогоняетъ мечемъ дерзнувшій ему ругаться народъ; однако не зналъ что дѣлать. Онъ не могъ видѣть Царицы, не могъ себѣ присвоять бѣлой брони, которую она къ нему прислала, а инако Царица была бы въ томъ изобличена; и такъ, когда она погружена была въ горькую печаль, онъ наполненъ былъ ярости и отчаянія. Онъ ходилъ по берегу Евфрата, вѣря твердо, что судба опредѣлила быть ему невозвратно нещастливымъ: проходя во умѣ всѣ свои злоключенія, начиная отъ жены ненавидѣвшей кривыхъ, даже до своей брони. Вотъ каково, говорилъ онъ, долго спать; ежелибъ я меньше спалъ, былъ бы Царемъ въ Вавилонѣ, обладалъ бы *Астартою*. Науки, добронравіе, великодушіе, храбрость, послужили мнѣ только къ нещастію. Вырывалось у него на конецъ роптаніе противъ Провидѣнія, и едва не приходилъ онъ во искушеніе вѣрить, что все управляемо было нѣкоею злобною судьбою, коя угнѣтала добрыхъ, а благодѣтельствовала зеленымъ рыцарямъ. Не мало его печалило и ношеніе сей зеленой брони, которая привлекла на него столько ругательства. Купецъ шелъ мимо, онъ отдалъ броню сію

купцу, а на обмѣнъ взялъ у него кавтанъ и высокую шапку. Въ семъ уборѣ шелъ онъ по берегу Евфрата, наполненъ отчаяніемъ, и обвиняя втай, гонящее его непрестанно провидѣніе.

Пустынникъ.

Въ пути своемъ встрѣтилъ онъ пустынника, у котораго бѣлая и величавая брада простиралась до пояса. Онъ держалъ въ рукахъ книгу, и читалъ оную со вниманіемъ. *Задигъ* остановился, и поклонился ему низко. Пустынникъ поздравилъ его видомъ толь благороднымъ и ласковымъ, что *Задигъ* полюбопытствовалъ вступить съ нимъ въ бесѣду. Онъ вопрошалъ, какую онъ читалъ книгу? Се есть книга судебъ, сказалъ пустынникъ. Не желаешь ли и ты въ ней нѣчто прочесть? и отдалъ книгу въ руки *Задигопы*; который сколь ни много зналъ языковъ, однако не могъ узнать ни одной буквы; сіе усугубило его любопытство. Ты мнѣ кажешься быть въ великой печали, говорилъ ему сей почтенный отецъ. Увы! сколько я имѣю къ тому причины, сказалъ

Задигъ. Ежели ты мнѣ позволишь себѣ спутешествовать, отвѣтствовалъ старецъ, можетъ быть я тебѣ буду полезенъ; иногда я могъ вливать утѣшительныя мысли въ души нещастливыхъ. Задигъ почувствовалъ въ себѣ почтенїе къ виду, къ бородѣ и книгѣ пустынника. Въ собесѣдованїи съ нимъ нашелъ въ немъ превосходное просвѣщенїе. Пустынникъ говорилъ о судьбѣ, о правосудїи, о нравоученїи, о совершенномъ благѣ, о слабости человѣческой, о добродѣтеляхъ и порокахъ, съ такимъ живымъ и поражающимъ краснорѣчїемъ, что Задигъ чувствовалъ себя къ нему привлекаема нѣкоею непреодолимою силою. Онъ просилъ его прилѣжно, чтобъ съ нимъ не разлучался до возвращенїя въ Вавилонъ. Я самъ прошу у тебя сей милости, сказалъ старецъ; клянись мнѣ Орозмадомъ, что ты пребудешь со мною неразлученъ отъ сего времени нѣсколько дней, чтобъ я ни дѣлалъ. Задигъ клялся, и они пошли вмѣстѣ.

Два путешественника прибыли въ вечеру къ великолѣпному замку. Пустынникъ просилъ страннопрїимства для себя и для сопутешествующаго ему юноши. Привратникъ, коегобъ всякъ почелъ великимъ господиномъ, ввелъ ихъ со услужливостїю

смѣшанною съ нѣкоимъ презрѣнїемъ. Представили ихъ главному домослужителю, который показалъ имъ пышные чертоги своего господина. Посадили ихъ за столъ при послѣднемъ концѣ, и господинъ за́мка не удостоилъ ихъ ни однимъ своимъ взоромъ; но угостили ихъ такъ какъ и всѣхъ, сладкою и избыточною трапезою. Потомъ поднесли имъ для умыванїя золотой рукомойникъ, украшенный изумрудами и яхонтами; повели ихъ спать въ преизрядно убранный покой: а наутрїе одинъ служитель принесъ имъ каждому по золотой монетѣ, и потомъ ихъ отпустили.

Господинъ дома, сказалъ *Задигъ* идучи, кажется мнѣ человѣкъ щедрый, хотя онъ нѣсколько и гордъ; онъ страннопрїимствуетъ благороднымъ образомъ. Говоря сїи слова, примѣтилъ онъ, что нѣкакаго роду широкая зепь, которая была при пустынникѣ, казалася быть расширена и надута; онъ въ ней увидѣлъ золотой рукомойникъ, украшенный драгоцѣннымъ каменьемъ, который укралъ пустынникъ. Сначала не смѣлъ онъ подать ни малѣйшаго о томъ знака, но находился въ странномъ удивленїи. Около полудни пустынникъ пришелъ ко дверямъ небольшаго домика, въ коемъ жилъ скупой богачъ; онъ просилъ тамъ на

нѣсколько часовъ страннопріимства. Старый и худо одѣтый служитель принялъ ихъ сурово, и ввелъ пустынника и *Задига* въ конюшню, куда имъ принесли нѣсколько гнилыхъ оливъ, худаго хлѣба и кислаго пива. Пустынникъ ѣлъ и пилъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и прошедшаго дня; потомъ подошелъ къ сему старому служителю, который за ними присматривалъ, чтобъ они чего не украли, и который ихъ побуждалъ къ выходу, отдалъ ему двѣ золотыя полученныя поутру монеты, и благодарилъ его за пріятное угощеніе. Пожалуй, сказалъ онъ, дай мнѣ видѣть своего господина. Удивленный слуга представилъ обоихъ путешественниковъ своему господину. Щедрый господинъ, говорилъ пустынникъ, я не могу вамъ довольно возблагодарить за толь благородное и пріятное угощеніе, кое вы намъ показали; не погнушайтесь принять сего золотаго рукомойника въ малый залогъ моей благодарности. Скупой богачъ едва не упалъ отъ радости. Пустынникъ не далъ времени ему опамятоваться, и съ великимъ поспѣшеніемъ отправился въ путь съ *Задигомъ*. Отче! сказалъ *Задигъ*, что значитъ все сіе? что я вижу? Вы мнѣ кажетесь во всемъ не подобнымъ другимъ людямъ;

крадете вы золотой рукомойникъ съ дорогимъ каменьемъ у господина принимающаго насъ щедролюбиво, и отдаете оный скупому, поступающему съ нами недостойнымъ образомъ. Сыне, отвѣчалъ старецъ, сей щедрый человѣкъ, страннопріимствующій изъ единаго тщеславія и оказанія своей пышности, отселѣ умудрится; скупый научится страннопріимствовать; не удивляйся ничему и послѣдуй мнѣ. *Задигъ* еще не зналъ съ безумнѣйшимъ ли, или съ премудрѣйшимъ человѣкомъ имѣетъ дѣло; но пустынникъ говорилъ съ такою властію, что *Задигъ*, обязавшійся въ прочемъ клятвою, не могъ ему не послѣдовать.

Къ вечеру пришли они къ дому, который былъ построенъ изрядно, но просто, гдѣ не видно было ни бесполезнаго расточенія, ни гнусной скупости. Господинъ дома былъ Философъ, удалившійся отъ свѣта, упражняющійся мирно въ премудрости и добродѣтели, и нетерпящій однакожъ отъ того скуки. Онъ восхотѣлъ построить сіе убѣжище, въ которое принималъ странныхъ съ благородствомъ чуждымъ и малѣйшаго тщеславія. Онъ самъ встрѣтилъ двухъ путешественниковъ, и отвелъ имъ покой для отдохновенія. Спустя нѣсколько времени пришелъ онъ ихъ

звать къ столу, который былъ чистъ и вкусенъ. Во время ужина разговаривалъ онъ со скромностїю о последнихъ вавилонскихъ переменахъ. Казалось что онъ искренно прилепленъ былъ къ стороне Царицы, и желалъ чтобъ *Задигъ* явился на борбе, для приобретенїя царскаго венца; но люди, продолжалъ онъ, недостойны иметь Царя, каковъ *Задигъ*. Сей краснелъ, и чувствовалъ усугубленїе своихъ горестей. Въ разговорахъ согласно утверждали, что дела сего света не всегда идутъ въ пользу премудрыхъ. Пустынникъ утверждалъ, что пути провиденїя суть неизвестны, и что люди погрешаютъ разсуждая о целомъ, изъ коего они видятъ токмо наималейшую часть.

Разсуждали о страстяхъ. Ахъ! сколь оне пагубны! сказалъ *Задигъ*. Оне суть ветры надувающїе парусы корабля, отвечалъ пустынникъ, иногда опрокидываютъ оне корабль, однакожъ безъ нихъ не можетъ онъ плыть. Желчь производитъ гневъ и болезнь, но безъ желчи жить человекъ не можетъ. Все на семъ свете опасно, и все необходимо нужно.

Говорили о веселїи, и пустынникъ доказалъ, что оное есть даровaнїе божїе; ибо, говорилъ онъ, человекъ не можетъ

самъ въ себѣ произвесть ни чувствованій ни воображеній, онъ все заимствуетъ, печаль и веселіе приходитъ ему отъинуда, такъ какъ и самое его бытіе.

Задигъ удивлялся, какимъ образомъ человѣкъ, сдѣлавшій толико дѣлъ противъ здраваго разума, могъ толь основательно разсуждать. Напослѣдокъ, по толь пріятномъ и наставительномъ собесѣдованіи, хозяинъ проводилъ двухъ своихъ гостей въ назначенный имъ покой, благодаря Бога пославшаго ему двухъ толь премудрыхъ и добродѣтельныхъ человѣкъ. Подносилъ онъ въ подарокъ имъ деньги толь благороднымъ и непринужденнымъ видомъ, что оное не могло не нравиться. Пустынникъ оныхъ не принялъ, и говорилъ ему, что онъ съ нимъ прощается, имѣя намѣреніе отправиться въ Вавилонъ до свѣта. Разставаніе ихъ было жалостно, а паче *Задигъ* ощущалъ въ себѣ почтеніе и великую любовь къ толь достойному человѣку.

Пустынникъ и онъ, по отшествіи въ свой покой, долго хвалили хозяина. На разсвѣтѣ старецъ разбудилъ своего товарища. Время итти, говорилъ онъ; но когда еще всѣ въ глубокомъ снѣ находятся, хочу я оставить сему человѣку знакъ моего почтенія

и любви. Выговоря сіи слова, взялЪ онЪ факалЪ, и зажегЪ домЪ. Во ужасЪ приведенный *ЗадигЪ* не могЪ удержаться отЪ вопля, и хотѣлЪ воспрепятствовать сему ужасному злодѣянію; но пустынникЪ влекЪ его за собою нѣкоторою невѣдомою и превосходящею человѣчество силою. ДомЪ обЪятЪ былЪ пламенемЪ. ПустынникЪ, который уже былЪ со своимЪ спутникомЪ вЪ довольномЪ разстояніи, смотрѣлЪ на сгарающій домЪ спокойно. Слава Богу, говорилЪ онЪ, домЪ любезнаго моего хозяина разрушенЪ до основанія! благополучный человѣкЪ! При сихЪ словахЪ *ЗадигЪ* приходилЪ во искушеніе вдругЪ громко засмѣяться, бранить достопочитаемаго отца, бить его, и самому уйти; но ничего того не сдѣлалЪ, и всегда удерживаемый властію пустынника, послѣдовалЪ ему, противЪ своего желанія, до послѣдняго наслѣга.

Сіе было у нѣкоторой человѣколюбивой и добродѣтельной вдовы, которая имѣла племянника четырнадцати лѣтЪ, наполненнаго пріятности, и полагала вЪ немЪ всю свою надежду. Она угостила двухЪ путешественниковЪ сколько могла. Наутріе приказала племяннику своему проводить

двухЪ путниковЪ до моста, который предЪ недавнымЪ временемЪ обломился, и чрезЪ то сдѣлалЪ переправу опасною. Юноша сЪ великимЪ усердiемЪ имЪ предшествуетЪ. Когда они пришли на мостЪ: поди сюда, сказалЪ пустынникЪ молодому человѣку, я долженЪ оставить знакЪ моей благодарности твоей теткѣ. Тогда беретЪ его за волосы, и бросаетЪ вЪ рѣку. ОтрокЪ упадаетЪ, выныряетЪ изЪ воды, и поглощается быстриною. О чудовище! о наивеличайшiй злодѣй изЪ всѣхЪ человѣковЪ! возопилЪ *Задигъ*. Ты обѣщалЪ мнѣ больше терпѣнiя, сказалЪ ему, прервавЪ его рѣчь, пустынникЪ: знай, что подЪ развалинами сего дома, на которой провидѣнiе повергло пламень, господинЪ того дома обрѣлЪ безчисленное сокровище: знай, что сей юноша, коего провидѣнiе погубило, убилЪ бы свою тетку по прошествiи года, а тебя по прошествiи двухЪ лѣтЪ. Кто тебѣ о томЪ извѣстилЪ, безчеловѣчный варварЪ? кричалЪ *Задигъ*; и хотя бы ты читалЪ событiе сего вЪ своей книгѣ судебЪ, то позволено ли тебѣ утопить отрока не сдѣлавшаго тебѣ ни малѣйшаго зла.

ВЪ то время, когда ВавилонянинЪ говорилЪ, увидѣлЪ онЪ, что у старца брада

исчезла, что лице его воспрїимало черты юности, пустынная одежда стала невидима; четыре прекрасныя крыла покрывали величественное и блистающее свѣтомъ тѣло. О небесный посланникъ! о ангелъ божїй, возопилъ *Задигъ*, повергшись на землю, ты снизшелъ съ высоты для наученїя слабаго смертнаго покоряться вѣчнымъ уставамъ. Человѣки, вѣщалъ ангелъ *Iезрадъ*, разсуждаютъ о всемъ, не зная ничего; ты нашелся изъ всѣхъ человѣковъ достойнѣйшимъ получить благодать просвѣщенїя. *Задигъ* просилъ позволенїя говорить. Я не вѣрю себѣ, сказалъ онъ: но смѣю ли просить о разрѣшенїи моего сомнѣнїя: не лучше ли бы исправить сего отрока, и учинить добродѣтельнымъ, нежели утопить? *Iезрадъ* отвѣщалъ: ежели бы онъ былъ добродѣтеленъ, и ежелибъ былъ живъ, опредѣлено ему было самому быть убїенну съ женою, на которой бы онъ женился, и съ сыномъ, который бы родился отъ того брака. По сему, говорилъ *Задигъ*, беззаконїя и бѣды суть неизбѣжны, и добрые люди необходимо принуждены претерпѣвать нещастїя! Злые, отвѣщалъ *Iезрадъ*, суть всегда нещастны; они служатъ ко искушенїю малаго числа

разсѣянныхъ по лицу земли праведниковъ, и нѣтъ зла, отъ коего бы не раждалось какое-либо благо. Но когда бы, сказалъ *Задигъ*, было одно благо, а зла вовсе бы не было? Тогда, отвѣщалъ *Iезрадъ*, сїя земля была бы иная земля, союзъ событїя вещей былъ бы иный уставъ премудрости; а сей иный уставъ, который былъ бы совершенъ, не можетъ быть индѣ, кромѣ вѣчнаго жилища высочайшаго существа, коему зло отнюдъ непричастно. Онъ создалъ безчисленные мїры, которые одинъ другому ни чемъ не подобны. Сїе безконечное различїе есть свойство его неизмѣримаго всемогущества. Нѣтъ ни двухъ древесныхъ листовъ на землѣ, ни двухъ шаровъ въ безпредѣльномъ небесъ пространствѣ, кои бы имѣли между собою совершенное сходство; и все, что ты видишь на маломъ шарикѣ, на которомъ ты рожденъ, имѣетъ свое утвержденное мѣсто и время, по силѣ неподвижныхъ уставовъ обемлющаго все. Люди помыслятъ, что погибшїй отрокъ упалъ въ воду случаемъ, что тѣмъ же случаемъ сгорѣлъ домъ, но въ самой вещи нѣтъ слѣпаго случая; все есть либо искушенїе, либо наказанїе, либо воздаянїе, либо предъусмотрѣнїе. Воспомни сего рыбаря,

почитавшаго себя наизлополучнѣйшимъ человѣкомъ; *Орозмадъ* тебя послалъ премѣнить его судьбу. Слабый смертный! престань сопротивиться тому, коего должно съ благоговѣнїемъ почитать. Но, сказалъ *Задигъ*.... Когда онъ выговаривалъ *но*, ангелъ полетѣлъ уже на десятую сферу. *Задигъ* упалъ на колѣна, воздалъ должную честь провидѣнїю, покаряяся во всемъ воли онаго. Ангелъ вопилъ къ нему съ высоты воздуха: направь путь твой къ Вавилону.

Загадки.

Задигъ внѣ себя и яко человѣкъ пораженный громомъ, шелъ наудачу. Онъ вошелъ въ Вавилонъ въ самый тотъ день, когда бойцы бывшїе на борбѣ, были уже собраны въ великую палату дома царскаго, для истолкованїя загадокъ, и отвѣтствованїя на вопросы великаго волхва. Всѣ рыцари прибыли, кромѣ зеленой брони. Какъ скоро *Задигъ* явился въ городѣ, народъ вкругъ его собрался, глаза не могли насытиться зрѣнїемъ, уста похвалами, сердца

желанїемЪ ему царства. ЗавистникЪ видѣлЪ его проходящаго, вострепеталЪ и отвратился. НародЪ его несЪ до мѣста собранїя. Царица, которой о прибытїи его извѣстили, была подвержена неспокойству, страху и надеждѣ. Неспокойствїе ея снѣдало, не могла она понять, для чего былЪ *ЗадигЪ* невооруженЪ, и для чего *ІтобадЪ* носилЪ бѣлую броню. Смѣшанный шумЪ возсталЪ при видѣнїи *Задига*. Всѣ удивлялись и радовались его паки увидѣвЪ: но не позволено было ни кому, кромѣ бившихся рыцарей, быть вЪ собранїи.

Я бился также какЪ и другой, говорилЪ онЪ, но другой красуется здѣсь моею бронею; а между тѣмЪ, пока я сїе докажу, прошу позволить мнѣ предстать для истолкованїя загадокЪ. Начали собирать голосы. Слава его добродушїя толь глубоко у всѣхЪ вЪ памяти была впечатлѣнна, что всѣ на требованїе его согласились. Великой волхвЪ предложилЪ тотчасЪ сей вопросЪ: какая есть вещь вЪ свѣтѣ самая долгая и самая краткая, самая поспѣшная и самая медлѣнная, кЪ раздѣленїю удобнѣйшая и обширнѣйшая, больше всего пренебрегаемая, и больше всего жалѣемая, безЪ которой ни что не

можетъ сдѣлаться, которая пожираетъ все малое, и которая оживляетъ все великое?

Итобаду прежде всѣхъ говорить надлежало. Онъ отвѣтствовалъ, что такой человѣкъ, какъ онъ, не умѣетъ толковать загадокъ, а для него довольно побѣдить великими копейными ударами. Одни говорили, что разумъ загадки есть щастїе, другїе, земля, иные свѣтъ. *Задигъ* сказалъ, что то есть время; оное всего долѣе, продолжалъ онъ, по тому, что есть мѣрою вѣчности; всего кратчае, по тому, что онаго не достаетъ на всѣ наши предпрїятїя; всего медлѣннѣе для ожидающаго, всего скоротечнѣе для наслаждающагося; оное распространяется до безконечности во своей великости, и раздѣляется до безконечностижъ во своей малости; всѣ люди о немъ не брегутъ, всѣ жалѣютъ о его потерянїи; ни что не дѣлается безъ него; оно приводитъ въ забвенїе все недостойное потомства, и придаетъ безсмертїе великимъ дѣламъ. Все собранїе согласно объявило, что *Задигъ* угадалъ.

Потомъ спросили: что за вещь, которую получаютъ безъ благодарности, пользуются сами не зная какъ, сообщаютъ

оную другимЪ, не зная вЪ какомЪ мѣстѣ оной сами обрѣтаются, и которую теряютЪ сами не зная какЪ? Каждый обЪявилЪ свое мнѣнїе. ОдинЪ *ЗадигЪ* угадалЪ, что то есть жизнь. Ему столь же не трудно было истолковать всѣ прочїя загадки. *ІтобадЪ* непрестанно говорилЪ, что сїе было самое легкое дѣло, и онЪ также бы сЪ небольшимЪ трудомЪ сїе учинилЪ, ежели бы приложилЪ кЪ тому старанїе. Предложили вопросы о правосудїи, о совершенномЪ благѣ, о искуствѣ царствованїя. Отвѣты *Задиговы* признаны за основательнѣйшїя. КакЪ жаль! говорили, что человѣкЪ одаренный толь изряднымЪ разумомЪ, былЪ худой рыцарь.

Знаменитые господа, сказалЪ *ЗадигЪ*, я имѣлЪ честь остаться побѣдителемЪ на борбѣ. Мнѣ принадлежитЪ бѣлая броня. ГосподинЪ *ІтобадЪ* взялЪ ее во время моего сна: онЪ чаятельно заключилЪ, что оная для него будетЪ пристойнѣе, нежели броня зеленая. Я сей часЪ готовЪ доказать предЪ вами вЪ кафтанѣ и со однимЪ мечемЪ противу сей прекрасной бѣлой брони, которую онЪ у меня взялЪ, что я имѣлЪ честь побѣдить храбраго *Отама*.

Итобадъ соглашается на вызывъ съ великимъ надѣяніемъ. Онъ не сомнѣвается, что вооруженный шлемомъ, латами, копьемъ, можетъ легко побѣдить противоборца одѣтаго въ покоевое платье и шапку. *Задигъ* извлекаетъ свой мечъ, поздравляя Царицу, которая на него смотрѣла наполненная радости и страха. *Итобадъ* вынимаетъ свой не поздравляя никого, наступаетъ на *Задига*, какъ человѣкъ внѣ всякаго опасенія. Онъ уже готовъ былъ поразить его въ голову; но *Задигъ* отвелъ ударъ, поставляя, какъ говорятъ, крѣпость меча противу слабости своего соперника такъ, что *Итобадовъ* мечъ переломился. Тогда *Задигъ* схватя своего непріятеля, повергаетъ на землю, и уставя конецъ меча въ мѣсто незакрытое бронею: попусти себя обезоружить, сказалъ онъ, или я тебя предамъ смерти. *Итобадъ*, непрестанно дивяся нещастію приключающемуся такому человѣку, какъ онъ, отдался въ волю *Задигу*, которой, безъ всякаго сопротивленія, снялъ съ него гордый его шлемъ, великолѣпные латы, прекрасныя поручи и остальныя части брони, наложилъ оныя на себя, и бросился въ семъ уборѣ на колѣна предъ *Астартою*. *Кадоръ* легко доказалъ,

что броня принадлежитъ подлинно *Задигу*. *Задигъ* отъ всѣхъ единогласно признанъ былъ Царемъ, а паче *Астартою*, которая, по претерпѣніи толикихъ бѣдствій, вкушала сладкое удовольствіе видѣть своего возлюбленнаго, по признанію всего государства, быть достойнымъ себѣ супругомъ. *Итобадъ* возвратился въ домъ, дабы величаться отъ своихъ домашнихъ названіемъ великаго господина. *Задигъ* сталъ Царемъ, и сталъ щастливымъ. Онъ всегда имѣлъ въ памяти сказанное ему отъ ангела *Iезрада*. Не забылъ онъ о песчинкѣ сдѣлавшейся алмазомъ. Царица и онъ почитали провидѣніе. *Задигъ* оставилъ своенравную красавицу *Миссуфу* странствовать по свѣту. Онъ послалъ по разбойника *Арбогада*, и далъ ему знатной чинъ во своемъ войскѣ, обѣщая возвести его въ первыя достоинства, ежели онъ будетъ поступать какъ надлежитъ прямому военачальнику, а повѣсить, ежели онъ станетъ упражняться въ разбойничествѣ.

Сетокъ призванъ изъ Аравіи съ прекрасною *Алмоною*, и поставленъ начальникомъ надъ вавилонскими торгами. *Кадоръ* былъ награжденъ и любимъ по мѣрѣ своихъ заслугъ. Онъ сдѣлался царевымъ другомъ,

и Царь былъ тогда одинъ на всей земли имѣвшій друга. Нѣмой карла не былъ забытъ. Рыбаку дали изрядной домъ. *Орканъ* осужденъ былъ заплатить ему великое число денегъ, и возвратить жену; но рыбакъ, ставъ разумнѣе, взялъ только однѣ деньги.

Прекрасная *Семира* была неутѣшна, повѣривъ, что *Задигъ* будетъ кривъ. *Азора* непрестанно плакала, что хотѣла ему отрѣзать носъ. Онъ усладилъ горесть ихъ подарками. Завистникъ умеръ со стыда и отчаянія. Государство наслаждалось миромъ, славою, изобиліемъ. Сіе время было наилучшій вѣкъ на земли, она была управляема правосудіемъ и любовію. Прославляли *Задига*, а *Задигъ* прославлялъ небеса.

КОНЕЦЪ.

СВѢТЪ

каковъ есть

ВИДѢНІЕ БАБУКА

писанное имъ самимъ

съ

Французскаго на Россійской

языкъ переведенное.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При Морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, третьимъ тисненіемъ, 1795 года.

СВѢТЪ
КАКОВЪ ЕСТЬ
ВИДѢНІЕ БАБУКА
писанное имъ самимъ.

Между духами, которые начальствуютъ надъ областями міра, Ітуріилъ первенствующій былъ, и имѣлъ въ собственномъ правленіи верхнюю Азію. Нѣкотораго утра сошелъ онъ въ жилище Скифа Бабука на берегъ рѣки Окса, и говорилъ ему: Бабукъ! безуміе и развращенные нравы Персовъ воздвигли гнѣвъ нашъ; вчера было собраніе духовъ верхней Азіи, въ которомъ разсуждали, наказать ли токмо, или въ конецъ разорить Персеполь. Поди туда,

разсмотри все съ прилѣжанїемъ, и возвратясь принеси мнѣ вѣрное извѣстїе, по чему я либо исправлю, либо разорю сей городъ. Но Государь, отвѣтствовалъ съ покорностїю Бабукъ, я никогда не бывалъ въ Персїи, и ни кого тамъ не знаю. Тѣмъ лучше, говорилъ Ангелъ, ты не будешь пристрастенъ. Ты получилъ отъ небесъ разумъ, а я присовокупляю къ тому дарованїе входить ко всѣмъ въ повѣренность; поди, смотри, слушай, примѣчай и ни чего не бойся; ты вездѣ принятъ будешь изрядно.

Бабукъ сѣлъ на верблюда и отправился въ путь со своими служителями. По нѣскольких днях путешествїя, встрѣтился онъ въ долинѣ Сенааръ съ персидскимъ войскомъ, которое шло противъ їндїйскаго. Приступилъ онъ ко одному воину, котораго нашелъ уединенна, говорилъ съ нимъ, и спрашивалъ о причинѣ сея войны. Кленусь всѣми богами, сказалъ воинъ, я ни чего не знаю, это не мое дѣло; мое ремесло есть убивать и быть убиту, чтобъ не умереть съ голоду. Нужды въ томъ нѣтъ, кому я служу; могу перейти завтре во їндейское войско, для того, что говорятъ, будто у нихъ даютъ около полудрахмы мѣдной на

день каждому рядовому больше, нежели мы получаемъ въ нашей проклятой персидской службѣ. Ежели вы хотите знать за что дерутся, спросите у моего сотника. Бабукъ учинивъ небольшой подарокъ воину, вшелъ въ станъ, скоро свелъ знакомство съ сотникомъ, и спрашивалъ у него о причинѣ войны. По чему мнѣ знать? говорилъ сотникъ; да и что мнѣ въ томъ нужды? Я живу въ тысячѣ верстахъ отъ Персеполя, услышавъ, что объявлена война, оставилъ тотчасъ свой домъ, и иду искать, по обычаю нашему, щастія или смерти, для того, что мнѣ нѣчего другаго дѣлать. Но товарищи ваши, говорилъ бабукъ, не лучше ли о томъ знаютъ? Нѣтъ, сказалъ сотникъ, ни кто кромѣ большихъ нашихъ боярь не знаетъ точно, за что другъ друга убиваютъ.

Удивленный Бабукъ пошелъ къ полководцамъ, тотчасъ снискалъ ихъ дружбу, и на конецъ одинъ изъ нихъ сказалъ ему: причина сея войны, которая опустошаетъ Азію уже съ двадцать лѣтъ, произошла съ начала отъ ссоры между евнухомъ одной жены великаго Царя персидскаго, и нѣкоторымъ приказнымъ человѣкомъ великаго Царя Індійскаго. Дѣло состояло о

полученіи права на нѣкоторую вещь, которая стоитъ не больше тридцатой части дарика. Індійскій и нашъ первые министры достохвально защищали право своихъ Государей. Ссора загорѣлась: со одной и съ другой стороны поставили въ поле по миліону воиновъ. Для наполненія сего войска потребно каждый годъ болѣе четырехъ сотъ тысячь человѣкъ. Жженіе, разоренія и опустошенія умножаются, весь міръ страждетъ, и кровопролитіе не престаетъ. Нашъ и індійскій первые министры кленутся, что они войну ведутъ ради благополучія человѣческаго рода; но при всякой клятвѣ разоренъ какой нибудь городъ, или опустошена цѣлая областъ.

Наутріе, по пронесшемуся слуху о скоромъ заключеніи міра, полководецъ персидскій и полководецъ індійскій спѣшили дать битву. Она была кровопролитная. Бабукъ при оной видѣлъ всѣ погрѣшности и всѣ безчеловѣчія, былъ свидѣтелемъ поступокъ подчиненныхъ полководцевъ, которые все то дѣлали, чтобъ могъ побѣжденъ быть главный ихъ предводитель. Онъ видѣлъ убиваемыхъ начальниковъ отъ собственныхъ своихъ воиновъ, которые прикалывали издыхающихъ

своихъ товарищей, для полученія раздраннаго и покрытаго кровію и пылію рубища. По томъ вшелъ въ больницы, куда приносили раненыхъ, изъ которыхъ большая часть умирали безчеловѣчнымъ небреженіемъ самихъ приставниковъ, которымъ персидскій Царь платилъ дорого, чтобъ они больныхъ призирали. Люди ли это, вскричалъ Бабукъ, или дикіе звѣри? Ахъ вижу, что Персеполь будетъ разоренъ!

Углубленъ въ сихъ мысляхъ пошелъ онъ во індійскій станъ, тамъ, по предсказанію, принятъ былъ такъ же изрядно, какъ и въ персидскомъ, но увидѣлъ и тамъ тѣжъ самыя мерзости, которыя приводили его во ужасъ. О! О! говорилъ онъ самъ себѣ: ежели Ангелъ Ітуріилъ вознамѣрится истребить Персеполь, надобно чтобъ Індійскій Ангелъ истребилъ также Індійцовъ. Потомъ входя въ ближайшее свѣденіе, что въ томъ и другомъ войскѣ происходило, услышалъ дѣла щедрости, великодушія, человѣколюбія, которыя его удивили и обрадовали. Неудобопонятные человѣки! вскричалъ онъ, какъ можете вы совмѣстить толико подлости и величества, толико добродѣтелей и злодѣяній?

Между тѣмъ миръ былъ объявленъ: главные полководцы обоихъ войскъ, изъ которыхъ ни одинъ не получилъ побѣды, но которые, для единой корысти, пролили кровь толикаго множества подобныхъ себѣ человѣковъ, возвратились ко дворамъ своихъ Государей искать награжденія. Миръ торжествовали, и объявили всенародно особливыми листами, которые извѣщали, что добродѣтель и благополучіе паки на землю возвратились. Слава Богу! говорилъ Бабукъ, Персеполь будетъ жилищемъ чистой непорочности; онъ не будетъ разоренъ по намѣренію оныхъ немилостивыхъ духовъ. Поспѣшимъ въ сію столицу Азіи.

Онъ въѣхалъ въ сей пространный городъ древнимъ входомъ, который былъ совсѣмъ варварскій, и котораго дикая грубость досаждала его взору. Вся сія часть города показывала время, въ которое она была построена; ибо не смотря на человѣческое упорство предпочитающее древность новому, надобно признаться, что во всякомъ родѣ первыя начала суть всегда недостаточны.

Бабукъ примѣшался множеству народа, состоящему изъ обоего пола самыхъ гнусныхъ и безобразныхъ людей. Сія толпа

металась наперерывъ въ нѣкое пространное и темное зданіе. По непрестанному шуму, по движенію, которое онъ тамъ видѣлъ, по денгамъ, которыя одни другимъ давали, чтобъ имѣть право сѣсть, думалъ онъ быть въ рядахъ, гдѣ продаютъ соломенные стулья; но вскорѣ увидя множество женщинъ, которыя становились на колѣна, и притворялись потупляющими глаза въ низъ, а въ самомъ дѣлѣ смотрѣли по сторонамъ на мужчинъ, узналъ, что былъ во храмѣ. Отъ гласовъ грубыхъ, охриплыхъ, дикихъ и несогласныхъ раздавался во сврдѣ звукъ худо произносимыхъ словъ, которыя столько же были досадительны слуху, сколько гласы онагровъ, когда они отзываются въ поляхъ пиктавскихъ зовущему ихъ рогу. Онъ затыкалъ свои уши; но хотѣлъ уже зажать глаза и носъ, когда увидѣлъ вшедшихъ въ сей храмъ съ лопатками и вилами мастеровыхъ людей. Они поднимали широкій камень, и бросали направо и налѣво землю, отъ которой исходило ядовитое зловоніе; потомъ поставили въ сіе отверзтіе мертваго, и камень сверху положили. Какъ! вскричалъ Бабукъ, сіи люди потребаютъ своихъ мертвыхъ въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мольбы божеству

приносятъ? Какъ! храмы ихъ настилаются трупами? Больше я не удивляюсь симъ смертоноснымъ болѣзнямъ, которыя часто опустошаютъ Персеполь. Согнитїе мертвыхъ и толикое множество собравшихся и стѣсненныхъ въ томъ же мѣстѣ живыхъ, могутъ заразить весь земный кругъ. Ахъ мерзскїй городъ Персеполь! конечно Ангелы хотятъ оный разорить, чтобъ построить на томъ мѣстѣ новый и населить жителями не толь гнусными, и кои бы лучше пѣли. Провидѣнїе можетъ быть имѣетъ свои причины, оставимъ то на волю онаго.

Между тѣмъ солнце приходило на высоту своего пути. Бабуку надлежало итти на другїй край города обѣдать къ нѣкоторой госпожѣ, къ которой онъ отъ мужа, начальника въ войскѣ, имѣлъ письма. Онъ прежде ходилъ долго по Персеполю, видѣлъ другїе лучше состроенные и великолѣпно украшенные храмы, наполненные благонравнымъ и учтивымъ народомъ, гдѣ повсюду раздавалось плѣняющее чувства согласїе музыки. Общенародные фонтаны, не взирая на безпорядочное ихъ расположенїе, красотою своею привлекали на себя его взоры. Видѣлъ многїя площади, на

которыхъ лучшїе Цари обладавшїе Персїею, изваянїемъ въ мѣди яко бы оживотворенны стояли. Въ другихъ мѣстахъ слышалъ вопль многочисленнаго народа: когда мы увидимъ здѣсь прелюбезнаго своего Государя? Приводили его во удивленїе преизрядные мосты, которые надъ рѣкою гордо возвышались, великолѣпныя и покойныя пристани, пышныя по правую и по лѣвую сторону построенныя палаты, преогромный домъ, гдѣ тысящи раненыхъ побѣдоносныхъ воиновъ, ежедневно возсылали благодаренїе богу войскъ. Напослѣдокъ пришелъ онъ къ госпожѣ, которая ожидала его ко обѣду со многими гостьми. Домъ былъ чистъ и убранъ, столъ богатый, хозяйка молодая, прекрасная, разумная, ласковая, гости ея достойные. Бабукъ самъ себѣ ежеминутно говорилъ: что! развѣ Ангелъ Ітурїилъ думаетъ надъ всѣмъ свѣтомъ, будто надъ дураками, смѣяться, что хочетъ разорить такой преизрядный городъ?

Между тѣмъ примѣтилъ онъ, что госпожа, которая съ начала съ прїятностїю спрашивала его о своемъ мужѣ, при концѣ обѣда еще съ большею прїятностїю розговаривала съ молодымъ волхвомъ. Онъ

увидѣлъ, что судья, въ присутствїи своей жены, разговаривалъ пристрастно со вдовою; а сїя снизходительная вдова обняла одною рукою судью за шею, и въ тожъ время подавала другую молодому прекрасному гражданину. Жена судейская встала перьвая изъ за-стола, и пошла въ ближнїй кабинетъ поговорить со своимъ духовникомъ, который пришелъ очень поздо, и котораго очень долго ожидали обѣдать; а духовникъ, человѣкъ краснорѣчивый, говорилъ ей въ семъ кабинетѣ свое поученїе, съ такою горячностїю и съ такимъ успѣхомъ, что госпожа, по выходѣ своемъ оттуда, глаза имѣла мутные, лице разгорѣвшееся, походку несмѣлую, рѣчь дрожащую.

Тогда Бабукъ началъ бояться, чтобъ слова духа Iтурїила и въ правду не сбылися. Даръ, чрезъ который онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ повѣренность, тотъ же день сдѣлалъ его участникомъ тайностей хозяйки. Она ему открылась, что любитъ молодаго волхва; увѣряя притомъ, что увидитъ онъ тожъ самое во всѣхъ домахъ Персеполя. Бабукъ заключилъ, что такое общество не можетъ стоять, что отъ ревности, раздора и отмщенїя должны разориться всѣ домы, что слезы и кровь

ежедневно тамъ проливаются, что всеконечно мужья убиваютъ полюбовниковъ своихъ женъ, или сами отъ нихъ бываютъ убиваемы; однимъ словомъ, думалъ онъ, что Итуріилъ весьма изрядно сдѣлаетъ, погубя вдругъ такой городъ, который подверженъ безпрестаннымъ бѣдствіямъ.

Когда онъ былъ погруженъ въ сихъ пагубныхъ размышленіяхъ, предсталъ въ дверяхъ мужъ сановитый въ черной одеждѣ, и просилъ съ покорностію, чтобы поговорить съ молодымъ судьею; судьяжъ, не ставъ и не смотря на него, отдалъ ему, будто не нарочно, нѣкакія бумаги, и отпустилъ его. Бабукъ спросилъ, что то былъ за человѣкъ. Госпожа дому сказала ему тихо: онъ есть самый лучшій стряпчій во всемъ городѣ, пятдесятъ лѣтъ учился онъ законамъ. Господинъ, которому не больше двадцати пяти лѣтъ отъ роду, пожалованъ судьею два дни тому назадъ, далъ ему выписку изъ дѣла, которое ему надлежитъ рѣшить, и котораго однакожъ онъ еще не разсматривалъ. Молодый глупецъ дѣлаетъ очень изрядно, сказалъ Бабукъ, что требуетъ совѣта у старика; да для чего лучше не старикъ сей судья? Вы издѣваетесь, сказали ему, тѣхъ, которые

старѣются въ нижнихъ и многотрудныхъ чинахъ, никогда не производятъ въ вышнія достоинства. Молодый человѣкъ имѣетъ великій чинъ потому, что отецъ его богатъ, и что здѣсь покупается право судить людей, такъ же какъ деревни. О нравы! о неблагополучный городъ! вскричалъ Бабукъ, вотъ верхъ безпорядковъ и нестроенія. Безъ сомнѣнія тѣ люди, которые покупаютъ судейскіе чины, продаютъ свой судъ; я не вижу здѣсь кромѣ бездны неправосудія. Когда онъ такъ изъявлялъ свою печаль и удивленіе, одинъ молодый военачальникъ, прибывшій того дня изъ похода, сказалъ ему: а для чего бы не покупать гражданскихъ чиновъ? я самъ купилъ право презирать смерть, начальствуя надъ двумя тысячами человѣкъ. Нынѣшняго года мнѣ стало въ сорокъ тысячь золотыхъ дариковъ, чтобъ въ красномъ платьѣ, спать на голой землѣ тридцать ночей сряду, и по томъ получить двѣ добрыя раны отъ стрѣлъ, которыя и по нынѣ я чувствую. Буде я разоряюся служа персидскому Царю, котораго я въ глаза не видалъ, господинъ судья безъ нужды можетъ заплатить что-нибудь за удовольствіе выслушивать челобитчиковъ. Бабукъ отъ безмѣрной досады

не могъ удержаться, чтобъ не проклинать въ сердцѣ своемъ землю, гдѣ съ торгу продаются чины мира и войны; онъ тотчасъ заключилъ, что имъ не можно знать ни воинскаго искусства ни гражданскихъ правъ, и что хотя бы Итуріилъ и не истребилъ сего народа, то погибнетъ оный самъ отъ своего негоднаго правленія. Худое его мнѣніе еще больше умножилось приходомъ толстаго человѣка, который, поздравя всѣхъ гостей дружески, подошелъ къ молодому военачальнику и говорилъ ему: я не могу васъ ссудить больше пятидесяти тысячь дариковъ золотыхъ: по истиннѣ нынѣшняго года отъ государственныхъ пошлинъ не получилъ я болѣе трехъ сотъ тысячь дариковъ. Бабукъ любопытствовалъ знать, что ето за человѣкъ былъ, который жаловался, что такъ мало получилъ прибыли. Онъ услышалъ что въ Персеполѣ есть сорокъ Царей изъ подлаго народа, которые держатъ на откупу Персидское государство, и всѣ подати собираютъ, а изъ того даютъ нѣчто Государю.

После обѣда пошелъ онъ въ наивеликолѣпнѣйшій всего города храмъ. Онъ сѣлъ въ срединѣ между множествомъ женщинъ

и мужчинъ, которые пришли туда для препровожденія времени. Волхвъ показался въ нѣкакой возвышенной машинѣ, и говорилъ долго о порокахъ и добродѣтели. Сей волхвъ дѣлилъ на многія части то, чего дѣлить ни малѣйшей нужды не было; толковалъ по правиламъ то, что было ясно; училъ тому, что всѣ знали. Онъ говоря входилъ въ страсть съ холодностію, и сошелъ въ потѣ и задыхаясь. Все собраніе тогда проснулось, и думало что слушало поученія. Бабукъ сказалъ: вотъ человѣкъ трудившійся всею возможностію, чтобъ наскучить двумъ или тремъ стамъ своихъ согражданъ; но намѣреніе его было доброе, и разорить Персеполь нѣзачто.

По выходѣ изъ сего собранія повели его смотрѣть общенароднаго празднованія, которое во весь годъ ежедневно отправлялось. Сіе происходило во зданіи на подобіе великаго храма, внутри котораго видимы были палаты. Прекраснѣйшія персепольскія гражданки, самые знатные сатрапы въ порядкѣ сидящіе, представляли толь изрядное зрѣлище, что Бабукъ сперва подумалъ, что въ томъ состояло и все празднество. Двѣ или три особы, которыя казалися быть Царями и Царицами, вскорѣ

появились предъ сими палатами. Рѣчь ихъ весма отмѣнялась отъ народной: она была съ мѣрою, высокая и согласная. Ни кто не спалъ, всѣ слушали во глубокомъ молчанїи, которое прерывалось токмо изъявленїемъ общаго удовольствїя и удивленїя. Должность Государей, любовь добродѣтели, опасность страстей, были выражаемы толь живымъ и толь чувствительнымъ дѣйствїемъ, что Бабукъ пролилъ обильныя слезы. Онъ не сомнѣвался, чтобъ сїи Герои и Героини, сїи Цари и Царицы, которыхъ онъ слушалъ, не были государственные проповѣдники. Онъ вознамѣрился подозвать самого Ітурїила прїити ихъ слышать, увѣряяся подлинно, что такое зрѣлище примиритъ его на вѣки съ городомъ.

По окончанїи сего празднованїя хотѣлъ онъ видѣть начальную Царицу, которая говорила въ сихъ преизрядныхъ палатахъ толь превосходное и толь чистое нравоученїе, и просилъ чтобъ ввели его къ ея Величеству. Повели его въ верхъ, по маленькой лѣсенкѣ, въ покой худо убранный, гдѣ увидѣлъ онъ женщину худо одѣтую, которая говорила ему видомъ благороднымъ, но жалостнымъ: сїе ремесло не приноситъ мнѣ здѣсь, чемъ бы могла я жить. Отъ

одного изъ Князей, коихъ вы видѣли, я обеременѣла и скоро рожу. Денегъ у меня нѣтъ, а безъ денегъ не родятъ. Бабукъ далъ ей сто дариковъ золотыхъ, думая, что ежели больше нѣтъ худаго въ городѣ, Ітуріилъ гнѣвается понапрасну.

Оттуда пошелъ онъ для препровожденія вечера къ купцамъ, которые торгуютъ дорогими бездѣлицами. Одинъ разумный человѣкъ, съ которымъ онъ познакомился, повелъ его туда. Онъ купилъ что ему понравилось, продали ему съ великою учтивостію въ четверо дороже, нежели оно стоило. Другъ его, по возвращеніи домой, показалъ ему чемъ его обманули. Бабукъ записалъ въ книжку имя купца, чтобъ припомнить Ітуріилу въ день общаго наказанія города. Въ то время, какъ онъ писалъ, стучались у дверей. Ето былъ тотъ самый купецъ; онъ принесъ ему кошелекъ, который Бабукъ забылъ у него въ лавкѣ. Возможное ли дѣло, вскричалъ Бабукъ, чтобъ вы были такъ честны и безкорыстны, не устыдясь прежде такъ безсовѣстно меня обмануть въ продажѣ бездѣлицы, за которую взяли вы въ четверо дороже, нежели она стоитъ? Нѣтъ ни одного почти купца въ городѣ, отвѣчалъ

ему купецЪ, который бы не принесЪ вамЪ назадЪ кошелька; но вамЪ солгали, сказавЪ, что я вамЪ продалЪ товары свои вЪ четверо дороже, нежели чего оные стоили; я вамЪ продалЪ вЪ десятеро дороже, и ето такая правда, что ежели бы вы чрезЪ мѣсяцЪ похотѣли ихЪ продать, то не получили бы ни десятой доли того, что сами заплатили. Но сїе и справедливо: человѣческїя прихоти полагаютЪ цѣну такимЪ бездѣльнымЪ вещамЪ, и тѣжЪ прихоти даютЪ пропитанїе великому числу мастеровыхЪ, которые у меня работаютЪ. Оныя дали мнѣ прекрасный домЪ, покойную карету, изрядныхЪ лошадей; онѣжЪ возбуждаютЪ трудолюбїе, содержатЪ вкусЪ, обращенїе денегЪ и изобилїе. Я продаю сосѣдственнымЪ народамЪ тѣжЪ бездѣлицы гораздо дороже нежели вамЪ, и для того я полезенЪ Государству. БабукЪ подумавЪ немного, вычернилЪ имя его изЪ записной книжки.

БабукЪ вЪ крайнемЪ недоумѣнїи и не зная что заключить о Персеполѣ, вознамѣрился видѣть волхвовЪ и ученыхЪ людей; ибо одни учатся премудрости, а другїе закону. ОнЪ льстился, что сїи люди заслужатЪ помилованїе всему народу. На

завтрешній день пошелъ онъ во обитель волхвовъ. Настоятель оныя признался ему, что онъ имѣетъ сто тысячь рублей годоваго дохода за обѣтъ нищеты, а за обѣтъ послушанія неограниченную власть. Послѣ сего поручилъ онъ угощеніе Бабука молодому брату.

Между тѣмъ какъ братъ показывалъ ему великолѣпіе сего дома покаянія, пронесся слухъ, будто Бабукъ прибылъ для исправленія всѣхъ сихъ обителей. Тотчасъ начали ему подавать отвсюда доношенія, а доношеній прямая сила состояла въ томъ: *соблюди насъ, а разори всѣхъ прочихъ.* Слушая ихъ защищенія, общества сіи казались быть весма нужны; слушаяжъ взаимныя ихъ обвиненія, надлежалобъ всѣ оныя уничтожить. Онъ удивлялся, что не было ни одного изъ сихъ собратствъ, которое ради наставленія міра на путь спасенія, не желало бы обладать онымъ. Въ то время предсталъ одинъ малорослый человѣкъ, онъ былъ полуволхвъ, и сказалъ ему: я вижу что дѣло исполняется, ибо Зердустъ возвратился на землю. Малыя отроковицы пророчествуютъ, рвучи себя спереди щипцами, а сзади біяся бичами; и такъ мы просимъ вашего покровительства

противЪ великаго Ламы. КакЪ! сказалЪ БабукЪ, противЪ сего Іерарха, который живетЪ вЪ Тибетѣ? противЪ его самого? по сему вы имѣете сЪ нимЪ войну и вооружаете противЪ него войско? НѣтЪ, но онЪ говоритЪ, что человѣкЪ имѣетЪ свободную волю, а мы вЪ томЪ ему прекословимЪ. Мы пишемЪ противЪ него малыя книжки, которыхЪ онЪ не читаетЪ; онЪ едва о насЪ и слыхалЪ, но только повелѣлЪ насЪ предать проклятію и изверженію, чтобЪ истребить насЪ изЪ общества, наподобіе господина, который велитЪ дерева своего сада очищать отЪ червей. БабукЪ ужаснулся безумію людей посвятившихЪ себя любомудрію, коварству отрекшихся міра, любочестію и высокомѣрнымЪ желаніямЪ наставляющихЪ смиренію и нищелюбію; онЪ заключилЪ, что ІтуріилЪ имѣетЪ довольныя причины погубить весь сей родЪ.

По возвращеніи домой, для уменьшенія скуки, послалЪ искать новыхЪ книгЪ; а для увеселенія позвалЪ кЪ себѣ на обѣдЪ нѣсколько ученыхЪ. Собралось ихЪ вдвое больше нежели онЪ звалЪ, подобно какЪ лакомыя осы кЪ меду слетаются. Сіи прихлѣбатели поспѣшали ѣсть и говорить;

они хвалили двоякаго рода людей, то есть мертвыхъ и самихъ себя, а современныхъ своихъ никогда, выключая хозяина. Ежели кому изъ нихъ удавалось сказать какую замысловатую шутку, всѣ другїе потупляли глаза, и кусали съ досады у себя губы, что не они то выговорили. Они не столько старались притворствовать какъ волхвы, по тому что не имѣли такъ властолюбивыхъ намѣренїй. Каждый изъ нихъ домогался получить мѣсто слуги, а славу великаго человѣка. Они въ глаза говорили ругательства другъ другу, а думали, что говорятъ остроумно. Они нѣсколько дознались о посольствѣ Бабука. Одинъ шепталъ ему на ухо, прося погубить писателя, который за пять лѣтъ не довольно его хвалилъ; другїй требовалъ, чтобъ истребить гражданина, который никогда не смѣялся на его комедїяхъ; третїй желалъ уничтоженїя Академїи, для того, что не хотѣли принять его оныя въ сочлены. Обѣдъ кончился, всѣ пошли врознь, потому, что не было изъ нихъ двухъ человѣкъ, которые другъ друга могли бы терлѣть, или между собою гдѣ либо разговаривать, кромѣ какъ у богатыхъ, когда бываютъ позваны къ обѣду. Бабукъ раз-

судилЪ, что не очень худо, ежели сїи негодныя твари исчезнутЪ во время общаго разоренїя.

КакЪ скоро онЪ ихЪ выжилЪ, то принялся читать новыя книги. УвидѣлЪ вЪ нихЪ двухЪ своихЪ гостей; а паче всего взиралЪ онЪ сЪ негодованїемЪ на сїи поношенїемЪ наполненныя вѣдомости; на сїи архивы не заключающїя вЪ себѣ никакого разума, которыя зависть, подлость и голодЪ писали; на сїи язвительныя сатиры, гдѣ льстятЪ ястребу и терзаютЪ голубя; на сїи любовныя повѣсти, обнаженныя всякаго остроумїя, гдѣ видно столько описанїя женскихЪ лицЪ, которыхЪ сочинитель не зналЪ.

ОнЪ бросилЪ во огонь всѣ сїи негодныя сочиненїя, и пошелЪ на вечерЪ прогуляться. Представили его одному ученому старику, который не былЪ у него вЪ числѣ гостей. Сей ученый всегда убѣгалЪ многолюдства, зналЪ людей, пользовался ими, и служилЪ имЪ. БабукЪ обЪявлялЪ ему сЪ прискорбностїю, что читалЪ, и кого видѣлЪ. Вы читали презрѣнїя достойныя сочиненїя, говорилЪ ему разумный мудрецЪ; но во всѣ времена, во всѣхЪ земляхЪ, и во всѣхЪ дѣлахЪ худаго премножество, а

хорошее рѣдко. Вы имѣли у себя въ гостяхъ школьныхъ извергов; ибо во всѣхъ званїяхъ, чѣмъ кто больше недостоинъ казаться людямъ, тотъ всегда тѣмъ съ бо́льшимъ безстыдствомъ имъ себя представляетъ. Истинные мудролюбцы провождаютъ жизнь съ подобными себѣ въ тишинѣ и уединенїи. Есть между нами люди и книги достойныя вашего уваженїя. Въ то время, какъ онъ сїе выговаривалъ, сошелся съ ними другїй ученый, разговоры ихъ были такъ прїятны и такъ полезны, такъ удаленны отъ предразсужденїй, и такъ согласны съ добродѣтелїю, что Бабукъ признался, что онъ никогда подобныхъ симъ не слыхалъ. Вотъ люди, говорилъ онъ самъ себѣ, къ которымъ Ангелъ Iтурїилъ не смѣетъ и прикоснуться, или уже будетъ онъ чрезъ мѣру жестокосердъ.

Примирясь со учеными не преставалъ онъ быть во гнѣвѣ противъ прочаго народа. Вы чужестранецъ, говорилъ ему благоразумный человѣкъ, который съ нимъ разговаривалъ; заблужденїя представляются глазамъ вашимъ во множествѣ, а добро, которое скрывается и происходитъ иногда отъ самыхъ сихъ заблужденїй, вамъ не видимо. Тогда узналъ онъ, что между

учеными есть независтливые, а между волхвами добродѣтельные. Онъ уразумѣлъ на последокъ, что сїи великїя общества, которыя на подобїе тѣлъ яко бы ударяясь другъ о друга прїуготовляли себѣ взаимную погибель, въ самомъ дѣлѣ были спасительныя учрежденїя; что каждое братство волхвовъ было удержанїемъ для своихъ соперниковъ; что хотя сїи ревнители по вѣрѣ разнствовали въ нѣкоторыхъ мнѣнїяхъ, однакожъ были всѣ согласны что касается до правоученїя, въ которомъ подавали наставленїе народу; и что жили они въ послушанїи законамъ, на подобїе приставниковъ, которые наблюдаютъ поступки сына, а господинъ дома наблюдаетъ за ними. Онъ со многими познакомился, и видѣлъ души небесныя. Услышалъ также, что между сумозбродами, которые вооружались противъ Ламы, были люди весьма великїе. Разсуждалъ потомъ, что нравы въ Персеполѣ могутъ быть уподоблены зданїямъ, изъ которыхъ одни заслуживали его презрѣнїе, а другїе приводили его въ крайнее удивленїе.

Онъ сказалъ своему ученому: я теперь увѣренъ, что сїи волхвы, которыхъ я почиталъ такъ опасными, въ самомъ дѣлѣ

суть весьма полезны, а паче когда мудрое правленїе не допуститъ ихъ вмѣшиваться въ дѣла званїю ихъ непринадлежащїя; но вы мнѣ признаетесь по крайней мѣрѣ, что ваши молодые судьи, которые покупаютъ свои чины, какъ только выучатся ѣздить верхомъ, могутъ надѣлать въ судахъ все что глупость смѣшнаго, а неправосудїе злаго въ себѣ заключаютъ. Безъ сомнѣнїя лучше бы пожаловать безденежно сїи мѣста онымъ старымъ законоучителямъ, которые всю жизнь свою проводили чтобъ узнать, въ чемъ состоитъ справедливость и несправедливость. Ученый отвѣчалъ ему: вы видѣли наше войско прежде прибытїя своего въ Персеполь, знаете, что наши молодые военачальники бьются очень хорошо, хотя они и покупаютъ свои чины. Можетъ быть вы увидите, что наши молодые судьи судятъ не худо, хотя и заплатили за то, чтобъ судить.

На завтрѣе привелъ онъ его въ верховный судъ, гдѣ надлежало заключить важный приговоръ. Дѣло было извѣстное всему свѣту. Всѣ сїи старые стряпчїе, которые объ ономъ разсуждали, замѣшались во своихъ мнѣнїяхъ. Они приводили сто указовъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ

приличенъ ко основанїю дѣла; разсматривали дѣло со всѣхъ сторонъ, однакожъ ни съ которой правильно видѣть не могли. Судьи рѣшили оное гораздо скорѣе, нежели стряпчїе думали. Приговоръ ихъ былъ почти единогласенъ. Они разсуждали изрядно по тому, что слѣдовали здравому разуму; а другихъ мнѣнїя были худы для того, что совѣтовали токмо со своими книгами.

Бабукъ заключилъ, что часто и отъ злоупотребленїя происходятъ весьма хорошїя дѣла. Онъ увидѣлъ съ того самаго дня, что богатство откупщиковъ, которое ему толь не нравилось, можетъ произвесть изрядное дѣйствїе; ибо Государь, возъимѣвъ нужду въ деньгахъ, находилъ во одинъ часъ посредствомъ ихъ столько, сколько не могъ бы получить въ полгода обыкновенными средствами. Онъ видѣлъ, что сїи великїя облака, наполненныя поднявшеюся изъ земли росою, возвращали ей дождемъ, что отъ нея получили. Притомъ же дѣти сихъ новыхъ людей получивъ иногда лучшее воспитанїе, нежели дѣти происходящїе отъ древнихъ родовъ, не рѣдко бываютъ ихъ лучше; ибо отнюдъ не мѣшаетъ быть хорошимъ судьею, храбрымъ

воиномъ, искуснымъ министромъ тому, котораго отецъ умѣлъ хорошо сочинять щеты. Бабукъ по малу прощалъ ненасытству откупщика, который въ самомъ дѣлѣ не жаднѣе другихъ людей, а притомъ былъ и полезенъ. Онъ извинялъ безумїе разоряющихся для того, чтобъ судить, и для того, чтобъ драться; безумїе производящее великихъ судей и полководцевъ. Онъ извинялъ зависть ученыхъ, между которыми находятся люди служащїе ко просвѣщенїю всего человѣческаго рода. Примирился со властолюбивыми и хитрыми волхвами, которые имѣли больше великихъ добродѣтелей, нежели малыхъ пороковъ; но осталось ему еще довольно затрудненїй, а паче всего любовныя дѣла, и могущїя отъ того произойти плачевныя слѣдствїя, наполняли его безпокойствомъ и ужасомъ.

Онъ, желая проникнуть во всѣ человѣческїя состоянїя, просилъ чтобъ свели его къ министру. Въ непрестанномъ былъ трепетѣ, чтобъ не увидѣть на пути какую женщину убиваемую отъ своего мужа. Прибывъ къ министру, дожидался два часа въ передней прежде нежели о немъ доложили, и два часа еще послѣ доклада. Надосугѣ бралъ онъ намѣренїе изряднымъ

образомъ Ангелу Iтурiилу выхвалить министра и всѣхъ его невѣжливыхъ служителей. Передняя была наполнена госпожами различнаго состоянiя, волхвами разноцвѣтныхъ одѣянiй, судьями, купцами, военачальниками, педантами. Всѣ жаловались на министра. Скупый и ростовщикъ говорили: сей человѣкъ всеконечно грабитъ цѣлыя области. Своенравный укорялъ его своенравiемъ. Сластолюбивый говорилъ: онъ ни о чемъ не думаетъ кромѣ какъ о своихъ веселостяхъ. А хитрый льстился видѣть его въ скорости погибша чрезъ какоенибудь коварство. Женщины надѣялись, что дадутъ имъ скоро министра гораздо моложе.

Бабукъ слыша ихъ разговоры, не могъ удержаться, чтобъ не сказать: вотъ щастливый человѣкъ! онъ имѣетъ всѣхъ своихъ непрiятелей у себя въ передней, можетъ искоренить своею силою всѣхъ своихъ завистниковъ, видитъ у себя подъ ногами своихъ ненавистниковъ. Напослѣдокъ вшелъ къ нему, видитъ небольшаго старика нагбеннаго бременемъ лѣтъ и дѣлъ, но еще бодраго и въ твердомъ разумѣ.

Бабукъ ему понравился, и онъ показался Бабуку достойнымъ почитанiя.

Разговоры были важные. Министрѣ ему признался, что онъ человѣкъ весьма нещастливый; что называютъ его богатымъ, а онъ убогъ; думаютъ что онъ великую власть имѣетъ, но всегда ему противурѣчатъ; что онъ добро дѣлалъ всегда неблагодарнымъ, и что въ непрестанныхъ трудахъ чрезъ цѣлыя сорокъ лѣтъ, едва имѣлъ ли онъ на минуту утѣшенія. Бабукъ сжалился, и думалъ, что ежели сей человѣкъ сдѣлалъ какія погрѣшности, и ежели бы Ангелъ Итуріилъ похотѣлъ его наказать, тобъ не надлежало его погубить, но токмо оставить въ прежнемъ мѣстѣ.

Въ самое то время, какъ онъ разговаривалъ съ министромъ, вдругъ входитъ та прекрасная госпожа, у которой Бабукъ обѣдалъ. Въ глазахъ ея и на челѣ видны были знаки печали и гнѣва. Она начала выговаривать сему государственному человѣку, проливала слезы, жаловалась съ горестію, что не дали мужу ея мѣста, котораго ему порода искать дозволяла, а служба и раны достойнымъ его дѣлали. Она произносила рѣчь свою толь сильными выраженіями, жалобамъ своимъ примѣшала столько пріятностей, уничтожала предлагаемыя ей возраженія столь искусно, дока-

зывала съ такимъ краснорѣчїемъ, что не вышла изъ покоевъ отъ министра, не сдѣлавъ мужу своему щастїя.

Бабукъ подалъ ей руку: возможно ли государыня, сказалъ онъ ей, чтобъ вы такъ много старались о человѣкѣ, котораго со всѣмъ не любите, и котораго вамъ должно боятся? О человѣкѣ, котораго я люблю? вскричала она. Знайте, что мужъ мой есть наилучшїй другъ, котораго я не имѣю въ свѣтѣ, и нѣтъ ничего, чтобъ не принесла ему въ жертву, кромѣ моего любовника; и онъ сдѣлаетъ также все для меня, кромѣ оставленїя своей любовницы. Я хочу васъ съ нею познакомить. Она женщина прекрасная, наполненная разума и преизрядныхъ свойствъ. Мы будемъ ужинать сего вечера вмѣстѣ съ моимъ мужемъ и съ моимъ маленькимъ волхвомъ, пожалуйте будьте участникомъ нашего удовольствїя.

Госпожа повела Бабука къ себѣ. Мужъ, который послѣ пришелъ погруженъ въ печали, принялъ жену свою съ восторгомъ радости и благодарности. Онъ обнималъ наперерывъ то жену, то полюбовницу, то малаго волхва, то Бабука. Согласїе, веселїе, разумъ и прїятности были душею сего ужина. Знайте, говорила ему прекрасная

госпожа, у которой онъ ужиналъ, что тѣ, которыхъ иногда называютъ нечестными женщинами, имѣютъ почти всегда достоинство честнаго человѣка; и чтобъ васъ въ томъ увѣрить, пожалуй завтра обѣдать со мною къ прекрасной Теонѣ. Есть старыя Весталы, которыя ее злословятъ; но она одна дѣлаетъ больше добра, нежели онѣ всѣ вмѣстѣ. Она не сдѣлаетъ ни малѣйшей несправедливости за самую великую корысть. Она любовнику своему подаетъ полезные совѣты, ни о чемъ такъ не старается, какъ о его славѣ; онъ бы умеръ со стыда предъ нею, ежели бы упустилъ случай сдѣлать добро; ибо ни что такъ не ободряетъ къ дѣламъ добродѣтельнымъ, какъ имѣть свидѣтелемъ и судїею поступокъ своихъ полюбовницу, которой хотимъ нравиться.

Бабукъ не упустилъ прїити во уреченное мѣсто. Видитъ домъ, гдѣ владычествовало веселїе, а веселїемъ владычествовала Теона. Она умѣла говорить со всякимъ по приличности, природной ея разумъ приводилъ ей всѣхъ въ повиновенїе. Она нравилась не желая нравится, была сколь любезна, столь и благодѣтельна; а что болѣе увеличивало ея достоинство, она была красавица.

Бабукъ, хотя Скиѳъ и посланникъ духа, увидѣлъ, что когда останется еще въ Персеполѣ, забудетъ Ітурїила для Теоны. Онъ сдѣлался благосклоннымъ къ городу, котораго народъ уже началъ казаться ему добронравенъ, учтивъ и благодѣтеленъ; хотя въ прочемъ вѣтренъ, склоненъ ко злословїю и тщеславенъ. Онъ боялся чтобы Персеполь не былъ разоренъ, боялся и того, что онъ во отвѣтъ объ ономъ скажетъ. Вотъ какъ онъ предприялъ дать отвѣтъ: велѣлъ сдѣлать лучшему ваятелю изо всего города, небольшой истуканъ, сложенный изо всѣхъ металловъ, изо всякаго рода глины, и каменьевъ самыхъ дорогихъ и самыхъ простыхъ. Онъ принесъ оный ко Ітурїилу. Сокрушите ли вы, сказалъ онъ, сей прекрасный истуканъ для того, что онъ не весь изъ золота и алмазовъ? Ітурїилъ тотчасъ сїе выразумѣлъ. Онъ положилъ чтобъ и не думать о поправленїи Персеполя, и оставить *свѣтъ, каковъ есть*; для того, говорилъ онъ, *что ежели не все хорошо, то все посредственно*. И такъ оставили Персеполь по прежнему, и Бабукъ отнюдъ не намѣренъ былъ жаловаться по примѣру Іоны, который разгнѣвался, что не разорена Ниневїя. Но бывъ три дни во

чревѣ китовѣ, не можно быть такѣ веселу, какъ бывъ на оперѣ, на комедіи, или въ пріятной бесѣдѣ на ужинѣ.

КОНЕЦЪ.

ЕЛЕГІЯ
КЛЕОНЫ КЪ ЦИНЕЮ

СОЧИНЕНІЕ Г. ДУША

съ французскаго на россійскій
языкъ переведенная.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

*При Морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, третьимъ тисненіемъ,
1795 года.*

ЕЛЕГІЯ.

КЛЕОНА КЪ ЦИНЕЮ.

Я Прошу только одного слова; дождусь ли того когда? или вѣчно мнѣ быть въ страхѣ, мученіи, и молчать? Ахъ! *Циней*, сердца своего болѣе я удержать не могу; горесть онаго на конецъ изливается. Жалобы и слезы есть послѣдняя отрада нещастныхъ; ежели ты не хочешь самъ подать мнѣ утѣшенія, то по крайней мѣрѣ не отнимай сего послѣдняго облегченія въ моей печали.

Люблю тебя, сладко мнѣ и теперь твое воспоминаніе; тщетно я старалась истребить къ тебѣ свою любовь, всѣ пролитыя мною слезы не могли ея угасить. Прости мнѣ, естьли я похищаю у тебя минуты, въ которыя могъ бы ты вкушать сладкое восхищеніе, въ объятіяхъ

другой любовницы; но можно тебѣ оставить и для меня минуту. Я имѣю право сего отъ тебя требовать: увы! сколь великою цѣною пріобрѣла я сіе право: оное стоитъ спокойствія моей жизни. Неможно тебѣ того забыть; день, котораго я не могла сдѣлать для тебя пріятнѣйшимъ, хотѣла бы я исключить изъ числа дней моей жизни. Судбы своей искала я въ твоихъ глазахъ, читала въ нихъ свою радость и печаль, жизнь и смерть. Въ воздаяніе толикой любви, о *Циней*! прошу у тебя одной минуты, одного вздоха.

Не бойся взглянуть на сіе письмо; и чего тебѣ бояться отъ любовницы, которая тебя обожаетъ? не буду жаловаться на твою невѣрность, не отягчу тебя клятвами оставленной любовницы. Какъ могу я тебя проклинать, тебя, который одинъ можешь сдѣлать меня щастливою..... Сладкая и лестная надежда! ты исчезла; но любовь со мною осталась. Сія любовь разлилась по всей моей крови, она течетъ въ каждой каплѣ слезъ моихъ, живетъ въ каждомъ вздохѣ.... Дай мнѣ жаловаться, дай мнѣ омокать перо мое во слезахъ, дай мнѣ начертать трепещущею рукою, чемъ сердце мое наполнено: горести цѣлаго года

собралися въ семъ удрученномъ сердцѣ, оно бѣдное не можетъ болѣе сдержать сего бремени; такъ, цѣлой годъ уже тому, какъ нещастная *Клеона* заблуждаетъ въ сей пустыни. Желаю, страшусь, надѣюсь, отчаяваюсь....

Не знаю живъ ли ты! Ахъ! ежели ты и живъ; но *Клеона* забвенїю предана. ... Какое участїе живымъ съ мертвыми, щастливому съ безщастнымъ? Можетъ быть повиновался ты повелѣнїю жестокосердой своей матери; можетъ быть вкушаешь во объятїяхъ щастливѣйшей любовницы.... *Циней*, да будетъ благополучно новое твое сочетанїе, не прошу тебя чтобъ ты возвратился въ мои объятїя, буде почитаешь, что единая любовь не довольна сдѣлать тебя щастливымъ; но я что тебѣ могу представить кромѣ горячности, кромѣ любви?....

Не прошу чтобъ ты возвратился въ мои объятїя! что я сказала бѣдная? солгала и слезы мои за то меня наказуютъ. ... *Циней*, я всего лишилась: чести, покоя, друзей, родителей; возврати мнѣ мое сердце, и все ко мнѣ возвратится. Но есть ли должно мнѣ тебя отрещись, то отрицаюсь щастїя, надежды, жизни.... И что я

буду дѣлать въ свѣтѣ, гдѣ *Циней* живетъ не для меня? Увы! для чего ты меня любилъ? но ты любилъ, наши родители, и сами небеса, согласовали любви нашей. Уже Гименъ возжигалъ брачный свѣтильникъ, уже олтарь былъ уготованъ, намъ позволено было желать и надѣяться.... Но сколь кратка была сїя надежда! сколь опасна для моей невинности! сколь бѣдственна моему покою! День щастїя наступаетъ.... о горькое воспоминанїе! лейтеся слезы, прекраснѣйшїй день моей жизни обратился въ ненастный день бѣдствїя .... жестокой случай погасилъ внезапу брачный свѣтильникъ, и низвергъ съ головы моей вѣнецъ брака. Восторгъ, веселїе, щастїе, все скрылось.... О какъ скоро ты исчезло сладкое и нѣжное упражненїе мыслей! Весеннїе дни моей жизни, въ какую ужасную темноту вы погрузились! Одна минута премѣнила въ страшную пустыню сей рай веселїя и утѣхи, гдѣ мысли мои сладостно заблуждали.... Любовь!.... увы! отъ нея ожидала я своего блаженства; любовь низвергла меня въ бездну стыда и отчаянїя. Тщетно я ищу утѣшенїя, утѣшенїе далеко отъ меня убѣгаетъ, воспоминанїе минувшаго благополучїя больше растравляетъ мои раны.

Возвожу орошенные глаза слезами къ сей высотѣ, съ которой я низпала, и не вижу кромѣ пропасти, въ которой я погребена пребываю.

Когда воспоминаю сей день, въ который легковѣрное мое сердце плавало въ восхищенiи; въ который оплетенная объятiемъ рукъ твоихъ висѣла я на твоихъ устахъ, въ который преклонясь на твою грудь, омочала ее радостными слезами; когда воспоминаю часъ, въ который любовь и утѣхи уже ко уготованному олтарю насъ ожидали: о щастiе! вопiю, для чего сердце мое тебя познало? Но я тогда любя, была любима, могла всего желать, надѣяться всего, и все чувствовать. Теперь.... что мнѣ осталось? снѣдающее желанiе и мрачное отчаянiе.

Протекайте спѣшно вы надмѣру долгiе дни, во отраду бѣдной *Клеонѣ*: послѣдняя минута ея жизни будетъ первая ея покоя.... Но увы! сколь удаленъ отъ меня покой! О ежели бы ѣдкая старость внезапу пожрала черты лица моего! ежели бы блѣдность распростерлась по моимъ щекамъ! можетъ быть, чтобъ я тогда утѣшилась. Для чего проливать слезы? злощастная *Клеона*, могла бы я себѣ сказать,

для чего проливать слезы? уже конецъ бѣдамъ твоимъ приближается: преклоняющееся на западъ солнце возвѣщаетъ покой ночи, ты стоишь на брегу своего блаженства, однимъ шагомъ достигнешь предѣла своихъ желанiй.... Но даръ, котораго младость меня лишаетъ, подастъ мнѣ мое сокрушенiе: свѣденная печалiю, истощенная слезами, прежде наступленiя осени лѣтъ моихъ, увижу себя удручаемою болѣзньми, изсыхающую и упадающую....

О *Циней*! присовокупи мольбы свои къ моимъ, проси у Бога мнѣ смерти для того, что ты не хочешь мнѣ дать жизни! умирающая буду съ тобою прощаться; и вѣрь мнѣ *Циней*, ежели есть судiя назирающiй дѣла смертныхъ, то потребно тебѣ мое прощенiе. Соединившiя насъ узы едина смерть расторгнуть можетъ.... Не думаешь ли ты, что жестокосердо желать смерти имѣющей только единыя желанiя, чтобъ сдѣлать жизнь твою на вѣкъ щасливою? Ахъ! *Циней*, когда ты меня оставилъ, то являешься жестокосердѣе желая мнѣ жизни.... жизни, какова моя, безъ надежды, безъ подпоры, безъ утѣшенiя, безъ тебя....

Но какъ могъ ты оставить свою супругу? Бѣдныя мы! забываютъ насъ въ самое то время, когда мы чаемъ, что приобрѣли священное право быть болѣе любимы. Наши слезы не токмо не приводятъ въ жалость непостоянныхъ нашихъ почитателей; но слезы имъ досаждаютъ, отгоняютъ ихъ. Не рзсуждая такъ ли мы какъ они легкомысленны, они желаютъ, чтобъ въ тожъ время и наша любовь къ нимъ охладѣла, когда имъ измѣнить угодно будетъ.

Но я оставляю болѣе открывать тебѣ мое сердце; а изображенїемъ горестнаго своего состоянїя приведу тебѣ хотя то на память, что *Клеона* еще жива.... Подлинно, я еще жива, ежели жизнїю назвать можно отчужденїе общества человѣческаго и всѣхъ веселостей.... Ставъ омерзѣнїемъ моего пола, стыдомъ ближнихъ, презрѣнїемъ великаго числа варваровъ ругающихся впадшею въ сѣти невинностїю, скрываю я отъ всѣхъ свои слезы и стыдъ, убѣгаю присутствїя моихъ подругъ, дабы плакать во уединенїи; трепещу каждую минуту, чтобъ не признали меня сами тѣ, у которыхъ природа и сердце побуждаютъ меня искать утѣшенїя

и подпоры .... Быть принужденною убѣгать самой помощи! .... ахъ! *Циней*, есть ли состоянїе сего плачевнѣе? .... Безщастная дочь, которая живетъ токмо для того, чтобъ наслѣдовать нещастїе своей матери, научается отъ самыхъ пеленъ на моихъ рукахъ, на лонѣ, у сердца, стонать, плакать, обыкать къ горестному состоянїю, для коего она рождена.

Увы! она отъ меня получила жизнь; но купно отъ меня и отъ тебя. Есть ли у нея отецъ? .... Отецъ не забылъ бы ея матери .... Но будетъ ли почитать священнымъ союзъ крови, поправшїй ногами должность любви?

О когдабъ ты пребылъ мнѣ въ вѣрности! надежда подкрѣпляла бы меня въ великодушїи, она услаждала бы мои горести. Я бы не брегла о человѣческомъ прощенїи; ибо знаю, что Богъ мнѣ простилъ. Но *Циней*, ты меня оставилъ.

Не буду обвинять твоего сердца симъ варварскимъ забвенїемъ; сїе наполненное великодушїемъ сердце можетъ ли тѣмъ утѣшаться, чтобъ орошаему быть слезами оставленной любовницы; чуждо неблагодарности, можетъ ли воздать за чрезмѣрную любовь оскорбленїемъ и безчестїемъ. Коль-

кратно самъ ты проклиналъ сихъ безчестныхъ прелестниковъ, раздѣляющихъ со адскими жителями безчеловѣчную радость, когда видятъ падающую непорочность! Какое негодованіе сверкало изъ твоихъ глазъ! какъ тѣлодвиженія твои согласовали словамъ твоимъ! великодушныя слезы текли по твоему лицу. Вперенная во твои взоры плакала я съ тобою вмѣстѣ; и когдажъ не мѣшала я слезъ своихъ съ твоими? .... *Циней*, ты плакалъ расказывая приключенія .... такія, каково теперь мое.

Коль пріятно было мнѣ сіе сожалѣніе! я видѣла въ глазахъ твоихъ красоту небесную. Утопляемая въ страсти, пребывая безгласна, преклонялась я на твою грудь, прижимала тебя къ сердцу .... Возможно ли было тогда тебѣ не вѣрить? какъ можно было думать, что слезы у тебя текли притворно? естество дало слезы бѣдности и добродѣтели сожалѣющей о бѣдности; притворнымъ подражаніемъ симъ священнымъ слезамъ, для прельщенія и пагубы, наносится посмѣяніе естеству и оскорбленіе творцу естества.

Колико ты проливалъ слезъ о паденіи *Ціаны*? Я такъ же нынѣ нещастлива. Увы! по крайней мѣрѣ смерть избавила

мою подругу отъ стыда и страданія. Но пребывающая для понесенія того и другаго, кто о ней пожалѣетъ? кто восхочетъ заплатить ей хотя одною каплею слезъ сожалѣнія дань, которую она никогда не отрицала нещастію?

Послушай *Циней:* ежели твое сердце было беззаконно! ежели вѣроломность могла вкрасться въ твою душу! *Циней,* проклятіе .... но ты будешь нещастливѣе меня .... Нѣтъ, хотя бы ты меня и оставилъ, однако не буду почитать тебя виновнымъ, неуклонный предѣлъ разлучаетъ тебя съ *Клеоною*. Ахъ! могу ли я тебя почитать злодѣемъ, не умножа своего злощастія новымъ мученіемъ? Часто, когда ночь и тишина налагали на страну сію такоежъ мрачное молчаніе, въ какомъ пребывало мое сердце, скрываюсь я во удаленныя и дикія мѣста, куда любопытство не приходитъ подслушивать стенанія страждущихъ, и тамъ предаюсь я въ конецъ своей горести. Ручей присовокупляетъ жалобамъ моимъ печальное свое журчаніе; небо низпосылающее росу, будто тѣмъ мнѣ соплакиваетъ; кусты отвѣтствуютъ моему стону, въ глазахъ нещастнаго всѣ вещи въ сѣтованіе облекаются. Гдѣжъ онъ находитъ хотя малую утѣху? Утѣхи убѣ-

гающъ его и тѣни, ядомъ горести своей все прекрасное естество онъ заражаетъ.

Иногда, скрытая подъ сплетенными рукою поселянина липами, размышляю, что я была, что я быть могу; прохожу въ памяти своей сладкіе дни любви, сердце мое вострепещетъ, лице жаромъ наполнится, забываюсь; но увы! на единое мгновеніе ока. Вдругъ пробуждаюсь, съ верха радости упадаю въ бездну отчаянія, и слезы мои омочаютъ цвѣты, которые при ногахъ моихъ увядаютъ.

Часто, когда я сижу, когда съ курящимся на олтарѣ естества благовоніемъ сердце мое вздохи, а глаза слезы къ небесамъ возсылаютъ, когда потомъ отягченная глава моя, на подобіе увядающаго цвѣта, преклоняется на мою руку, когда утомленіе призываетъ сонъ, и когда мысли мои внутрь души заключаются, сновидѣнія вкругъ меня играютъ, и отдаютъ мнѣ моего возлюбленнаго, котораго ты меня лишаешь. Вижу его дражайшую тѣнь, призываю ее, простираю къ ней руки, обнимаю, прижимаю къ груди; но увы! она отъ меня убѣгаетъ, вдругъ вскричу, пробуждаюсь, и глаза мои паки начинаютъ горестное свое упражненіе.

Часто, когда въ ночной тишинѣ дерева̀ вкругъ меня колеблются, когда лунныя лучи, проницая древесныя листы, изображаютъ дикїя виды, кажешься ты мнѣ вдалекѣ, слышу ступанїе своего возлюбленнаго, вперяю въ ту страну взоры, приклоняю со вниманїемъ радивое ухо, шумъ листовъ, движимыхъ дыханїемъ умирающихъ зефировъ, восхищаетъ радостїю духъ мой; грудь моя вздымается, сердце трепещетъ, горящїя мои глаза ищутъ желаемаго моею любовїю; но тщетно, образъ тотъ скрывается, вѣтры умолкаютъ, все становится паки тишиною и пустынею.

Злощастная *Клеона!* въ какомъ мѣстѣ престанешь ты обманываться сновидѣнїями?.... во гробѣ. Но увы! гдѣ заимствовать силы для претеченїя долгаго пути жизни? Ахъ! *Циней*, сколько сердце мое пошлетъ еще къ тебѣ вздоховъ!

Не довольно того, что оставилъ, надобно, увы! предать забвенїю. Возможно ли, чтобъ никогда не приходила тебѣ на память твоя *Клеона*, или злощастная мать твоей дочери? Ежели имя *Клеоны* не влагаетъ ни малѣйшей жалости въ сердце любовника, то уже ради имени

матери должно отцу сжалиться. Чѣмъ я заслужила толь безчеловѣчное забвеніе? или ты чаешь, что сердце мое не требуетъ утѣшенія? О когда бы я получила, не говорю знакъ твоей любви, но хотя бы знакъ напоминанія! Но чѣмъ я себя прельщаю? *Циней* ничего ко мнѣ не отпишетъ, ничего я не услышу о *Цинеѣ*, напрасно я о томъ пекуся; но можетъ ли любовь быть безпечна? Кажется будто слава забыла твое имя, или по крайней мѣрѣ забыла то мѣсто, куда меня заключила немилосердая судба. Мы разлучены разлученіемъ живыхъ съ мертвыми.

Но теперь ты знаешь жилище и состояніе огорченной *Клеоны*; ежели ты ее еще любишь, кто тебѣ возбранитъ ѣхать къ ней? Нѣтъ препятствій, коихъ бы любовь не преодолѣла; рѣки, горы, для нея суть слабыя преграды. Ежели ревнивое око назираетъ всѣ твои дѣйствія, ежели тебѣ запрещено ко мнѣ и писать, неужли не имѣешь ты друга, чрезъ котораго можешь послать хотя одно слово *Клеонѣ*? Не требуетъ она ни подробностей, ни извиненій; я прошу только одного вздоха, требую только сихъ словъ: *Циней любитъ Клеону*.

Ежели я отъ тебя оныя получу, прощаю тебѣ мои горести, слезы и все, что я претерпѣла, и все, что теперь претерпѣваю. Узнай сколько ты мнѣ милъ. Избавь меня отъ смертельнаго сомнѣнія, освѣти печальное сердце мое лучемъ надежды.... А ежели ты меня не любишь, ахъ! хотя обманывай меня; приобучи меня по малу къ нещастію. Я все бы тебѣ простила, и самое всеконечное оставленіе, но, *Циней*, не забудь своей дочери!

КОНЕЦЪ.